

10.335
1973/2

Литературная

РУССКАЯ

5

1973

Вахтанг ГОРГАНЕЛИ

ПАРТИЙНЫЙ БИЛЕТ

Этот пурпурно-красный билет,
Что сиянье и свет излучает,
Этот пурпурно-красный билет,
В ком все солнца горят и пылают,
Этот пурпурно-красный билет,
Что над миром надеждой возреал,
Я беру, словно факел, чтоб свет
Всюду тьму вековую развеял.
Этот пурпурно-красный билет,
Что сердца согревает людские,
Даст на все самый точный ответ, —
На загадки судьбы вековые.
Этот пурпурно-красный билет,
Что добру открывает дорогу,
Я беру, как берутся за плуг,
Чтоб пахать глубоко и помногу,
Как берут сортовое зерно,
Укрывают от бурь и ненастья,
Чтобы, силою напоено,
Поднялось оно колосом счастья,
Этот пурпурно-красный билет,
В славных буднях труда принимаю
Как предвестье великих побед
В яркоцветном кипении мая;
Я беру его так, как берут
Мастеров в мускулистые руки
И уверенно, дружно идут
Поднимать города из разрухи;
Как берут молоток и пилу,
Собираясь в рабочую роту,
Как большую путевку беру,
Чтоб служить трудовому народу;
Я держу его в сильных руках,
Как волшебное миру явление,
Что собой озарит все века
И земле принесет обновленье.
Я держу его в сильных руках
(Словно хлеб, своим политый потом),
Чтоб в далеких и близких веках
Звонким гимном звенела работа.

Кто в делах был и в помыслах чист
И в борьбе был и смел, и неистов,
И всю жизнь утверждал: коммунист
Умирает в борьбе коммунистом;
Кто восстал на пути у фашизма,
Кто сумел ему путь преградить,
Кто поверил, что быть коммунистом —

Это значит народу служить;
Кто грядущему эстафету
Пятилетия сумел передать, —
В этом пурпурно-красном билете
Жизнь его будет ярко пылать.
Коммунист, где б ты ни был всю жизнь —
На колхозных полях, на заводах —
Ты по-ленински дорожи
Самым высшим — доверьем народа.
То доверье народа — корабль,
А народной мечте нет предела,
Правда — меч, им неправду карать,
Щит надежный — народное дело,
Верный руль корабельный — добром,
Труд твой — солнц миллионов свеченье, —
Только так человеку дано
Принести всей земле обновленье.
Этот путь — путь великих побед,
Путь бессмертья, немеркнувшей славы,
Лишь на нем зарождается свет
Труд прославившей первой державы.
Лишь тому дарит этот билет
Все тепло и хранит, как кольчуга,
Кто отдаст всей души своей свет
И не будет в том видеть заслугу,
Кто нигде никогда не склонял
Знамя дружбы и единенья,
Кто звездой путеводною стал
В историческом нашем движении.
Я беру этот красный билет, —
Радость льется весенним разливом, —
Молот, бей и греми на весь свет,
Серп, звени своей песней на ниве.
Больше, больше пшеничных снопов,
Чиде сinya над поднявшейся сляной,
Еще больше счастливых домов
С тихой песнею над колыбелью.
Пусть добро воплотится в дела,
Чтобы сердце все радостней билось,
Больше ГЭСов, чтоб звездная мгла
Ярким светом земным озарилась.
Пусть трубит трудовую горнист,
В ней воспеты мы все поименно.
Лишь вперед, лишь вперед, коммунист,
Еще выше победы знамена.
Дел в стране у нас неупорот,
Путь наш новый — нелегкий, кремнистый,
Впереди и лишь только вперед
Мы идем по земле, коммунисты!

Литературная

ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

5

ОРГАН
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
ГРУЗИИ

МАЙ

1 9 7 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ

81976

კ. შარქიანი წიგნი
საბჭოთა კავშირის
მწერთა კავშირი

ქრეველთვიური ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-კოლოტიკური ჟურნალი

წელიწადი მე-17

№ 5

მაისი, 1973 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Главный редактор

Год издания семнадцатый

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Григол АБАШИДЗЕ,

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,

Марк ЗЛАТКИН,

Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,

Натела КАРАШВИЛИ,

Серго КЛДИАШВИЛИ,

Георгий МАЗУРИН

(заместитель главного редактора),

Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,

Георгий ХУЦИШВИЛИ,

Эммануил ФЕИГИН,

Алеко ШЕНГЕЛИА.

Рукописи объемом
менее авторского листа
не возвращаются.

Адрес редакции: Тбилиси, 8. Улица Ленина, 5. Телефоны: гл редактор — 93-65-15,
зам. гл. редактора — 93-13-57, ответ. секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59,
отдел прозы и очерка — 93-31-43, отдел поэзии и искусства — 93-31-43, отдел
критики и публицистики — 93-65-19.

საქართველოს საბჭოთა მწერლები

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Вновь повторится. Перевод Александра Глезера	5
АЛЕКО ШЕНГЕЛИА. Настал великий день. Перевод Валерия Краснопольского	5
ВАХТАНГ ГОРГАНЕЛИ. Партийный билет. Перевод Георгия Мазурина. На второй стр. обложки	
РЕЗО АМАШУКЕЛИ. Великая Отечественная. Перевод Владимира Равича. 1942 год. В горах про- снулась таяя вода... Перевод Валерия Крас- нопольского	5
АЛИ ИСАЕВ-АВАРСКИЙ. Родина души. Горю! Я бы хотел в твою дверь постучаться... Перевод с авар- ского Леонида Темина	6

ПРОЗА

ОТАР ЧИДЖАВАДЗЕ. Самоубийцы. Главы из романа	7
БОРИС КИКНАДЗЕ. Художник из Мирзаани. Рассказ. Перевод Виктории Зининой и Светланы Сергеевой	21
ИРАКЛИЙ УГУЛАВА. Подарок. Рассказ. Перевод Бо- риса Пугачева	31
ВЛАДИСЛАВ ПЕТЕРС. Одиннадцатый шаг. Празднич- ный обед	35

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НИКОЛОЗ ЧАЧАВА. Светло, образно, музыкально	37
ГУРАМ ГВЕРДЦИТЕЛИ. Преодоленная высота	39
ШАЛВА ГОЗАЛИШВИЛИ. Поэзия борьбы и свободы	44
ДМИТРИЙ БЕРИДЗЕ. Из творческого опыта перевод- чика	51

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

- ПЕТРЭ ШАМАТАВА. Всегда на переднем крае . . . 57
ГРИГОЛ ГУМБАРИДЗЕ. Батальон капитана Гегешидзе.
Перевод Владимира Алексидзе . . . 62
ИВАН БАБАЛАШВИЛИ. Братская помощь . . . 66

ХУДОЖНИК И ПЯТИЛЕТКА

- «ВЕРЮ СВОЕМУ ГЕРОЮ...». Беседа с писателем Нодаром Думбадзе . . . 70

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

- ✓ ГЕОРГИИ ДЖАВАХИШВИЛИ. Поэт-демократ Н. В. Симборский на Кавказе . . . 75

ИСКУССТВО

- ✓ ЛЮДМИЛА ДОМРАЧЕВА. Роль марксистско-ленинской идеологии в формировании личности актера . . . 79

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- ✓ ИРИНА СУКИАСОВА. Материалы из творческой лаборатории А. С. Грина . . . 87

В МИРЕ КНИГ

- ✓ НОНА ЭЛИЗБАРАШВИЛИ. Книга о нашем земляке . . . 93
✓ ИГОРЬ БОГОМОЛОВ. Укрепляя научную базу русского литературоведения в Грузии . . . 95

ВНОВЬ ПОВТОРИТСЯ

Пусть годы идут. Эта дума с тобой,
 Какие бы ни были дни и заботы.
 К чему-то стремишься ты всю душой
 И веришь, и веришь, и веришь во что-то.

Ты веришь, что время корней не убьет
 И снова зеленым побегам подняться.
 И наша любовь никогда не умрет —
 Нам в строках и детях дано повторяться.

Без этого жизнь невозможно прожить...
 Безверье! Что может быть злей и
 страшнее?
 Блаженство безмерное — слепо любить,
 И счастлив, кто верить любимым умеет.

Все то, что увидел, обрел и познал,
 Опять повторится. Отбрось же сомненья.
 Коль жизнь твоя — сон, значит, жизни
 не знал,
 И значит, не стоит она сожаленья.

Перевод Александра ГЛЕЗЕРА

Алеко ШЕНГЕЛИА

НАСТАЛ ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ

Распустятся розы,
 улыбкой ответив
 На радость мою,
 в ней любовь заприметив...
 Душе моей жарко,
 Но холодно небу...
 И дождик подобен
 раннему снегу.
 Настал день великий,
 И стройка запела —
 И песня звенела,
 И спорилось дело...
 Я верю в весну,
 что несет перемены...
 Весне рапортуют
 рабочие смены.
 Я вижу:
 Отцизна встает обновленной,

Ее изобилие —
 труд окрыленный!
 Поля вновь украсит
 трава молодая,
 И Грузия встретит
 приход Первомая!
 Я славлю тебя,
 народ-созидатель:
 Рабочий и пахарь,
 поэт и ваятель!
 И может ли песня моя
 быть иною,
 Коль стих мой подобен
 рабочему строю?!
 Распустятся розы,
 улыбкой ответив
 На радость мою,
 что идет по планете...

Перевод Валерия КРАСНОПОЛЬСКОГО

Резо АМАШУКЕЛИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Над притихшим залом меркнет свет,
 Зал затих,
 зал действия ожидает...
 На экране с криком оживает
 Срез войны,
 ее кровавый след.

Вопль разъятой плоти по глазам
 Резанет и переполнит душу,
 И, военной правды не нарушив,
 Тень войны шагает по рядам.

Тень войны, сошедшая с экрана,
 Кровью расплескалась по рядам...
 Как об этом рассказать мне вам,
 Не выдавшим рвущихся снарядов...

А когда зальется светом зал
 И домой пойдет и молодой, и старый,
 Человек,
 что суть войны познал,
 Костылями простучит по тротуару.

Перевод Владимира РАВИЧА

Мы как птенцы сидели за столом,
И умирала медленно лампада...
В ее дрожании бледно-голубом
Нам яблоки мерещились из сада...
Но мы делили только тишину,
Как хлеб когда-то, поровну делили...
Мы слишком ненавидели войну
И потому про хлеб не говорили...

Но незаметно возникала мать,
Чтоб накормить голодными руками...
О, как об этом трудно вспоминать
И бредить обжигающими снами...
Но возникает тот безумный крик,
И ворон черной тенью проплывает...
— Ребенок твой ромашкою поник,
И матери уже не отвечает...

* * *

В горах проснулась талая вода,
Спешит весна за первым гулким громом...
Что обещал, я сделал, уходя,
И вот теперь с твоим прощаньем дойдем...
О, как я верил в твой белесый храм,
В круговорот его небесных фресок...
С зарею просыпался по утрам,
Искал весну за дымною завесой.

Твою весну наперекор снегам
Я призывал... и вот ее дождался.
И уходя, прощения грехам
Своим прошу за то, что не остался...
Меня увлек бушующий апрель,
Сорвав мосты и лес сплавной угнавши...
Но я вернусь и в белую капель
Верну табун, испуганно бежавший...

Перевод Валерия КРАСНОПОЛЬСКОГО

Али ИСАЕВ-АВАРСКИЙ

РОДИНА ДУШИ

Дни отрочества, юности метанья
И бесконечность пройденных дорог...
Но я, встречая грудью испытанья,
Не покорился и не изнемог.

И наконец, когда неоднократно
Весь лик Земли я, путник, обошел,
Земной поклон я отдал благой
Грузинской почве... Сердцу хорошо

Припасть к тебе, о Грузия! Металось
Оно, ища заветную зарю,

Но здесь я вижу все, о чем мечталось,
И осторожно сердцу говорю:

— Чего еще ты хочешь? Может статься,
О чем-нибудь мечтаешь ты, скажи...
И слышу лишь один ответ: — Остаться
Навеки в этой родине души!

Остаться здесь — и нет желаний боле!
Где край такой еще отыщешь ты,
В котором, как снежинки, тают боли
Под солнцем небывалой доброты...

* * *

— Горю! Я бы хотел в твою дверь
постучаться
И узнать, как встречают гостей среди гор...

— Что стоишь на пороге?
Входи! Для аварца
Гость — святая святых с незапамятных
пор.

Здесь как будто бы только и ждали
мгновенья,

Когда в дверь постучатся!
И сразу же, вдруг
Вспыхнул пир,
Зазвучало застольное пенье —
И уже побратимом становится друг,
И такое веселье, что кажется:

Вместе
С песней
И потолок устремляется ввысь,
И земля прикоснулась к высоким
созвездьям,
И светила для братского пира зажглись!...

— Вот теперь ты познал наш обычай
и братство,
Нашу мудрость народную — множить
друзей:
Пусть всего я лишусь — в побратимах
богатство,
Если дружба со мною — я смерти сильнее!

Перевод с аварского Леонида ТЕМИНА

САМОУБИЙЦЫ

КНИГА ВТОРАЯ

Мы все шли, и мне казалось, что вот так я иду всю жизнь, с самого дня рождения... и никогда этому не будет конца.

Деревня на склоне горы казалась такой же далекой, как и раньше, а лента проселочной дороги одиноко, без каких-либо ответвлений, уходила вдаль и сливалась с беспросветной желтизной пейзажа.

— Вот какая она, заграница... — сказал я вслух.

— Что? — спросил Омар.

Он шел рядом со мной, и мне стоило невероятных усилий не дать обогнать себя, хотя мы шли совсем медленно.

— Подождем их, — сказал Омар.

Как хорошо, что он первым предложил остановиться. Я посмотрел на Омара. Он был похож на мертвеца, которого перед похоронами еще надо побрить и вымыть.

— На кого ты похож!.. — сказал он мне.

Я повернулся к подходившему Того. Он шел, не разгибая колен, с усилием выкидывая в стороны ноги. Вместо румянца на щеках у него были какие-то грязно-коричневые пятна.

— Надо подождать Степко, — сказал я Того, так как он проходил мимо, уже не в силах остановиться.

Мы уселись посреди дороги, уставившись на покачивающуюся вдали жалкую фигурку Степко.

— Как он медленно плетется... — простонал Того.

— Мерзавец!.. Привык все за чужой счет! — ни к селу, ни к городу сказал Омар.

Несмотря на нечеловеческую усталость, во мне все бурлило. Теперь я понял, что это была злость. Неимоверная, все обволакивающая злость, причиной которой была потеря чего-то очень большого... самого большого!

Я с ненавистью стал смотреть на еле передвигающего ноги Степко, но он был еще далеко, а эти двое были рядом.

— Вы оба тоже хороши!.. В последний момент отказались, и пришлось платить одному мне!

— И тебе тоже ничего не обошлось! — сказал Того, любящий во всем ясность.

— Это уже было потом... а тогда вы поступили, как сволочи!..

— Этого только не хватало, чтоб я оказался таким же дураком, как Степко! — сказал Омар.

— А что!.. — подтвердил Того.

— Значит... выходит, что я...

— Это твое дело, — безразлично сказал Омар.

— Да я вам сейчас обоим морды набью!

Но ни один из них не реагировал на мои слова.

— Хотя бы знать, умер проводник или нет, — сказал Того.

— А для чего тебе это знать, для чего?! — срывающимся фальцетом закричал Омар. — Ну скажи, для чего!..

Пошатываясь, с болтающимися, как плети, руками и открытым ртом подходил Степко. Он очень напоминал большую курицу.

Шагах в десяти от нас Степко начал приседать, а затем растянулся на дороге, уткнувшись лицом в землю, и стал как-то странно подергиваться.

— Он плачет? — удивился Того.

— Нет, его тошнит, — обрадованно сказал Омар. — Паразит... хотя бы дошел до нас.

Как можно было так ненавидеть человека?.. Вот я... вскочил, подбежал к Степко и, нагнувшись над ним, участливо спросил, что с ним. Затем взял его на

руки и понес... нет, обхватив за талию, повел в этот открывшийся для нас новый мир... и все удивлялись моей самоотверженности и всепрощающей человечности...

Мы сидели и смотрели на трепыхающегося Степко. Каждый из нас в этот момент, когда нужно будет подняться и идти дальше.

Солнце уже заходило за голую вершину горы, и появившаяся у ее подножия тень обязывала идти, не теряя времени.

— Подождите меня! — это кричал Степко, увидев, как мы поднялись.

Мы великодушно снизошли до его просьбы и, когда за спиной услышали его прерывистое дыхание, двинулись дальше.

Первые шаги оказались настоящим мучением. Каждая, даже самая малюсенькая часть тела возмущалась таким с ней обращением, причиняя невыносимую боль.

— Воды!.. — простонал Степко.

— А ты разве не напился, когда нырял в Поцхови? — язвительно спросил Омар.

— Ох, если б это был я!.. — Того, вероятно, представил, как он выпивает всю реку.

Долго продолжались за спиной стоны Степко, который больше не отставал, пока направо от нас не открылось глубокое ущелье, и что самое главное — на его левом склоне виднелась тропинка, ведущая вверх в деревню.

Все великие восхождения на высочайшие вершины мира — суцая чепуха по сравнению с нашим восхождением к этой деревушке.

Почему-то всегда описывают, как страдают альпинисты от разреженности воздуха, никогда не пишут о мучительных страданиях восходителей от разреженности в желудках!.. А когда, захлебываясь от гордости за альпинистов, описывают, как они, рискуя жизнью, любовно подстраховывают друг друга, то никогда не пишут об индивидуальном страховании, когда полный самоотверженной любви к собственной персоне отчаянно стараешься не дать уставшему товарищу подержаться за тебя, а падающему уцепиться!

Когда мы, в который уже раз, остановились, чтоб перевести дыхание, я высказал мучившую меня мысль:

— У нас много общего с Иисусом Христом!

— Почему? — спросил Омар.

— Он тащил на Голгофу крест, а мы тащим свою глупость!

— Голгофа была намного ниже, — сказал Того.

— Христа... Бога... мать! — выругался упавший Степко.

Волос на подошве лаптей стерся, и они стали очень скользкими.

Я посмотрел вниз. Там уже сгустились сумерки.

Наконец показалась нижняя, более покатая часть плато, на котором должна была быть деревня. Ее пока не было видно, но чувствовалась уже жизнь, так как совсем близко от нас кто-то кашлял. Мы поднялись еще на несколько метров и наверху, на кромке плато, увидели силуэт мальчика, который тянул за веревку козла. Коза упиралась и кашляла.

— Эй, архадаш! — позвал я мальчика.

Мальчик остановился, посмотрел на нас, а затем вперегонки с козой скрылся за небольшой возвышенностью.

— Архадаш — это товарищ? — строго спросил Омар.

— Да.

— Так постарайся это слово забыть, мы не в Советском Союзе!

Пока до меня дошло, что Омар может быть прав, я успел послать его к чертовой матери.

— Пахнет шашлыком! — неожиданно осклабился Степко.

Действительно, ветром донесло до нас запах горящего кизяка.

— А на чьи деньги ты будешь есть этот шашлык? — серьезно спросил Того.

Улыбка сошла с лица Степко. Неужели он забыл или думал, что ему забудут его шантаж?

Во всяком случае, прийти в деревню он решил первым, и у нас не было сил перегнать его.

— Вера даже умирающему придает силы! — почему-то мои мысли крутились вокруг всех святых мучеников.

— Вера во что? — спросил Того, найдя предлог, чтоб остановиться.

— Вера, что он сможет пожрать, — я указал на спину карабкающегося впереди Степко.

Внезапно мы вступили на плато, и перед нами открылась деревня — одна довольно широкая улица, опоясывающая полукругом склон горы, и в беспорядке рассыпавшиеся по обе ее стороны землянки. В самом центре деревни нахальство торчал двухэтажный бревенчатый домик с наружной лестницей.

Когда мы уже подходили к деревне, то заметили внизу на отшибе приземистое каменное здание «николаевского» типа, вероятно, школу, так как во дворе стоял турник, а над входными дверями была прикреплена вывеска. Выше двери, на обнесенном колючей проволокой плацу, стояло длинное казарменное здание.

Первая же землянка, к которой мы подошли сзади, оказалась пекарней. Доносившийся из нее бесподобный аромат свежеспеченного хлеба моментально обволокло нас и вознес на самые вершины будущего блаженства. Воспрянув духом, мы энергично стали обходить хибарку, ища входа, и наткнулись на трех босых оборванцев, у каждого из которых на поясе висел штык, а за спиной торчала винтовка.

— Гюрджи? — спросил самый высокий из троих и, подбоченившись, выставил вперед босую ногу.

Мы знали, что «гюрджи» означает грузин, и утвердительно закивали головами.

Повелительно махнув рукой двум остальным, чтоб они пристроились за нашей спиной, высокий встал во главе колонны, и мы зашагали к главной улице, наверх, а запах свежеспеченного хлеба становился все слабее и слабее.

Хотя аскеры вели нас в казарму самым что ни на есть военным способом, мне как-то не верилось, что это те самые турецкие солдаты, которых считают одними из лучших в мире.

Пройдя аккуратно подметенный плац, мы вошли в казарму, вход в которую был с противоположной от ворот стороны.

В длинной, старинного типа постройке с небольшими, далеко расположенными друг от друга южнами царила полутьма. На деревянных нарах во всю длину казармы я заметил по одному байковому одеялу, сложенному у изголовья, под давно небеленной стеной, а на полу выставленные в безупречную линию залатанные ботинки. В козлах перед нарами стояли винтовки.

Степко попросил воды, и ему указали на стоящий в углу громадный глиняный сосуд. С усилием подняв кувшин, он стал жадно пить, обливая свое засаленное черное пальто.

«Первым пьет младший...» Пришлось совершить над собой усилие, чтобы оказаться старшим, если не по возрасту, то по выдержке.

Посоветовавшись с одним аскером, высокий опять ввел нас в караулку, которая была отделена от казармы перегородкой, указал нам на нары в углу и ушел.

Хотелось немедленно лечь и забыть это неприятное ощущение свинцовой тяжести собственного тела. Словно договорившись, мы одновременно проковыляли к нарам и уселись в самом углу.

Степко о чем-то попросил одного аскера и через несколько минут уже яростно вгрызлся в зажатый в кулаке кусок хлеба, иногда откусывая что-то из другого кулака, вероятно, сыр.

Взгляд у него был какой-то пустой, видно, мысли его были всецело заняты очень сложным процессом глотания.

Того уже лежал на спине с закрытыми глазами, свесив на пол ноги. Иногда вместе с дыханием у него вырывался стон.

— Мы что, арестованы? — спросил Омар.

— Наверное. А ты другого ожидал? — зло сказал я.

В открытую дверь было видно, как за дощатыми уборными дымили два небольших костра и около них копошились солдаты.

— Некоторые готовят для себя сами, — сказал Омар.

— Да, в индивидуальном порядке.

— А мы? Дадут они нам что-нибудь?

— Не думаю... Видишь, другие в сторонке ходят...

— Ну хстя бы немножко? — Впервые Омар был таким откровенно человечным... и слабым.

— Тут нечего ожидать родственных отношений!.. Любимых мамочек уже нет и не будет! — Конечно, так меня заставляла говорить личная и только теперь по-настоящему осознанная обида. Все уже свершилось, и преступник обвивая во всем других, может быть, очень близких... Конечно, это было подло с моей стороны, но это было так.

— Пока до моей матери дойдет весть, что я жив... — Омар не дождался и устался на Степко.

По загорелому за сутки лицу Степко текли грязные слезы.

— Тоже захотелось материнской ласки? — с иронией спросил я Степко. Степко смущенно улыбнулся.

— Хлеб кончился, а один лук очень горький, — сказал он и, разжав кулак, показал оставшуюся четвертушку луковицы. — Но я все равно ее съем.

Съел он оставшуюся луковицу все же с хлебом. Какой-то сердобольный аскер принес нам хлеба. Это были разные по величине и черствости куски, видно, собранные у других аскеров.

Одолов эту манну небесную с помощью воды из кувшина, мы, как были в пальто, улеглись на нары и мгновенно утонули в беспросветной глубине сна.

* * *

Уже пять дней как мы здесь. За это время я изучил десятка два слов и кое-как объясняюсь. Ребята говорят, будто я их знал раньше и скрывал. Дураки, несколько слов в сутки может запомнить даже полнейший кретин, если очень захочет.

В первое же утро нас ожидал сюрприз. Проснулся я от ужасной жажды и сразу бросился к кувшину. В казарме никого не было. У окна стоял Омар и смотрел во двор, где проходили занятия.

Засунув руки в карманы пальто, я почувствовал, что у меня чего-то не хватает. Испугавшись, я начал нащупывать тайный карман на груди, деньги были на месте.

— В чем дело? — спросил Омар, увидев, как я полез через дырявый карман за подкладку пальто.

— Нет наг'на!

— Вах!..

Мы разбудили Того. Деньги у него оказались на месте, но не хватало бравинга. Финки, ножны которых были пришиты с внутренней стороны пальто, оказались на месте.

— Что делать? — протирал глаза еще не совсем проснувшийся Того.

Мы пришли к единственно правильному решению — молчать и делать вид, будто у нас ничего не пропадало.

Одно было ясно — оружие изъяли у нас неофициально.

Затем перед нами стал вопрос, арестованы мы или нет.

— Если они будут нас кормить, значит, мы арестованы, — сказал я, — если же нет, то...

Степко интересовал только вопрос немедленного заполнения желудка. Хочу заскочить вперед и сказать, что сегодня этот вопрос им блестяще разрешен. Теперь вид у него если не цветущий, то лучше, чем был когда-либо.

Подстегиваемый голодом, Степко смело вышел из казармы. Мы последовали за ним.

На плацу перед выстроившимися солдатами величаво рассказывал выхлещенный, облаченный в форму из дорогого сукна офицер.

Не могу точно вспомнить, во французских или английских иллюстрированных журналах я видел так одетых военачальников.

В обтянутой перчаткой руке он держал стек и иногда похлопывал им по голенищу сверкающего кирпичной краснотой сапога.

Мне всегда претило, когда в бездарных пьесах или фильмах актер, исполняющий роль офицера, утрированно играл стеком. Тут же это было по-настоящему противно.

Каким надо было быть дураком, чтобы не замечать всего несоответствия между собой и оборванными солдатами.

И все-таки по-настоящему воинственный вид был только у солдат.

Ни у кого из нас даже не вызвало усмешки то, что солдаты равнялись не по носкам ботинок, а по большим пальцам босых ног.

Потом мы узнали, что эта форма экономии обуви была частной инициативой майора, командующего кирпичной гинризоном.

Майор экономил также и на продовольствии. В этом мы скоро убедились, увидев, как солдаты все свое свободное время рыскали по деревне в поисках пищи.

Оглядев нас издали, майор ушел в сопровождении высокого аскера, которого звали Хасаном.

Когда Хасан вернулся, он разрешил нам пойти в деревню для покупки еды, но только ненадолго.

Ура! Мы были свободны.

Где находится пекарня, мы хорошо помнили и через несколько минут уже были там.

Хлеба только закладывали в печь, надо было ждать. Старый пекарь, мешая гурецкие, грузинские и русские слова, предложил испечь для нас какие-то очень вкусные лепешки, предупредив, что каждая будет стоить по двадцать курушей*.

* В лире сто курушей.

Сделав величиной с тарелку лепешки с закрученными краями, он положил в них по большому куску масла, а затем разбил в каждую по три яйца.

Через десять минут мы, обжигаясь, с вымазанными в масле и желтке лицами поехали удивительно вкусные лепешки.

Отдышавшись, мы заказали еще по одной и теперь уже ели с расстановкой, а под конец с усилием одолели их.

Когда пришел момент расплачиваться, Омар и Того с удивительной последовательностью и упорством повторили, что думают о Степко: с шантажистом они не хотят иметь ничего общего, а тем более платить за его лепешки.

Мелочность всегда опирается на какие-то принципиальные доводы. Степко во время их панегириков в защиту своих принципов скромно смотрел в сторону. Вид у него был блаженный, а глаза такие же масляные, как подбородок.

Теперь он на моем полном иждивении, и хотя мы всеми силами стараемся доказать, что у нас нет денег, два три раза на день кушаем лепешки.

Пока ничего другого мы здесь не нашли.

Иногда я лезлю себя на том, что поглядываю на Степко, который полнеет просто на глазах.

Надо отдать ему должное, Степко старается сделать мне приятное — никогда не отказывается спеть песенку, передразнить кого-нибудь, а в спорах с остальными всегда на моей стороне.

В первый день мы не осмелились пройти по деревне и сразу вернулись в казарму. На второй день мы оказались смелее.

Нахально торчащее двухэтажное деревянное здание с наружной лестницей оказалось кафе-рием. Каждый раз, когда проходишь мимо, оттуда доносится звук костяшек, громкий говор. Иногда играет охрипший патефон.

Самое большое, можно сказать, потрясающее впечатление произвели на нас лавки. Это большие землянки без окон, с толстыми деревянными дверьми и громадными железными засовами. В деревне их всего несколько, но количество товара, сложенного в каждой из них, хватило бы на сто таких деревень, как эта.

Навалом, до самого потолка лежат в них заграничные товары. Разные шевроны, всех цветов коверкоты, шелковые чулки, французская парфюмерия, немецкие бритвы.

И не представляет особого труда догадаться, что это скупочные пункты для контрабандистов. За все время я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь там что-либо покупал. Все происходит, вероятно, без свидетелей, ночью.

Вообще я и в деревне не видел, чтоб кто-нибудь чем-то занимался, кроме лекаря и, кажется, школьного учителя, которого мы еще не видели. Может быть, у меня такое впечатление создалось из-за того, что полевые работы закончены...

Мы также узнали, что в деревне, кроме военной, существует и гражданская власть, во главе которой стоит каймакам, и что каймакам и майор между собой враждуют.

Всех нас немного удивляет, что по сегодняшний день никто не удосужился спросить, не только кто мы такие, но хотя бы наши имена и фамилии.

Хасан сказал, когда мы его об этом спросили, что нас перешлют в город Карс и там все это сделают. Пока же сидим и ждем, когда нас отправят.

За эти пять дней ничего особенного не произошло, если не считать того, что нас прошлой ночью опять обворовали. Сегодня утром ни у одного из нас не оказалось финок.

Все-таки, как они это ловко делают. Ведь спим-то мы, укрывшись пальто, так как одеял нам вообще не давали.

Удивляет еще и другое — почему вор не срезал ножны. Ведь финки с ножнами легче продать.

* * *

Издали мы вернулись! Ох, из какого далека!.. Там в тот момент, когда единственным исходом была только смерть, мне казалось, что это невозможно, что это только сон, кошмарный сон, после которого просыпаешься весь в холодном поту и еще долго не веришь, что ты жив..

Они вывели нас даже не на расстрел, а на простое убийство, в спину, когда этого не ожидаешь, с расстояния в несколько шагов. И вот именно эти несколько шагов нас и спасли.

Вчетвером мы бешено боролись за жизнь, и нам повезло, а если б не повезло, то трупов было бы больше, чем четыре...

Теперь, спокойно вспоминая происшедшее, я прихожу к убеждению, что немалую роль во всем сыграла глупость.

Именно глупость, потому что она оказалась самым близким другом как преступника, так и жертвы этого преступления.

Неужели мы не могли догадаться, что финки у нас изъяли не с целью мелкого воровства? А наше наивное желание сделать секретом то, что у нас есть деньги, оказалось просто секретом Полишинеля. С первого же дня за нами зорко следили. Вероятно, из-за этого нас и не зарегистрировали в казарме и мы могли так же исчезнуть в никуда, как и появились.

Виновником же ускорения событий оказался Того, у которого кончилась мелочь. Запершись в уборной, Того вытащил из потайного кармана все свои банкноты и отсчитал от них несколько лир на пропитание. А в это время из соседнего отделения за ним в щелку наблюдал Хасан.

В ту же ночь у нас изъяли финки, а мы, обнаружив на следующее утро их пропажу, не придали этому должного значения.

Мы также не придали значения и тому, что к вечеру всех пятерых спящих вместе с нами в караулке солдат куда-то отослали...

Было за полночь, когда Хасан и два аскера растолкали нас и приказали следовать за ними. Мне они показались излишне угрюмыми, и что самое главное — у всех троих за спинами были винтовки.

— Наверное, нас ведут к майору, — сказал Омар.

— В такое время? — удивился Того.

— К майору? — спросил я Хасана. Он утвердительно кивнул головой и задул стоящую на окне коптилку.

Мы вышли из казармы. Караульный у ворот повернулся и зашагал в другую сторону, словно и не заметил нас. Мне стало как-то не по себе.

Было безлунное, звездное небо, как и в начале нашего побега. Рассеянный молочный свет освещал совершенно вымершую деревню с похожими на кротовые норы хибарками. Только более светлым пятном выделялся кафетерий в самом центре деревни, а внизу одиноким кубиком стояла школа.

На перекрестке главной улицы мы остановились, но аскеры показали, что надо идти прямо. Значит, мы выходили из деревни.

Как умеющий кое-как объясняться, я спросил, куда это они нас ведут, но, не получив ответа, подпираемый сзади ребятами, стал спускаться по тропинке, по которой мы пять дней тому назад с таким трудом подымались. Неужели близости была еще какая-нибудь деревня или казарма?

Растерянные, занятые только тем, чтобы не поскользнуться и не упасть, мы молча шли с опущенными головами.

Наконец мы спустились на самое дно оврага. Недалеко отсюда должна была быть проселочная дорога, но, к моему удивлению, идущий теперь впереди Хасан свернул налево и стал подниматься по довольно широкой и хорошо вытоптанной тропинке на противоположный склон оврага.

Я догнал Хасана и спросил, куда он нас ведет. Он что-то ответил, но, к сожалению, я ничего не понял. Мне очень не понравился его мягкий и явно уползающий тон.

Скоро мы уже были намного выше деревни, по ту сторону глубокого, покатого оврага. Теперь вырубленная в каменистом грунте тропинка шла прямо к границе, в глубину зловещего безмолвия возвышающихся с обеих сторон гор.

Чем дальше мы шли, тем покотее становились скалы и глубже ущелье. Несколько раз тропинка становилась совсем узкой, и мы проходили над пропастью почти в полной темноте из-зависающей над головой скалы и потом облегченно вздыхали, выйдя на более светлое место.

По-прежнему впереди нас шел Хасан, а сзади двое аскеров.

Отупевшие от предчувствия чего-то неизвестного и страшного, мы почти неразговорчивали между собой. Несколько раз кем-либо из нас шепотом заданный вопрос «куда это они нас ведут?» оставался без ответа и больше не повторялся из-за его явной несуразности.

Наконец Хасан остановился и пропустил нас вперед.

Все как один, мы повернули обратно и подошли к нему.

— Идите! — Хасан не ожидал, что мы подойдем, пока он будет снимать с плеча винтовку.

Тут мы заметили, что у идущих сзади аскеров винтовки уже были взяты на перевес.

— Идите к себе, в Грузию! — с какой-то злой радостью крикнул Хасан и щелкнул затвором, послал патрон в дуло. Защелкали затворы и у двух аскеров. Поняв, что нельзя выстрелить из винтовки во вплотную прижавшегося человека, мы почти повисли на них.

— Ваша Грузия там! Идите туда, идите! — отмахивался от нас Хасан.

Кто первым заплакал, не помню, плакали мы четвером и просили пощады... по-грузински, по-русски и даже по-турецки..

Сперва Хасан начал уговаривать нас, явно желая, чтоб мы отошли хотя бы на несколько шагов. Из его слов я понял, что Турция не может принять нас, что для нас же лучше вернуться к себе и предлагал идти по этой тропинке вперед и ничего не бояться!.. Вот они, мол, сами отойдут назад, даже уйдут обратно к себе в казарму!..

Мы все поняли и знали, в чем наше единственное спасение.

Все больше нервничая, Хасан и два его аскера попытались отойти, но, конечно, безуспешно.

Теперь, будто умоляя аскеров подарить нам жизнь, я по-грузински переговаривался с ребятами, предупреждая: — Прижаться к ним! Не давать вскинуть винтовки! Не забывать, что их трое, а нас четверо! А в случае чего... толкать их и вместе с ними бросаться в пропасть — может быть, кто-нибудь из нас и выживет!..

Омар и Того таким же способом в свою очередь подбадривали меня и говорили, что все поняли, только один Степко ничего не понимал и метался между нами, распространяя ужасную вонь.

Беспрестанно повторяя я одно и то же, прижимаясь к Хасану, чувствуя, как бегут у меня по телу ручейки холодного пота.

К счастью, двое других аскеров были послабее Хасана. Голова теперь у меня была совершенно ясная, и я уже рассчитал, как буду катиться вниз, обхватив Хасана, вобрав голову в плечи, а затем как буду пробираться обратно в Грузию. Я твердо был уверен, что выживу после падения в эту покрытую саваном темноты пропасть.

И самое удивительное, одновременно с этим передо мной прошла вся моя жизнь, во всех своих самых мельчайших деталях.

Если б кто-нибудь рассказал мне что-либо подобное, я никогда не поверил бы. Вся жизнь за какие-то минуты!

Хасан и его аскеры еще раз попытались оторваться от нас. В борьбе, которую никак нельзя было бы назвать немой, так как наш плач эхом разносился по ущелью, они догадались, почему мы так упорно подталкиваем их к краю обрыва, и уже сами стали обхватывать нас руками.

Я почувствовал, что в них что-то оборвалось и они тоже испугались. Но для нас это еще не было решением вопроса.

Хасан что-то говорил и площадно ругался. Из всех остальных слов я разобрал только «майор» и «наган». Видно, он жалел, что отдал наш наган майору. И внезапно я догадался, чем мы могли спасти себя:

— Мы отдадим вам деньги!.. Все что у нас есть!

— Мы вам отдадим все деньги! — подтвердил по-грузински Омар.

Наверное, по интонации они догадались, что он говорит то же самое, так как переглянулись, и винтовки, дула которых мы так упорно отстраняли, приняли вертикальное положение.

Может быть, и для них это был выход. Ведь хладнокровно задуманное убийство у них пока не выходило и теперь уже так легко не вышло бы. Аскеры отошли от опасного обрыва и прислонились к скале.

— Да, да! Отдадим все, все!.. — Степко старался втиснуться между мной и Хасаном, заглядывая ему в глаза.

— А потом донесете! — сказал Хасан и, поморщившись, оттолкнул Степко.

Я понял, что это слово должно значить «донесете», и с жаром стал повторять его вместе с приставкой «нет», а ребята в подтверждение кивали головой и говорили: «да!.. да!.. да!».

Долго, очень долго мы умоляли Хасана поверить нам и взять все наши деньги, а он все бурчал что-то, не соглашаясь.

Плакать мы уже перестали, всецело занятые убеждением аскеров в том, что свято будем держать данное слово. Но они все не верили.

— Клянемся Грузией!.. — поклялся я самым дорогим, что у меня было, и показал рукой в ту сторону, куда только что они нас посылали.

Проявив удивительную способность к турецкому языку, ребята слово в слово повторили за мной эту клятву.

Не думаю, чтоб лучший трагик мира мог произнести ее с большей убежденностью, чем это сделали мы.

Хасан, видно, начал верить, так как молчал. Нельзя было терять момента. Распахнув пальто, я полез рукой под фуфайку, сорвал пришитый на груди карманчик и подал Хасану довольно толстый пакет долларов и лир. Омар торопливо сделал то же самое.

— У меня нет денег! — сказал Степко, и, к нашему удивлению, Хасан даже не усомнился в его словах. Он только сказал ему: «Отойди, вонючая свинья!».

— У меня тоже нет денег! — сказал Того.

Неуклюже утрамбовывавший банкноты Хасан вытащил руку из-за пазухи и поднес ее к самому носу Того.

— Ты! — сказал он.

— У меня нет денег! — с удивительным упорством повторил Того.

Деньги, лежавшие за пазухой, привели Хасана в приподнятое настроение. Засмеявшись, он указал Того на подмышку, где у него был потайной карман. Кривляясь, как обезьяна, показал, как он подсматривал в щелку уборной. Затем охрипшим от жадности голосом приказал выкладывать. Того подчинился с медлительностью крестьянина, уплачивающего налог.

Обратно возвращались мы удивительно компактной группой. Со стороны можно было подумывать, что мы идем обнявшись. Только один Степко шел немного позади.

Во время пути Хасан несколько раз напоминал нам, что нас ожидает, если мы проговоримся, и мы опять иступленно клялись, что никто на свете от нас ничего не узнает. В этом я ничуть не сомневался.

Когда около четырех часов утра мы вошли в караулку, все пятеро аскеров упрямо сидели вокруг поставленной на нары коптилки. Удивление на их лицах сменилось бурной радостью, словно Хасана и не было. Когда же Хасан и его два соучастника ушли, они стали хлопать нас по плечам, счастливо, как дети, смеялись, а затем укоризненно качали головами и проклинали майора.

В караулке было тепло, а нас лихорадило. Омар, Того и я прижались друг к другу и накрылись своими пальто, но продолжали дрожать, как в сильном приступе малярии. В дальнем углу, распространяя зловоние, одиноко дрожал Степко.

Аскеры накрыли нас своими одеялами, клялись нам, что будут караулить и что мы можем спокойно заснуть, но до самого рассвета никто из нас не смог сомкнуть глаз и согреться.

Наутро, ни о чем не спрашивая, аскеры дали Степко кусок мыла и послали его отстирывать, а затем угостили нас чем-то горячим, напоминающим чай, и опять ласково клали нам руки на плечи и счастливо улыбались.

Нет, конечно, мир не без хороших людей!

Весь следующий день мы просидели молчаливые и унылые, не выходя из казармы. Аскеры из нашей караулки, да и не только они предлагали нам еду, но нам неудобно было ее брать, зная, что им самим не хватает.

К вечеру мы все же пошли в деревню за хлебом, собрав завалившиеся в карманах гроши. По нашим расчетам дня на три на хлеб нам хватило бы, а потом... Главное, что мы были живы.

На третий день утром, когда майор во всем своем великолепии проводил занятия на плацу, мимо караульного прошло четверо мужчин в штатском.

Впереди шел пожилой худощавый мужчина в черном костюме, а остальные на расстоянии следовали за ним.

Мы грелись у кем-то оставленного костра за уборными.

Видно, это была какая-то делегация, потому что майор, оставив в строю солдат, немедленно подошел к ним и чопорно поздоровался.

Человек в черном стал что-то говорить майору. Еще ничего не понимая, я видел, как удивлялся, а затем возмущался майор.

Потом с приподнятыми от негодования плечами майор быстрыми нервными шагами подошел к строю и приказал Хасану и его двум сообщникам выйти вперед. Майор выкрикнул еще какое-то приказание, и шестеро солдат отобрали у Хасана и его друзей винтовки, сняли с них пояса и стали выворачивать карманы, бросая на землю их жалкое содержимое.

Один из солдат подбежал к нам и с плохо скрываемой радостью в голосе сказал, что нас зовет каймакам.

Мы поднялись и пошли, до того жалкие, что я сгорал от стыда за наш вид.

— Они? — сперва с нескрываемым презрением оглядев нас, кивнул в сторону Хасана и его приспешников майор.

Мы стояли и молчали. Я посмотрел на Хасана. Он словно превратился в изваяние, глядя куда-то между нами и майором. Ни один мускул не двигался на его лице, и только громадный кадык на длинной шее едва заметно подымался и опускался, выдавая волнение.

Двое его соучастников, бледные как смерть, отводили в сторону полные животного страха глаза.

— Они?.. — уже не так громко спросил майор.

Мы упорно продолжали молчать. Лицо майора стало менее напряженным, но тут неожиданно каймакам обратился к нам по-русски:

— Не бойтесь!.. Вы здесь больше не останетесь, — а затем сухо приказал Омару. — Ну, говорите!

— Они! — сказал Омар.

— А вы? — выжидательно посмотрел на меня каймакам.

Я молчал. Пусть даже принимают меня за труса, но я не мог нарушить данной в ту ночь клятвы.

Того тоже не ответил на заданный ему вопрос. Майор нервно заиграл своим стеклом. Теперь была очередь Степко.

— Они были или другие? — спросил его каймакам, указывая на арестованных. — А если не они, то укажите, которые?

— Все трое! — прокашлявшись, сказал Степко. — Они нас не убили, только потому, что не смогли!

При слове «не смогли», майор с таким злобным презрением посмотрел на Хасана, что стало жутко. Вероятно, он тоже понимал по-русски.

Разговор с нами был окончен, и мы поплелись обратно к костру.

Проходя мимо лежащих кучкой вытряхнутых из карманов аскеров вещей, наших денег мы не увидели.

— Все деньги у майора, — шепнул нам Омар.

— Откуда ты знаешь? — спросил всегда поздно догадывающийся обо всем Того.

— Вчера, когда я сказал, что иду за хлебом, я был у каймакама.

— Как ты мог, мы же поклялись родиной? — вырвалось у меня.

— Грузией! — добавил Того.

— Вы просто идиоты! — возмущился Омар.

Я больше ничего ему не сказал, но теперь в душе презирал его.

— Идем! — подошел к нам один из сопровождающих каймакама. — Возьмите ваши вещи.

Мы сказали, что их нет у нас, и последовали за ним, провожаемые сотней пар глаз еще стоявших в строю солдат.

— Спасибо! — сказали мы, проходя мимо каймакама.

Удивительная вещь, я не смог взглянуть на Хасана, так как мне было стыдно за то, что мы нарушили клятву, хотя я собственными руками мог бы перерезать ему горло.

— Хасан так на меня смотрел, думает, я его боюсь, — как бы оправдываясь, сказал Омар.

— А я смеялся над ним, когда проходил, — сказал Степко весело.

* * *

— Кто сегодня убирает? — спросил Омар.

— Тот, кто больше всех жрет, — Того кивнул на продолжающего обглаживать куриный позвоночник Степко.

— Не могу же я так его, с мясом, выбросить. — прошамкал набитым ртом благодушно настроенный Степко.

— Дармоед!.. — будто про себя, но довольно громко буркнул Омар.

— Хоть раз скажи что-нибудь такое, чего бы мы не знали, — сыронизировал в свою очередь Того.

Мне уже надоела эта их мелочная издевка над Степко, хотя первое время со скуки и нравилось, когда они ссорились.

— Вы убирайте за собой, а мы за собой, — деловито предложил Степко, стараясь не замечать обиды.

На второй же день после переселения в кафетерий, нам вернули все наши деньги, и тогда же мы опять разделились на две экономически независимые группы.

— Хватит все время бить лежачего, — сказал я. — Вся ваша принципиальность основана только на голом расчете.

Того сильно покраснел и опустил голову. Я знал, что он переживает перемену моего отношения к нему. Один раз он даже пытался объяснить мне, что по-старому остается моим лучшим другом, но вот на этого подонка Степко не может потратить ни копейки...

Тогда я рассмеялся ему в лицо и ничего не ответил.

Меня поразило, до чего Того дорожит деньгами. Ведь в тот момент, когда мы наличными покупали свою жизнь, он оказался самым несговорчивым, что было совсем нелепо.

— Во-первых, какое ваше дело? — почувствовав поддержку, решил перейти в наступление Степко. — Мы не такие жадные, как вы, и не отрезаем курицам головы по самые уши. Ха-ха-ха!

Это относилось лично к Омару, которого он считал идейным вдохновителем проявляемого к нему Остракизма. Омар действительно очень любил куриные шейки и с хладнокровием настоящего садиста отрезал курам головы у самого основания черепа.

— С моими курицами я делаю, что хочу. А вот ты даже помет сожрешь, лишь бы он был за чужой счет!

— А что? — внезапно взорвался Степко. — Разве я не имею права на часть ваших денег?! Ведь из-за них меня чуть не расстреляли вместе с вами.

— За эти слова мы тебе один раз уже чуть морду не набили, — сказал Того.

— Кому, мне?.. Ну-ка, попробуйте!

Надо было переменить тему, чтоб разрядить обстановку.

— Просто удивительно, — сказал я, — крестьяне приносят кур за десятки километров и продают их за четыре, пять куршей. Столько стоит одна чашечка кофе!

— А Омар еще целый час с ними торгуется! — вставил воинственно настроенный Степко.

— Так им и надо, я ненавижу крестьян! — сказал Омар.

— По твоим же рассказам крестьяне вам платили тем же! — меня раздражало слово «ненавижу», единственное в его лексиконе для выражения чувств.

— Они отняли у нас все! — процедил сквозь сжатые губы Омар.

— Но это же другие крестьяне. — сказал Того. — Эти ни у кого ничего не отнимали.

— Все они одинаковые... — Омар встал с соломы. — Того, идем сыграем в нарды.

— А ты не идешь? — спросил меня Того.

— Нет, я не хочу.

Омар и Того ушли, а Степко стал бросать кости в котел с бульоном.

Уже десять дней, обнаружив баснословную дешевизну кур, мы питаемся только ими, и бульон нам изрядно надоел.

— Идем сыграем, — предложил Степко.

— Отстань.

— Что как корова развалился на соломе, идем!.. Они со мной не хотят играть...

— А тебе надо быть немного поумней!..

— Я очень доволен своими мозгами.

— Каждый кретин доволен своими мозгами.

— Это все разговорчики, а я мои мозги показываю на деле! — Степко с нескрываемой иронией посмотрел на меня и вышел.

Мне хотелось остаться одному, чтоб немного помечтать о недавнем и таком далеком прошлом, но ирония Степко испортила все настроение.

Что он считал себя умнее, в этом не было сомнения, а не наговорил он мне в десять раз больше только потому, что зависел от меня.

Конечно, было обидно. И в особенности потому, что я презирал Степко больше, чем Омар и Того, а терпел только потому, что в нашем положении этого требовала простая человеческая этика. Он же возомнил, что я дружу с ним.

Да... все труднее становится уберечь себя как личность!..

Неужели переход через географическую границу оказался переходом и через другие границы? Вероятно, это так и есть, но что-то же должно зависеть и от меня самого?!

Конечно, последнее время я попадал в самые идиотские истории. Не очень это приятно, когда тебя все время кто-то хочет убить и ты только тем и занимаешься, что стараешься избежать этого...

Где-то в глубине души я чувствую, что в чем-то и сам виноват, но в чем, никак не могу понять?

Ох, как все безнадежно глупо!..

Глупость, в центре которой всегда оказываюсь я, словно ползучий лишай, от которого никак не можешь отделаться, беспрестанно и нудно напоминает о себе.

Даже за время нашего пребывания здесь, в кафетерии, мы успели кое-что натворить, хотя и не всегда сами были виноваты.

Наша комната отделена от кафетерия темным вонючим коридорчиком. От нечего делать мы все время сидим в кафетерии, играем в нарды или, когда нет клиентов, беседуем с хозяином.

Постоянных посетителей здесь не больше дюжины. Это владельцы лавок, и еще какие-то неизвестные дельцы. Все здешние богачи, как говорит о них наш хозяин.

Договариваются они о сделках в небольшой отдельной комнате, там же пьют какой-то напиток, по цвету напоминающий водку, а затем в самом кафетерии играют в нарды и карты, ловко жульничая.

Иногда под пьяную руку они слушают патефон, подряд все шесть изношенных, поцарапанных пластинок и, фальшивя, подпевают.

Самые большие меломаны—это четверо заядлых шумных клиентов, как на подбор толстых, с оплывшими лицами и мутными глазами.

У меня такое впечатление, что они или наркоманы, или развратники. А может быть, и то, и другое, так как человеку с деньгами здесь ничего другого не остается.

Кроме кафетерия, нескольких лавок, пекарни и школы, ничего нет в этой забытой богом и культурой деревне.

Разумеется, мы нанесли визит единственному школьному учителю деревни. Когда мы подходили к школьному зданию, он как раз спускал последнего мальчишку с грифельной доской под мышкой и что-то очень непедагогично кричал ему вслед.

Учитель оказался нашим однолеткой, с некрасивым ассиметричным лицом, но пытливыми, умными глазами.

Нам он обрадовался, хотя немного и стеснялся.

Одег он был плохо, и, вероятно, потому Омар стал держаться с ним очень высокомерно и заявил, не моргнув глазом, что он инженер-механик. Это произвело на учителя большое впечатление. Словно извиняясь перед нами, он сказал, что у него всего семиклассное образование, и стал задавать сотни вопросов о постановке у нас школьного дела.

Степко и Того, также почувствовав над ним свое «десятиклассное» превосходство и не желая ни в чем уступать Омару, сразу повысили свой образовательный ценз: Степко стал астрономом, а Того математиком.

Переводчиком был я, на счастье Того, так как все вопросы учителя, касающиеся арифметики, приходилось решать мне и, конечно, от имени этого самозванного Эйнштейна, который даже терял свою вечную привычку краснеть.

Вопросы астрономии со Степко решились в той же манере. Степко принял очень умный вид и даже дал понять учителю, что я плохо перевожу.

Заслуги мои как переводчика были велики: только благодаря абсолютной отсталости моих друзей, и я ими не имел права гордиться.

Обо мне ребята довольно небрежно заявили, что я студент второго курса медицинского факультета, и были определенно недовольны, когда это все же произвело впечатление.

Это была наша очередная глупость, за которую пришлось расплачиваться потом, но тогда для подтверждения наших удивительных интеллектуальных достижений я и Степко показали обомлевшему учителю целый каскад упражнений на турнике, а затем гордые и напыщенные, как индюки, мы удалились.

— Что Того математик и умеет считать деньги в своем кармане, в этом я не сомневаюсь, — начал я по дороге. — а вот как Степко стал астрономом, не понимаю?! Ведь даже при переходе через границу он не смотрел на звезды...

— Тогда он смотрел только на задницу Того и все же отставал, — засмеялся Омар.

— Вы только поглядите на эту деревню?! — обиделся Степко. — Ты это на бабушкином веретене или на коровьих хвостах изучил инженерное дело?

— Кто это — деревня? — возмутился Омар.

— Да, я умею деньги считать, и вообще мой принцип: не хочу твоего, не желай моего! — с опозданием, но все же высказал свое кредо рационалист Того.

— Только этого не хватало, чтоб сын пьяницы и торговца называл меня деревней! Мы дворяне, а не городские люмпены! — у Омара зло забегали глаза и покраснел кончик носа.

Сопоставление люмпенов и дворян меня рассмешило и только подлило масла в огонь.

— Пьяница в сто раз лучше сумасшедшего самоубийцы! — Степко уже лез в драку.

Так как Омар тоже начал махать кулаками, пришлось схватить их и держать на расстоянии друг от друга. Как и следовало ожидать, по уху получил я, и, разозлившись, так их тряхнул, что у них сразу пропало все желание объясняться.

— Хотите, чтоб вся деревня видела, как вы друг другу морды бьете! — сказал я, потирая ухо.

— Не учи, пожалуйста!.. — На побледневшем лице Омара красной кляксой выделялся нос. — Пользуешься своей силой, а чем ты лучше меня?!

— Или меня?! — потерял над собой контроль Степко.

— Ты все начал! — сказал мне Того со всей объективностью стоящего в стороне человека.

Это был момент, когда нужно было доказать свое интеллектуальное превосходство. Выход из этого трудного положения я нашел в том, что каждому пообещал набить морду.

На другой день мы удостоверились, что язычок у учителя оказался на уровне его восхищения нами. Вся деревня узнала, что Омар инженер-механик, а я врач. Астрономы и математики же оказались намного выше сугубо земных надобностей деревни.

Самое смешное, что наши первые шаги оказались успешными.

Сперва хозяин кафетерия попросил подлечить ему глаза. Я с умным видом осмотрел их и сказал, что ему надо пойти к специалисту. Вски у него были

воспалены и местами гноились, а платок, которым он их постоянно вытирает, ничем не отличался от полевой тряпки.

— Куда? — удивился хозяин кафетерия. — Даже в нескольких днях жидьбы отсюда нет ни доктора, ни фельдшера. А для глаз кто лучше — доктор или фельдшер?

Тогда я пошел искать по лавкам лекарства, но нигде ничего не нашел. Потом я догадался пройти к учителю и в его маленькой аптечке обнаружил паке-тик борной кислоты, марганцевокислый калий и вату.

Обмыв гноящиеся веки слабым раствором борной кислоты, я категориче-ски запретил хозяину кафетерия прикасаться к глазам.

Через час оживший хозяин кафетерия весело разносил чашечки кофе и уже по собственной инициативе крутил ручку патефона.

Как у него будет дальше с глазами, конечно, я не знал, но что принес ему облегчение, в этом не было сомнения.

В тот же вечер один из клиентов кафетерия вытащил из кармана своей жи-летки «золотые» часы с открывающейся крышечкой, отцепил их от толстой томе под золотую цепочки и прстянул их Омару.

Омар с не менее умным видом, чем до этого врачевал я, долго осматривал часы, пока догадался, как открывается задняя крышка.

Механизм часов оказался самой обыкновенной штамповкой. Зато все уси-лия фабрикантов были обращены на художественное оформление. На крышке искусной рукой были выравнены похожие на страусов соловьи, которые сидели на ветвях дерева и услаждали пением томно лежащую на боку голую женщину.

Не знаю, последователем каких «измов» был художник, но бедра женщины были выше дерева, на котором сидели соловьи.

Омару повезло. Волосики пружины маятника заскочили один за другой, о чем я и сказал ему в тот момент, когда счастливый обладатель часов чем-то от-влёкся.

Омар оказался не таким уж простаком. Поняв, что часы пойдут, он стал за-ниматься очень сложными отвлекающими операциями — слегка постукивал по часам указательным пальцем, дул на них, крутил их перед ухом, закурив один глаз, и только потом с помощью булавки поставил волосик пружины на место.

Часы заработали, а наш престиж поднялся до самого бревенчатого потолка кафетерия.

К сожалению, в последующие дни, Омар не смог починить ни одних часов, сколько ни дул, ни крутил и ни стучал о них пальцем.

Хоть и разбирался он в механике не больше, чем в «иностранных рома-нах», это была не его вина. Брался он за невозможное — пустить в ход оста-новившийся механизм штамповки так же трудно, как заставить скакать издохше-го осла.

Оказывается, год тому назад сюда приезжал коммивояжер и всем здешним богачам продал такие часы.

Несмотря на частичные неудачи Омара, клиентов у нас становилось все больше, и мы не без основания стали беспокоиться, почему нас так долго за-держивают в этой деревне.

Ловко закуривая сигаретку одной рукой (пока единственное, чем меня вос-хищают турки), хозяин кафетерия объяснил нам: виной всему подспудная борьба между каймакамом и майором. Задерживает нас каймакам как свидетелей обви-нения в совершенном над нами насилии.

Пока же, в ожидании отправления, мы продолжаем заниматься своими «спе-циальностями».

Как и все врачи, я буду говорить только о своих успехах, а о неудачах... Но ведь о них не только врачи, вообще никто никогда не говорит. Пожалуй, кроме очень умного или очень глупого человека да еще арестованного взломщика, уве-ряющего прокурора, что ему не удалось вскрыть несгораемый шкаф и что опу-стошил его кто-то другой.

Моментами чувствую я себя не лучше взломщика, боясь, что кто-нибудь из моих пациентов не протянул ноги, хотя бы и не по моей вине...

Следуя заветам моих великих предшественников, начиная с Эскулапа и кончая бородастым врачом из Мухрани, бедных я лечу даром, а богатых по-ка у меня не было, вернее, были, но я от них отказался.

Главным моим почитателем и пропагандистом является хозяин кафетерия. Закатывая к небу удивительно выразительные из-за полного отсутствия ресниц глаза, он клянцетс Аллахом, что я великий «дохтур», а затем меня и моего «ассистента» Степку угощает малюсенькими чашечками крепкого кофе.

Степка с нарочитой медлительностью пьет душистый напиток, получая ко-моссальное удовольствие от завистливых взглядов Омара и Того. Бедняги ни-

как не могут решиться уплатить стоимость одной курицы за минутное удовольствие. Конечно, если б курицы не были так дешевы, то они на кофе не поскупились.

Работаем мы со Степко дружно, и, чтоб сохранить его авторитет, все замечания чисто профессионального характера я делаю ему без свидетелей.

Прошлый раз в уединенной обстановке нашей комнаты мне пришлось два раза отлупить его. Первый раз, чтоб он сознался в том, что взял деньги у родителей одного из моих «пациентов», а второй раз после того, как он сознался, что поспешил их взять.

Войдя в педагогический азарт, я собирался отлупить его и в третий раз за то, что он не заметил, с какой надеждой смотрели на нас родители больного ребенка, но Степко сказал, слегка похрипывая, так как я его еще держал за горло, что видел их умоляющие взгляды, и взял деньги только для того, чтоб они уверились, что я настоящий врач. На меня подействовала такая тонкость его психологии, и третий урок медицинской этики пришлось отложить.

Про себя хочу сказать, что я никого не обманываю. Ведь, если б меня вместо «дохтур» называли «фельдшер» или даже никак не называли, пользу я все равно приношу. Как-никак, в чем-то я ведь разбираюсь...

Ребенок умирал от коклюша и истощения. Я предписал родителям по утрам и вечерам носить ребенка в горы, непременно кормить сливками. У них была корова, но все молоко уходило на производство масла, которое они продавали.

А когда я увидел спускающуюся с горы женщину в чадре, а на руках у нее поправляющегося ребенка, даже сам удивился, какой гордостью наполнилось мое сердце. Умилился и Степко, сказав, что я напрасно отлупил его, так как по ребенку видно, что деньги он взял не зря.

Метод моего лечения весьма разнообразен, несмотря на ограниченность фармакологических средств. Например — поносы я лечу рисовым отваром или кукурузной кашей, лишаи — желтой массой, похожей на никотин, которая остается от жженной бумаги, глисты вывожу тыквенными семечками и селедкой, а разные болячки промываю или марганцовкой, или борной кислотой.

Одного взрослого обжору я вылечил от газов толченым углем от дубового полена. Уголь он должен был принимать в момент захода солнца и до восхода ничего не брать в рот. Другого — от ужасного потения ног дозами гомеопатического лекарства моего изготовления — смеси соли и кофейной гущи. Главное, конечно, было то, что перед каждой утренней и вечерней присылкой он должен был мыть ноги...

Разумеется, не всегда все так просто. Иногда встречаются такие случаи, когда не знаешь, как быть.

Прошлый раз меня позвали в одну очень бедную семью. Когда я пришел, все уже было кончено. На тахте лежал только что скончавшийся от туберкулеза юноша. Он был в довольно сносной одежде, в которой, видно, и умер.

Я счел своим долгом отвести в сторону убитых горем отца и брата и объяснить им необходимость немедленного проведения дезинфекции.

Пока я бегал по их таким же бедным соседям в поисках известий и большой посуды, чтоб вскипятить в ней воду, покойника уже раздела и мыла какая-то дряхлая старуха, а брат мертвеца уже ходил в снятой с него одежде.

Все мои протесты ничему не помогли.

— При чем одежда, если уж суждено Аллахом?! — поднял руки к небу старающийся сдерживать слезы отец.

Вернувшись в кафетерий, я рассказал обо всем хозяину.

— Это у нас так, — сказал он мне и не без гордости добавил, — мы, турки, здоровый народ и таких вещей не боимся.

Кажется, это был единственный случай, когда мне как «дохтуру» не поверили. А вообще, мне очень верят, и это придает мне смелости, хотя немного пугает то, что я сам тоже начинаю в себя верить и уподобляюсь человеку, волею случая вознесшемуся на недостижимую для себя высоту и по глупости поверившему, что он этого вполне заслуживает.

Хотя, черт побери, какая же это недостижимая высота, если совсем скоро я должен был стать настоящим врачом?!

Впрочем, лучше не думать об этом, иначе можно сойти с ума.

Сегодня хозяин кафетерия предложил мне пройти в маленькую комнату, где меня ждали. Преисполненный собственного достоинства, я вошел туда. За столиком сидели те четверо завсегдашних с мутными глазами и оплывшими лицами, которые мне меньше всего нравились.

На столике стояла полупустая бутылка, а они казались немного подвыпившими. Мне очень хотелось попробовать, что они пьют, но стаканчик, в который они мне налили, был до того замызган, что я отказался.

— Вылечить вы нас должны!.. А насчет денег не беспокойтесь, хорошо заплатим! — сказал один из них.

— Если я что могу, то с удовольствием. А что у вас болит?

— День и ночь голова разрывается от боли.

— А у меня вот тут... — приложил к боку пухлую руку самый толстый из них.

— А у меня горло и глаза...

— Подождите, ведь это разные вещи, — сказал я.

— Нет, одно, одно! — закивали все головами.

Я ничего не понимал и для того, чтоб что-то сказать, спросил:

— А давно это у вас?

— Давно, много лет!.. — засмеялся, лукаво подмигнув, тот, который предложил, чтоб я их лечил. — Мы выписываем из Стамбула лекарства, но они совсем не помогают.

— Жена у него сильно болеет, — показал на говорившего толстый. — Он недавно женился, на молоденькой... Раньше была здорова, а вот теперь...

— Какие лекарства выписываете? — спросил я.

— От сифилиса. Объявление прочли... глотали эти пилюли...

— Вместо одной по две... и три... Оказалось одно жульничество!..

— Тут я ничем не могу помочь! Вам надо поехать в город, к врачу специалисту, — сказал я. — А с пилюлями ничего не выйдет.

— Как поехать? А моя торговля!

— Придется всю семью брать, нет, это невозможно! — толстяк так качал головой, что у него запрыгали отвислые щеки. — Давай лучше ты, а мы тебе заплатим!

— Заплатим сколько ты хочешь! — подтвердили все остальные.

Целый час я им объяснял, что это просто невозможно, пока они поверили.

Вышел я из комнаты уже не с таким достоинством.

У Омара тоже дела пошли бы совсем плохо, если б мы не помогли ему. Для этого работу ему пришлось брать только на дом, то есть в нашу комнату. Ему также пришлось доставать кое-какие инструменты. Как бывший тракторист и механик, этими работами руковожу я, а Омар потом говорит, что сделал он, и ни с кем не делится заработанными копейками.

— Благодаря мне вы получили обратно тысячи! — мотивирует он. — К чему вам эти копейки?!

Действительно, они ни к чему ни мне и ни Того, но Степко совершенно другого мнения:

— Никаких денег мне не возвращали! — скромно намекает он.

— А ты и не помогай! — резонно отрезал Омар, потому что Степко разбирается в механике не больше, чем он сам.

Прошлый раз мы разобрали и собрали будильник, который все же заработал, хотя кое-какие детали и оказались лишними.

— Я считал, — сказал помогавший мне Того, — что главное в жизни — это инициатива. Если даже не понимаешь, но не боишься, в конце концов все-таки выходит. — И положил оставшиеся лишние детали себе в карман, еще раз подтверждая справедливость своего прозвища «Плюшкин».

— Это совершенно правильно, — понравилась его философия Степко. — Когда я не знал урока, то принимал самый умный вид.

— Значит, у тебя всегда был умный вид? — спросил Омар.

— Всегда! — с достоинством ответил Степко.

Самое трудное — это приклепывать отломавшийся на конце пружины патефона шпинделек, а затем закладывать пружинку обратно в свое ложе. Прошлый раз выскочившая пружина рассекла Степко подбородок, и Омар как работодатель купил ему курицу за пять курушей.

Единолично уплетая здоровешную курицу, Степко пространно говорил об эксплуатации человека человеком, так как Омар за эту починку получил пятьдесят курушей.

Продолжение следует

ХУДОЖНИК ИЗ МИРЗААНИ ————— РАССКАЗ

Духан Цхалоба Миракишвили находился в самом конце Пушкинской улицы, напротив рынка, называемого в народе ярмука. Здесь собирались обычно ремесленники-поденщики: маляры, каменщики, плотники. Они и прозвали духан «печным» за то, что в центре его возвышалась большая, во всю стену, печь, топившаяся в ненастные дни и привлекавшая к себе всех желающих погреться. Славился духан и своими пятикопеечными водочными стаканами «тлаша» и тем, что к закуске дополнительно подавались шашлыки из селезенки.

С пяти часов утра до самого полудня, о наступлении которого возвещал раздававшийся в Арсенале пушечный выстрел, жарилось на двух больших мангалах до двухсот вертелов с шашлыками. К этому времени любители «пропустить водку» в основном расходились и духан постепенно наполнялся людьми, пришедшими пообедать и попить отличного вина.

Цхалоба, занимавшийся оптовой торговлей, чаще всего крутился на базаре, но с духана глаз не спускал. Он старался угождать посетителям, и даже нищий не бывал обделен вниманием. Забрел как-то в духан бродяга, залпом осушил стакан водки и жадно набросился на горячую закуску. Не в меру усердный приказчик заметил это и накинулся на него:

— Тоже мне, заплатил за водку три копейки, а еды уплетаешь на два гривенника!

Цхалоба услышал это и не на шутку рассердился.

— Слушай, дорогой, — сказал он приказчику, — бесплатная закуска для того и существует, чтоб посетитель мог есть ее вдоволь. Нет, у меня ты работать не сможешь.

И приказчику пришлось «снять фартук», то есть оставить работу.

Об этом случае узнал весь базар и еще больше посетителей потянулось в духан, где всегда было тепло и где можно было вкусно поесть.

В этот воскресный день духан гудел как переполненный улей. К столикам невозможно было пробиться. К внутреннему гомону духана примешивался разноголосый шум базара.

В духан вошли двое. Остановились у прилавка, оглядели зал, отыскивая свободный столик. Приказчик любезно пригласил их к столику. Европейская одежда пришедших привлекла всеобщее внимание.

Один из спутников, высокий человек лет пятидесяти, со светлой бородкой и усами был итальянским художником Лонго, из числа тех художников-иностранцев, которых охотно приглашали расписывать особняки богачей, церкви, театры.

Второй был грузином, хотя внешнею тоже напоминал европейца. Многие из завсегдатаев духана знали его и относились к нему с почтением. Это был Сандро, один из известных тифлиских мастеров. Ученик французского художника Бернекса, Сандро и теперь частенько бывал в Париже.

— Закро, — обратился он к приказчику. — Мы ищем Никала. Говорят, он снова стал здесь появляться.

— Да, он обычно у нас обедает. Но сегодня его что-то не видно. Наверное, скоро подойдет.

— Стоит ли ждать, — с некоторым огорчением произнес Лонго, и его длинные пальцы стали выбивать дробь по столу.

— Конечно, стоит. Мы вряд ли найдем лучшего мастера. Ты это сам отлично знаешь. И работа ответственная...

Лонго покорно снял шляпу и бросил ее на край стола.

Сандро не случайно хвалил Никала. Раньше им не раз приходилось работать вместе. А знал он его еще по мастерской Бернекса...

Художественная мастерская Бернекса находилась в одном из помещений при Квашветской церкви, широкие окна которой выходили на Головинский проспект. В мастерской работали такие известные мастера как Жвенье, Джмухадзе, Рейша, Новак, Бенуа, Ричи и другие. Здесь же работали Сандро и Лонго, который, расписав Военный собор, так и остался жить в Тифлисе.

Однажды у окна мастерской, где над эскизом вестибюля какого-то миллионара работал парижский художник Жвенье, остановился высокий худой юноша

в черной сатиновой рубаше. Он с любопытством разглядывал растянутый на полу холст, на котором Жвенье выписывал голубое озеро, заключенное в ярко-зеленые берега. Уверенным жестом Жвенье наложил легкие блики на перила и балюсы лестницы возле озера, и вся картина будто ожила.

Художники, привыкшие к тому, что в мастерскую постоянно заглядывали прохожие, не обращали на юношу внимания. Но Жвенье, почувствовав на себе пристальный взгляд, поднял голову и увидел незнакомца. А внешность Жвенье нравилась ему была достойна внимания. Это был невысокий полный человек с брющком. Светлые вьющиеся волосы на висках ерошились, будто под ними пробивались рога, а борода и усы придавали ему поразительное сходство с Бахусом. Голубые глаза, которые минуту назад еще светились вдохновенным, теперь лукаво искрились.

Печальное лицо юноши вдруг расцвело, и он смело посмотрел на мастера. По следам краски на одежде парня нетрудно было угадать его профессию. Сандро завел парня в мастерскую. Жвенье после недолгого разговора с ним представил его Бернексу.

— Маэстро, он будет нашим новым учеником.

Бернекс поднял густые брови и пристально посмотрел на парня поверх очков.

Видимо, юноша с необыкновенно чистыми, по-детски наивными глазами понравился и ему.

— Тебе виднее, — сказал он Жвенье и, ссутулившись, снова углубился в работу.

На следующий же день Никала приступил к исполнению возложенных на него обязанностей. Приходил он обычно раньше всех и весь день трудился с таким усердием, что вскоре добился доверия и расположения всех художников. Проворный и сообразительный, он всюду успевал, не чурался никакой работы. А его неодолимо тянуло к рисованию. Никала очень скоро сдружился с Сандро, который в то время был младшим мастером. Ему первому поведал он о своем трудном и безрадостном детстве.

Никала привезли из деревни в Тифлис определять в ученики к художнику. Приехали ночью. Шел дождь. Тускло мерцавшие фонари едва освещали узкие улочки. Мальчик изо всех сил вглядывался в темноту, стараясь не упустить ничего интересного. В деревне рассказывали, что Тифлис город сказочной красоты. Каково же было удивление мальчика, когда утром, выйдя в устланый кирпичными плитами коридор, он увидел небольшой запущенный дворик, выходящий на глухую улицу. Напротив как бы прямо из-под земли выглядывала хибара с плоской кровлей, с маленькими оконцами и низкой дверью.

Никала был изумлен. Такого бедного, жалкого жилья не встречал он даже в деревне. Где же прекрасный, удивительный город с величественными дворцами и храмами?

Дверь домика напротив отворилась, и из темноты возникла фигура ссутулившегося, низкорослого человека. На левой руке у него висела пила. Вытянув вперед голову, покрытую войлочной шапкой, надвинутой на самый лоб, человек двигался тяжело, словно впряженный в ярмо бык. Выйдя во двор, он повернулся лицом к восходящему солнцу и перекрестился. Следом за пыльщиком показалась девочка лет семи-восьми с рассыпавшимися по плечам кудрями. Пыльщик нежно погладил девочку по головке и снова поднял глаза к небу, видимо, продолжая молиться.

Вот что увидел Никала в первое тифлисское утро. Майя была прекрасна. Наверное, богини выглядели в детстве именно так. Майя была младшей дочерью пыльщика — единственной оставшейся в живых из семерых детей.

Вскоре Никала определили учеником к жившему по соседству мастеру Ило. Это был пожилой человек, отец многодетного семейства. Худой, длиннотелый, с седыми поредевшими волосами и тонким носом, он напоминал святого, сошедшего с церковной фрески. Только глаза у него, в отличие от святого, постоянно были опущены к земле. В период безработицы он имел обыкновенное стоять на бирже, как журавль на одной ноге, прильнув к стене, при этом он так заламывал руки, что казалось, просил всевышнего об отпущении грехов. Ило не гнался за крупными заказами и довольствовался самой скромной работой: оклеивал стены обоями, красил окна, двери, потолки, через трафарет набивал на стены узоры.

В обязанности Никала входило мыть кисти и посуду, натирать краски. Он выполнял всю подсобную работу — перетаскивал лестницу, посуду с краской, подавал обои, скоблил и очищал стены. Ило по натуре своей был молчалив, ни

дома, ни на работе не любил он лишних разговоров. И так скудно делился сведениями из небогатой кладовой своих знаний, что учение грозило затянуться на долгие годы.

Прилежный и энергичный от природы Никала жадно тянулся к знаниям, все ждал, когда же учитель начнет обучать его ремеслу, когда же наконец раскроет те тайны мастерства, которые помогут ему свободно переносить на холст все, что он видит и чувствует.

Улучив свободную минуту, пытался Никала на обрезках жести и обрывках холста что-то рисовать. Ило не мешал ему. Наблюдая за ним, он обычно говорил:

— В детстве и я любил рисовать, но... — Он закусывал губу и взгляд его становился скорбным, плечи безнадежно опускались. — Разве отгадаешь, как сложится жизнь? Ты способный мальчик. Вот только окрепнешь в деле, я научу тебя вырезать трафареты и поставлю на настоящую работу.

Никала с нетерпением ждал посвящения в мастера. Основной его заботой было как можно скорее стать самостоятельным. Второй его заботой была Майя. Никала не мог не замечать, как день ото дня убывают силы у пыльщика. Однажды вечером, возвращаясь с работы, Никала увидел Миха, пилившего дрова для пекаря. Уже смеркалось, а оставалась еще гора нераспиленных дров. По лбу Миха стекали струйки пота, из груди, как из кузнечного меха, вырывалось тяжелое, прерывистое дыхание.

— Дядя Миха, дай я попилю немного, а ты отдохни. — В голосе Никала было столько тепла, что лицо старика посветлело, он передал ему пилу, а сам в изнеможении опустился на камень перед пекарней. Никала пилил, а его воображение неотступно преследовали черные, веселые глаза Майи. Время пролетело так быстро, что Никала и не заметил, как кончил работу. Слово заправский пыльщик, он перепилил под конец крестовину и прислонил пилу к стене.

Пекарь, рассчитавшись с пыльщиком, вынес впридачу два горячих хлеба-шоти. Никала помог Миха одеться, взял его под руку, и они пошли домой. Было уже поздно. В комнате мерцала одинокая лучина, едва освещающая убогое жилище пыльщика.

С того дня Миха вконец занемог: работать ему было уже не под силу. Умолк веселый смех Маико. Ее глаза больше не светились, подобно утренней заре. И будто вымер весь двор.

Теперь Маико прислуживала соседям — приносила воду, прибирала в доме, мела двор. Ей приходилось зарабатывать на кусок хлеба для себя и своего прикованного к постели отца.

Лето выдалось засушливое. Родники у подножья горы святого Давида пересохли, и воду приходилось брать из Куры. Как-то вечером по дороге домой Никала встретил Майю. Она стояла в самом начале крутого подъема, видимо, уже устала. И не мудрено, ведь Майя так мала, а кувшин так велик и тяжел... Никала неслышно подкрался к девочке, схватил кувшин и пустился бегом по подъему. Майя вздрогнула от неожиданности, но, увидев Никала, облегченно вздохнула и бросилась догонять его. Никала знал, в какое время Маико ходит по воде, и всегда старался в это время оказаться рядом, помочь.

Сколько раз пытался Никала нарисовать Майю! Но всякий раз попытка кончалась неудачей. Свои робкие опыты он не показывал никому, тщательно прятал их или же уничтожал. Он надеялся, что позже, когда станет мастером, обязательно запечатлит на холсте красоту Майи. А пока он нарисует ее отца, старого Миха. Портрет как будто получился. Нечесанные, нестриженные волосы ниспадали на высокий морщинистый лоб. Морщины так глубоки, точно по лбу прошелся плуг и оставил глубокие борозды. Грустные глаза светились надеждой. Он улыбался, выражая на лице то ли благодарность, то ли какую-то несознанную вину. Никала все-таки рядом с ним изобразил Майю. В профиль. Она испуганно держалась за подол старой отцовской шинели. Правда, Майя удалась юному художнику меньше, но сходство было несомненное.

— Ой, папа! — радостно воскликнула Майя, когда однажды вечером Никала, смущаясь, вручил ей портрет.

Через несколько дней Миха скончался. После похорон соседи связали в небольшой узелок весь скарб Майи и отправили ее к дяде в Телави. Никала даже не успел с ней проститься. Сверстники очень скоро забыли Майю. По-прежнему звучал во дворе их веселый и беззаботный смех. А для Никала мир стал безмолвным и бесцветным. Черная тоска тяжелым камнем давила на сердце. Что случилось с Майей, как сложилась ее судьба? «Только бы она была счастлива», — думал Никала, им день ото дня все сильнее овладевало страстное желание запечатлеть на бумаге до боли знакомые черты Майи. В своих мечта-

ниях он часто гулял с ней по залитым солнцем тропинкам, по полям, усеянным цветами, по берегам прозрачных рек. Сердце Никала тянулось к Майе, в милую Кахетию, которую он никогда не забудет. И на его картинах все снова и снова появлялись горы, долины, виноградники Кахетии.

Где только он умудрялся находить столько клеенки, картона, обрезков жести, столько времени, чтобы рисовать все новые и новые картины, наполняя их удивительными красками. Все это было так непохоже на то, что создавалось в мастерской Бернекса, да и вообще вокруг него.

Никала старался запечатлеть все, что он видел. Так появился портрет городского, стоящего на проспекте у стены классической гимназии, портрет дамы с валью на фазтоне. Дама эта каждое утро проезжала мимо мастерских. А вот он запечатлел пасхальную овцу с красным крестом на лбу и кинто с подносом — табахи на голове, стоящего у выкрашенного в зеленый цвет палисадника.

Никала решил было, что это счастливая судьба привела его в мастерскую Бернекса. Он строил самые радужные планы, но однажды, всего через несколько недель пребывания в мастерской, случай положил всему конец.

В то время Бернекс выполнял срочный заказ для магазина парижской галантереи, помещавшегося на Дворцовой улице. Уже почти готова была вывеска с белой изысканной надписью на черном фоне. Вечером, закончив работу, Никала, как обычно, взялся за свой картон, на котором уже была изображена плодоносящая лоза. Только вот гроздья винограда казались незрелыми, всего несколько бликов — и гроздья оживут. Опуская кисть в банку с белилами, Никала неловко задел ее, банка перевернулась и белая краска хлынула на недавно законченную вывеску. Испугавшись, Никала схватил эту злополучную банку, но задел другие, из которых потекла бронза, беспощадно растекаясь по всей вывеске. Ужас овладел всем его существом. На шум прибежали мастера, следом за ними появился сам Бернекс.

Только теперь Никала осознал весь ужас случившегося. Старик Бернекс остолбенел, некоторое время он стоял в полном недоумении, потом заревел, как раненый лев.

— Что ты наделал, паршивец?! Мы тебе оказали милость и взяли в ученики, а ты ради своих глупостей все испоганил здесь! Да тебе красить только банки для мацони, а не в мастерской работать!..

А Никала вдруг успокоился. Он оглядел собравшихся, не торопясь, снял с себя передник, положил его на полку и молча направился к дверям.

— Мсье Бернекс, я возьму убытки! — воскликнул Сандро. — Вы только простите его.

— Да на это не хватит твоего годового заработка, — пробурчал Бернекс и отвернулся. Он был вспыльчив, но отходчив.

Сандро бросился за Никала, догнал его.

— Никала, опомнись! — молил он друга. — Вернись! Ты же знаешь Бернекса, он поворчит и все забудет. Вернись, прошу тебя!

— Нет, я не смогу у вас работать, уж лучше красить банки для мацони.

В мастерскую Сандро вернулся один. Художники работали молча, каждый был углублен в свои мысли.

— Ребенок всегда противится происходящему, независимо от того на пользу это ему или во вред, — произнес вдруг Жвенье, обращаясь к Сандро. — Он не терпит ограничений, — продолжал он, уже ни на кого не глядя, — он инстинктивно чувствует, что все премудрости не что иное, как компромиссы бессилия. И ребенок сопротивляется до тех пор, пока его не скрутят и не образумят.

— Мсье Жвенье, я так и не понял, нужно было ему остаться или нет?

— Не знаю, друг мой, не могу сказать. Знаю только, что воля, которую не сломишь ни силой, ни убеждением, слабеет и гибнет от голода. Человек не так силен, чтоб суметь в одиночку противостоять судьбе. Этот мальчик, по-видимому, очень гордый, ему трудно придется!

Вечером, разбирая эскизы, Сандро нашел среди них аршинный картон и повернул его к свету. Лампа красноватым светом осветила картину. На ней был изображен грузчик с ношей на спине, черноволосый, здоровенный, усатый рачинец в войлочной шапке и в коротком аркалухе. Грузчик с огромным узлом на спине был изображен на переднем плане, за ним виднелось подножье горы и церковь святого Давида на сером фоне гор и расщелин. Над горой — окомое небо. И гора, и церковь, и еще влажная от дождя земля дышали неизъянной печалью. А глаза грузчика! Как у вьючного животного, со страхом взвизгивающего на подъем, который предстоит преодолеть.

Жвенье, стоя за спиной Сандро, безмолвно изучал картину.

— Видишь, — обратился он к Сандро, — в каких абсолютно несообразных размерах взяты гора, расщелины, церковь? Только невежественный ученик

подготовительного класса мог так нарисовать с натуры! Но как удивительно выразительна гора в такую погоду! Вряд ли даже опытный художник сумеет так мастерски передать настроение. Какая безысходная печаль во взгляде. Знаешь, что я скажу тебе, Сандро? Этот мальчик — настоящий художник! Большой художник! Если жизнь не раздавит его, он обязательно добьется известности.

Прошло семь или восемь лет, прежде чем Сандро снова встретился с Никала. Бернекса уже не было в живых, мастерской руководил Жвенье, а место старшего мастера занимал Сандро.

В это время в городе шла подготовка к приезду русского императора Александра III. Оформляли второй дворец Мухранбатони. Здесь грузинское дворянство собиралось дать ужин в честь монарха. Оформлять дворец взялся Сандро. Он решил пригласить для работы лучших мастеров города, в том числе Никала...

В залапанной краской сатиновой блузе Никала сидел на табурете и, опершись на кулак с зажатой в нем кистью, разглядывал картину. Сверху, сквозь щель в окне, узкой полоской пробивался в подвал луч света, освещавший картину, на которой был нарисован стол, покрытый синей скатертью. По ту сторону стола сидели четверо степенных мужчин. Один произносил тост, остальные слушали внимательно и задумчиво. На столе — хлеб, зелень, рыба, кувшины с вином...

Худое лицо Никала порой озарялось огнем больших время от времени загоравшихся глаз. Темные проптевшие волосы блестели, словно кончики редких кистей и липли ко лбу. Свет, падающий со спины, освещал его профиль, напоминающий изображение на позеленевшей бронзовой медали. Напряженно, недоверчиво вглядывался он в картину. Глаза беспокойно переходили с одного предмета на другой.

Снова закружилась голова. Он прикрыл глаза. Такое с ним случалось уже не впервые. Уши внезапно закладывало, голова делалась тяжелой. Так бывало, когда он голодал или когда слишком много и напряженно думал. Созерцая картину, он совершенно отключался, ничего уже не видел и не слышал... Внезапно смолк городской шум. Умолк орган, игравший в соседнем дворе, перестал стучать по куску жести старый мастер, чинивший домашнюю утварь, остановились громыхавшие по подъему дроги, замолкли птицы, веселым гомоном оглашавшие округу. Все вокруг в какой-то миг затихло, замерло — словно жизнь остановилась. Окружающее растаяло, исчезло. Теперь Никала видел лишь только свою картину. И вдруг в картину словно вдохнули жизнь: ожили лица, засветились глаза, тамада непринужденно поднял левую руку, погладил усы, правой рукой поднял рог и произнес тост. Он благословлял землю, хлеб, вино. Сотрапезники осушили роги, отломали по куску хлеба. Неподдалеку от пирующих в огороде хлопотал старик-садовник...

Никала открыл глаза. Свет, струившийся из щели в окне и едва освещавший картину, не мог побороть мрака, черной копотью заполнившего подвал. Наверху, во дворе, к оконцу подвала слетелись воробьи: вероятно, хозяева дома вытряхнули с балкона скатерть и неугомонное семейство пернатых делило теперь пинцу. Какую возню они затеяли!

Никала хотел подняться со стула, но не смог. Вот уже несколько дней у него и маковой росинки не было во рту. Но сейчас он думает вовсе не об этом. Ему не дает покоя законченная картина.

— Никала! — послышалось снаружи. Голос как будто знакомый.

— Это ты, Сандро?

— Наконец-то я нашел тебя. Ты что, замуровал себя в этом подвале? Выйди на свет божий. Знаешь что, заглянем в «печной», я там давно не бывал...

— Я, видимо, не дойду до духана, — сказал Никала, когда они вышли на Мухранскую улицу. — До него по крайней мере сто сажень.

— Тогда зайдем к Саифову в «фонарный». Ведь это напротив.

В «фонарном» было всего пять-шесть столиков для постоянных посетителей. Большую часть помещения занимал прилавок. Здесь торговали навьюсно едой и славившимися на весь базар соленьями. Хозяин жил на втором этаже. Широкий балкон дома выходил на две улицы (духан находился на углу Мухранской и Ванской), к углу балкона был подвешен большой восьмиугольный фонарь, почему духан и прозвали «фонарным».

После горячей еды и водки Никала почти пришел в себя, в глазах перестало рябить.

— Скажи, дорогой Сандро, какой ангел привел тебя ко мне? — обрattился он к Сандро.

— Послушай, друг, если ты согласишься, я могу предложить тебе большую и выгодную работу.

— И ты спрашиваешь, согласишься ли я? Да я теперь готов взяться за любое дело. Деньги, полученные за последнюю работу, я давным-давно истратил. И теперь, если хочешь, буду красить крыши и желоба, клеить обои...

— Ну что ты, я предлагаю дело, которое может поставить тебя на ноги. Когда они вышли из духана, было уже темно. По черному небу, словно гигантские рыбы,плыли мрачные тучи.

— Пойдем-ка ночевать ко мне, Никала, — как бы между прочим сказал вдруг Сандро.

Никала рассмеялся:

— А что подумает хозяин дома? Что я сбежал из своей берлоги, не уплатив всего долга? Знаешь, сколько я ему должен?..

— Завтра рассчитаешься. А теперь пошли ко мне. Мама будет рада. Ты ведь знаешь, как она любит тебя.

На следующий день приступили к работе. Эскиз оформления большого зала Сандро выполнил вместе с Никала; вместе составили они и рисунок паркета. Никала сам отправился к плотникам подобрать по цвету материал.

Раньше полы расписывали краской. Эту работу отлично выполняли мастера Бернекса и Жвенье. Со с появлением в Тифлисе таких красодеревщиков, как Ренц и Зетцер, и резчика по дереву Франка заготовки для паркета стали делать на месте, и отпала необходимость отправки чертежей в Париж и Вену. В Тифлисе стали изготовлять паркет всевозможных цветов.

В самом центре зала по эскизу Сандро и Никала поместили звезду, составленную из семнадцати оттенков, с семнадцатью лучами, расходящимися в разные стороны. От центра к стенам золотой фон постепенно светлел. Вдоль стен тянулся бордюр из переплетенный нежнейших тонов. В простенках между окнами была изображена лоза с повисшими спелыми гроздьями винограда.

Как передавали позже, императору так понравился пол, выложенный оттеночным паркетом, что он сказал Мухранбатони: «Такой пол мог бы стать украшением Зимнего дворца».

...Взявшись за дело, Никала преобразился. Вечера проводил дома, за самоваром, часто читая матери Сандро — Като «Витязя в тигровой шкуре», «Караманнани» или другую какую-либо любимую им книгу. Порой же все семейство развлекалось игрой в карты, причем каждый старался играть так, чтоб выиграл другой.

Но шло время, и Никала загрустил. Внутренняя неуспокоенность накладывала отпечаток на все его поведение. Он все чаще уединялся, часами сидел в задумчивости в своем углу на балконе, откуда видна была колокольня Ванкского собора, за колокольней — на Куре — мельница с гигантским колесом, за ними Арсенал, Махатские горы, откуда утром поднималось солнце.

— Что его тревожит, сынок? — недоумевала Като.

Что мог ответить ей Сандро.

Как-то вечером, когда Никала сидел, по обыкновению задумчиво уставившись в одну точку, Като достала картину, оставленную им некогда в мастерской Бернекса.

— Узнаешь, Никала? — Добрая Като и не подозревала, как разбередила душу Никала. — Почему ты больше не рисуешь, не хочется?

— Хочется, но...

— Вот и Сандро уж сколько лет не рисует ничего дома. Меня это очень огорчает. К чему теперь все это? — старушка указала на угол, где стоял мольберт и бесприютно валялись палитра и краски.

— Эх, мне бы его умение и знания, — Никала встал, подошел к коробкам с красками и долго в них копался, бережно перебирая краски. — Можно? — робко спросил он.

— Ну конечно же! Да поможет тебе бог, сынок!

Никала торопливо натянул холст и ласково провел по нему рукой, потом раскрыл мольберт и придвинул к себе лампу...

Прямо перед домом Сандро на улице Гокчи высилось двухэтажное синее здание. Только перила и столбы у него были выкрашены белой краской, но даже и это не оживляло дом, казавшийся нежилым. Никала никогда не видел, чтобы в доме этом открывались окна или парадный подъезд. Дом принадлежал владельцу винного погреба Форе Нанобашвили. Ему было уже за сорок, но он был еще холост. Мать Форе, невысокая старушка в лечаки и чихтикопи¹, изредка по являлась на балконе, иногда садилась на стул и, перебирая четки, насупившись, как сова, смотрела на улицу.

¹ Грузинская женская национальная одежда.

Никто из соседей не видел, когда уходил Форе и когда он возвращался. Лишь изредка ночью тишину сонной улицы нарушали шум подъезжающего фэтона, хлопанье двери, пьяные извинения Форе и брюзжание старухи.

И вдруг однажды разнесся слух — Форе женится. Дом ожил. Распахнулись окна и двери, проветривались комнаты, накрывались столы. А вот раздались и звуки зурны. В начале улицы показались фэтоны, разукрашенные цветами. Вся округа высыпала на улицу. Свадебный кортеж остановился возле настежь распахнутого подъезда. Жених, облаченный в черную черкеску и арха-лук с серебряным кинжалом на серебряном же поясе, в черной карагулевой папахе, помог спуститься невесте. Она шла не поднимая головы. Лишь подойдя к дверям, подняла глаза и оглядела собравшихся полюбоваться веселой свадьбой. Безнадёжная грусть была в ее глазах. «Боже мой, какое знакомое лицо, — подумал Никала. — Где я ее встречал, когда?»

И как бы в ответ на свои мысли он услышал, как шепчутся соседи.

— Она из Телави, сирота. Воспитывалась в семье богатого дяди.

— Видели, какое приданое, какая постель! А посуда...

— Да и денег за ней немало.

— Известное дело, деньги к деньгам идут.

Зурна и сазандари сменяли друг друга. Ухищрялся в своем мастерстве сазандарист Абдул, будоражил сердца слушателей волшебной игрой на дудуки¹ прославленный Куприя. Музыка, казалось, лилась откуда-то сверху. Для кого звучали эти мечтательно-сладкие напевы?

Вероятно, еще долго простоял бы Никала у ворот дома, не выведи его из оцепенения голос Като:

— Зашел бы ты домой, сынок, отдохнул.

Никала послушно последовал за старушкой, не переставая думать о Майе. Да, это была она, теперь Никала уже не сомневался в этом. Она стала еще прекраснее, думал он. Интересно, узнала бы она его. Конечно же, нет. Он ведь так изменился...

Три дня и три ночи продолжался свадебный пир. Казалось, с приходом невесты, такой юной и такой прекрасной, этот скучный и неприветливый дом должен был ожить. Но едва разошлись гости, вмиг захлопнулись двери и притворились ставни. И лишь порой, вечерами, когда городской жар вытеснялся дувшим с Куры ветерком, на балконе появлялась Майя. Через руку у нее неизменно было перекинута чайное полотенце. Никала старался тогда пройти мимо, чтоб украдкой взглянуть на нее. Он стал вдруг следить за своей внешностью, почти не пил и даже начал аккуратно бриться. Вечерами он охотно выходил за ворота, в надежде увидеть Майю.

Несколько раз Майя появлялась на балконе в нарядном платье, в талии перехваченном дорогим поясом, расписанном красными и черными цветами. Она безмолвно садилась рядом со свекровью, пряча лицо от соседей и прохожих.

Однажды, когда Майя сидела на балконе, Никала так загляделся, что споткнулся и упал. Вокруг засмеялись, поняв причину его падения. Никала успел заметить, как посмотрела Майя, кажется, даже улыбнулась, однако в ее улыбке не было и доли насмешки. Но как бы устыдившись этого минутного проявления чувства, она тотчас опустила голову.

А после... Иногда ему удавалось, так во всяком случае ему казалось, удостоиться взгляда ее измученных глаз. Уже не раз доносились из дома Форе громкие голоса, ядовитые выкрики свекрови. Однажды донесся шум разбиваемой посуды, следом растворилась дверь комнаты и на балкон выбежала Майя, простоволосая, с заплаканными глазами. Она в смятении металась по балкону. «Я не могу так больше! В чем я провинилась? Неужели вам не жаль меня, вы же христиане!...» — причитала она, рыдая. Из комнаты слышалось злое шипение старухи. Потом высунулась чья-то рука, и Майю втащили в комнату. Двери захлопнулись. На следующий день Никала, сказавшись больным, не пошел на работу. Выйдя из дому, он прошел мимо Анчисхати и Сиони, перешел Авлабарский мост и поднялся по Сираджханскому подъему. Весь подъем был забит ар-баами, груженными бурдюками.

— Форе!.. Форе!.. — послышался голос возле одного из подвалов.

Никала вздрогнул и остановился. Что привело его, Никала, сюда? Чего он хотел? Поговорить с Форе?.. А имеет ли он на это право?..

Никала заглянул в подвал. В коротком архалухе и засаленной шапке Форе стоял у прилавка и что-то записывал карандашом в книжке. Лица его не было видно.

Вдруг кто-то окликнул Никала. Он оглянулся и увидел Безбородого Васуа, затягивающего упряжь на впряженном в тачку осле. Дородный, богатыйского

¹ Сазандари, дудуки — восточные национальные музыкальные инструменты.

сложения кинто Васуа был известен на весь город как сильнейший кулачный боец и несравненный исполнитель танца багдадури.

— Как я рад видеть тебя, Никала. Окажи мне честь, выпей канчик вина.

Никала печально улыбнулся ему в ответ и машинально стал спускаться в подвал.

...Когда он вернулся домой, Като тотчас почувствовала недоброе.

— Что с тобой, сынок? Что стряслось?

Ночью у него поднялся сильный жар. Он беспокойно метался в постели. Като хлопотала возле него, натирала уксусом тело, ладони. Но ему не становилось легче.

Тахта Никала была завешана льняной занавеской в коричневую полосу. Она была оттянута в сторону, образуя живописные складки. Никала вглядывался в них, и виделась ему в складках непонятные картины. Ему казалось, что перед кроватью висит не занавеска, а связки масок, может, это были не маски, а лица живых людей — со сморщенными лбами, поднятыми бровями, одни сердитые, другие задумчивые, а эти вот будто улыбаются. Маски печальны и задумчивы, и кажется, они ждут, терпеливо ждут того времени, когда можно будет высказать гнетущую их душу печаль. Никала узнавал эти глаза, он знал их по дому, по «печному» духану, по базару, садам и... Нет, нет, это все же маски... Мир наполнен этими живыми масками... Никала в страхе закрывает лицо руками, лицо небритое и ему кажется, что он прикасается к чужой коже. Так вот почему они так недоверчиво смотрят на него...

Трое суток метался Никала в бреду. Като сделала все возможное, чтоб поставить его на ноги. Прошло еще несколько дней, и Никала уже мог ходить на работу. Только теперь, возвращаясь с работы, он старался как можно быстрее пройти мимо дома Форе, чтоб не взглянуть наверх, на балкон. Чувство собственной вины не давало ему покоя. Ему все казалось, что это он повинен в происходящих в этом доме неприятностях.

В тот день Сандро и Никала возвращались после работы раньше обычного. Они подходили уже к дому Форе, когда вдруг распахнулась дверь и навстречу им выбежала Майя, растерянная, испуганная, в небрежно накинутой на плечи шали. Она стремительно пробежала мимо них и скрылась за углом. Никала почувствовал, что сейчас произойдет что-то страшное, непоправимое, но не в силах был помешать этому. Правда, первым его побуждением было побегать за Майей, остановить ее, но снова пригвоздил его к месту дьявольский вопрос: «А кто ты, какое ты имеешь на это право?».

За обедом он не проронил ни слова, в странном оцепенении машинально выпил вина, съел кусок арбуза. Но постепенно им все сильнее стало овладевать волнение. Предчувствие беды заполнило все его существо. Он встал из-за стола и начал беспокойно ходить по комнате — из угла в угол. Наконец, не выдержав, пошел на базарную площадь.

Площадь сдержанно гудела. До него донеслись обрывки фраз:

— В Куру бросилась...

— Да нет, молодая совсем...

— Велико же было ее горе, если...

Никала покачнулся. Закружилась голова. Ничего не сознавая, направился в трактир, сел на первый попавшийся стул. Высокий парикмахер с бантом на шее и бородкой «буланже», экспансивно размахивая руками, рассказывал окружающим его людям, что он сразу заметил красивую женщину, сидевшую на берегу в ожидании паром. Вот к берегу подошел паром, она поднялась на него. Парикмахер признавался, что такой красоты он давно не видел, вот почему он не мог отвести от нее взгляда. Паром был уже на середине реки, когда женщина вдруг вскочила и бросилась в воду. Только раз над поверхностью воды показались ее руки... Кто-то бросился за ней, но...

— Наверное, завтра утопленницу выловят в Ортачалах, — сказал один.

— В такое половодье и не надейся, — заметил другой.

— А может, ее спасут, — с надеждой произнесла молодая женщина.

— Эх, несчастная... — вздохнул кто-то.

Стемнело. На верхних ветках огромных чинар, готовясь ко сну, занимали свои места вороны. Никала брел по улице совершенно бессиленный.

У входа в садовую аллею, освещенную едва мерцающим фонарем, заложив руки за спину, подобно злой тени, ходил городской в черном мундире. Никала прошел мимо, нашел скрытую в густой зелени скамейку и в изнеможении опустился на нее.

На следующее утро, проснувшись от холода, сковавшего все его тело, он не сразу осознал, где находится. Пошарив по карманам, обнаружил случайно

уцелевшую медную трехкопеечную монету. Встал и направился в трактир выпить чашку горячего чая. Пятака, чтоб зайти в «печной», у него не было, а в долг он пить не любил.

В трактире турок-кукольник давал представление о пастухе Карагезе. Рабавная сценка немного развеяла тоску, Никала даже улыбнулся, когда ловкий Карагез расправлялся с моллой. После представления турок стал обходить с медным подносом посетителей, подошел к Никала. Тот встал, полез в карман и только теперь вспомнил, что на последние деньги выпил чаю. В это время кто-то протянул руку и положил на поднос рублевку.

— Это тебе, турок, знаешь, за что? Да за то, что развеселил ты вот этого грустного человека, — услышал Никала. Конечно же, это кинто Безбородый. Никала благодарно ему улыбнулся.

— А теперь, дорогой мастер, поехали кутить. У меня сегодня веселое настроение, будь моим гостем!..

Какую же муку пришлось ему претерпеть, чтоб так измениться! Сандро с трудом узнал в этом старце своего друга. А ведь Никала тогда было всего тридцать пять лет. Он вошел в духан с какой-то картиной. На нем был черный выгоревший костюм, старый мятый картуз. Он подошел к прилавку, прислонил к ней картину. Поднял голову. Осмотрелся. Видимо, искал Цхалоба. Привыкший к его посещениям приказчик уже знал, что Никала принес обещанную картину.

— Что ты принес на этот раз?

— Посмотри! — гордо сказал Никала и повернул картину.

— Да это же сын Никола, авлабарского разноторговца. Посмотрите, люди, как он похож!

Взоры всех обратились к картине, где был изображен маленький кинто — упитанный, румяный, толстенький мальчик, богато одетый: на нем был черный картуз и черный архалух, перехваченный тяжелым серебряным поясом. В левом нагрудном кармане лежали золотые часы с цепочкой. Широкие штанины были заправлены в собранные гармошкой голенища сапог. Мальчик стоял, подбоченившись, из-под широких бровей смотрели огромные удивленные глаза.

И Лонго смотрел на картину. Его опытный глаз мгновенно оценил ее.

— Шедевр!.. Боже мой, это же шедевр! — обратился он к Сандро. — Человек, который не знаком с законами перспективы, который не прошел элементарной рисовальной школы, создает картины типа старых фресок. И притом с какой удивительной выразительностью! Будто подглядыв изнутри, он изображает все просто и свободно. А ведь это то, к чему стремится каждый художник. И то, чего достигают ценой великих мучений и неутомимых трудов. Ему же все так просто дается!..

Художник — высокий, стройный, с бледным лицом, обрамленным темными волосами, с темнокаштановыми густыми усами и бровями, с печальными умными глазами, — казалось, сам сошел с грузинских фресок.

— Мсье Лонго, пригласим его к нашему столу, — сказал Сандро коллеге.

— Погоди, он еще не закончил своих дел, — ответил Лонго, продолжая внимательно разглядывать картину.

— Удивительно, что человек, беспомощный, погруженный в житейские заботы, способен на такое творчество! Его картины проникнуты чистотой видения. В природе человека он видит только добрые начала. Ребенок! Какой ребенок! Так чисто, безгрешно созерцать человека умеют только дети! Он вглядывается в лица с детской непосредственностью и не видит в них никаких пороков. Знаешь, какое это видение? Он подходит к миру с самой неожиданной стороны и передает действительность, движимый только добрым чувством, — проговорил удивленный Сандро.

— Дал бы бог мне его видение и его отношение к жизни... — ответил в задумчивости Лонго. — К сожалению, жажда славы опьяняет нас, мы теряем чувство меры, и это губит искусство. Он же не думает ни о славе, ни о богатстве, — продолжал он. — По сравнению с ним, я слеп. Знаю, казалось бы, чего хочу, и рука как будто мне послушна... Но чтобы накрапать одну звезду, мне необходимо десятки раз взглянуть на звездное небо. Он же... Не думаешь ли ты, что он сидит и работает на природе? Ему достаточно один раз взглянуть на объект, всего на одно мгновение и... Потом где-то в подвале, где нет ни света, ни воздуха, он рисует, рисует вслепую. И движет им лишь внутреннее видение.

Духан постепенно наполнялся посетителями. Никала здесь все знали, каждую его работу принимали доброжелательно, охотно высказывали свое мнение.

Никалапил уже вторую или третью чашу вина и, сдержанно улыбаясь, внушал какому-то критику:

— Ты поймешь это, может быть, не сразу... Но ты взглядишь в картину как следует... А что тут собственно непонятно? Ведь то, что ты здесь видишь, создано у тебя какое-то настроенье?.. Чего же еще?..

— Все же, сколько ты просишь за нее? — поинтересовался приказчик.

— Мне полагается еще десять рублей.

— Что ты, это же не корова? — снова вмешался в разговор незадачливый критик. — Десять рублей!.. Чего здесь на десять рублей, не пойму...

Приказчик, взглянув на художника, насмешливо сощурившего глаза, усмехнулся и поспешно добавил:

— Не обижайся на него, Никала. Он же не понимает. А картина в самом деле хороша. Тебе и оценивать ее.

— Мы отвлеклись. Ну что, предложим ему работу? — Лонго повернулся к Сандро.

— Не стоит... — в задумчивости ответил ему Сандро. — Не стоит... Он не пойдет с нами. Я достаточно хорошо знаю его. Деньгами и заработком его не соблазнишь. Нет, он не пойдет с нами, предложи мы ему даже тысячу рублей.

— Жаль, очень жаль. Так он долго не протянет. А ведь это талант, большой талант.

— Как я ни старался, не смог удержать его у себя дома. «Не хочу позорить тебя», — упрямо повторял он. Он даже на мою свадьбу не пришел. Правда, потом мой сват Легрен сказал, что лучший подарок — тарпи был прислан им.

— Ну, значит, так... — донесся до них голос Никала. — Вечером я зайду. — Он направился к выходу.

Приказчик догнал его, остановил и что-то прошептал ему на ухо. Никала тотчас повернулся к художникам, поднял руку и сдержанно поклонился.

Сандро и Лонго невольно встали.

— Присаживайся к нам, Никала!

Пробившись через толпу завсегдатаев духана, Никала подошел к ним и принял у Сандро пиалу, наполненную красным вином.

— За вас... Будьте счастливы... А теперь я пойду. Я бы с радостью посидел с вами, но мне надо дописать картину. — И поклонившись еще раз, пошел к выходу. И ни разу не оглянулся.

— Кто это? — спросил стоявший у прилавка случайный посетитель, когда Никала вышел.

— Большой мастер делать вывески. Он и картины рисует. Очень хорошие картины, — ответил приказчик, устанавливая новую картину Никала. — Боек в мастерстве, — продолжал он. — только вот выпить любит. Он работает в живописной мастерской Мартиросова, вон там, напротив, — приказчик указал рукой в сторону базара. — Из Мирзаани он. А зовут его Пиросмани.

Перевод Виктории ЗИНИНОЙ и Светланы СЕРГЕЕВОЙ

ПОДАРОК

РАССКАЗ

Армия стремится на запад. Позади — окруженный врагом Витебск, пепелища деревень, незасеянные поля, искалеченный войной придорожный лес... Советские войска преследуют отступающего врага подобно могучей горной лавине, сметающей все на своем пути.

«Только на запад!», «Вперед, вперед, на запад!» — лишь об этом думали все советские войны — от рядового бойца до генерала.

В день мы проходили по тридцать-тридцать пять километров. Ноги у многих были растерты в кровь, но мы все шли и шли вперед.

Однако постепенно темп наступления стал замедляться. В попытках остановить нас враг обнаруживал дьявольское коварство и изобретательность. И главным его козырем было минирование буквально всего и вся: дорог, придорожных кюветов, домов, подходов к водопоям для скота, отдельных, самых неожиданных предметов и даже трупов погибших людей.

...Пройдя около ста километров, мы натолкнулись на заранее подготовленные оборонительные рубежи немцев. Пехота при поддержке самоходных орудий попыталась с ходу овладеть линией вражеских траншей, но попала на минные поля. Одно орудие подорвалось, погибло несколько бойцов.

— Ты что же делаешь?! Не знаешь позиции фашистов, а прешь наобум! — кричал командир дивизии Иван Бабак на нашего батальонного, капитана Устинова. — И кто тебе доверил подразделение! Сейчас же отправь вперед разведку. Пусть разведают огневые точки врага. Утром будем атаковать! — И уже когда Устинов был за порогом, крикнул вдогонку: — Да, смотрите, поаккуратнее, местность минирована! Сначала пусть саперы подготовят проходы, разминируют дороги, тропы, землянки!

Этот приказ комдива о разминировании невольно напомнил мне эпизод из моей фронтовой жизни.

Дело было так. Я отпросился у командира взвода в тыл, но, поскольку выходить из укрытий днем было строжайше запрещено, волей-неволей пришлось дожидаться ночи.

Перебросив через плечо автомат, я отправился в путь. Ночь и одиночество, как известно, больше всего подходят для всякого рода воспоминаний, особенно на фронте. Вот и накатились волной думы о прошлом. Как на киноэкране, поплыла панорама родного Тбилиси... Шел я в ночи с высоко поднятой головой, с повлажневшими от умиления глазами, шел, забывшись и отрешившись от всего на свете. Очнуться меня заставил ужас, самый настоящий и неподдельный: я очутился... в заминированной зоне.

Беспомощно озираясь по сторонам, я искал спасения. Смерть была где-то рядом: может быть, в метре, а может, всего в нескольких сантиметрах от меня.

С огромным усилием, подавив волнение, я попытался сообразить, как мне выбраться из ловушки. Осторожно повернулся на месте и, холодея от страха, обливаясь холодным потом, медленно сделал один шаг: сначала коснулся земли самым носком сапога, потом постепенно встал на всю ступню и осторожно приставил вторую ногу. Вздох облегчения вырвался из моей груди. Смерть отдалилась на целый шаг. Второй шаг начинаю уверенней, но не доношу ногу до земли: может быть, именно там «она» затаилась. Долго я стоял в нерешительности на одной ноге, что твой аист. Силы начинали сдавать. Я почувствовал, что теряю равновесие, и рискнул — шагнул... Взрыва нет! Уцелел, жив! Но на этом моей смелости суждено было иссякнуть. У меня не оставалось иного выбора, как дожидаться утра. Так я и торчал столбом посреди открытого поля, под пронзитель-

вающим до костей ледяным осенним ветром. Попытался дремать стоя, но тут же мне начинали мерещиться кошмары со взрывами и полетами в преисподнюю... Каждый раз, убеждаясь, что цел и невредим, я оглядывал себя, проверял, продолжаю ли стоять на прежнем месте, и вновь погружался в полубабушкино состояние. Это была поистине адская ночь.

Утром наши саперы заметили меня и вывели в безопасное место.

Мой заместитель Арсений Севастьянов передал мне приказание комбата: перебазировать радиостанцию севернее деревни, в лощину, и дожидаться штаба в одном из бывших немецких блиндажей.

Сказано — сделано. Мы быстренько собрали свою технику и двинулись в указанном направлении.

— Товарищ сержант, а ведь завтра вам двадцать восемь стукнет, верно? — лукаво поглядывая на меня, спросил Севастьянов.

— Стукнет, и, к сожалению, ни годом меньше.

— Так вот знайте, я вам подарочек приготовил. Только не спрашивайте теперь какой, все равно не скажу. Тайна!

Севастьянов был намного моложе меня, но это не мешало нам крепко пофрентовому дружить — я любил его за доброе, открытое сердце и запросто называл Сыном. Постепенно весь взвод стал его так звать, как бы забыв настоящее имя орловского паренька.

— Эх, Сынок, Сынок, нашел время забавляться, завтра наступление, вот лучше о чем подумай!

— Не впервой, товарищ командир! Вывернемся и на этот раз. А вот какую-нибудь птицу в деревне раздобыть не мешало бы. А то одни кошки одичалые бродят, воют, аж жуть берет.

— На что тебе птица?

— Да какой же праздник без наваристого супа?!

Вскоре мы догнали наших взводных разведчиков и телефонистов, устроили короткий привал с перекуром и пошли дальше вместе. Миновали безлюдное, неуютное село, за которым начиналась лощина. Вот, наконец, и цепочка блиндажей. Не меньше двадцати. Разведчик Мананников имел приказ подыскать подходящий блиндаж под штаб. Посему проявляя особую расторопность, он обогнал нас и широко распахнул дверь первого блиндажа. Мы невольно отпрянули, вспомнив о предостережении командира «не шутить с минами».

Облюбовав один из блиндажей, мы расположились в нем на отдых до прибытия штаба.

Смеркалось. Начал накрапывать дождь. Разведчик Чижов вполголоса рассказывал друзьям о молодом пехотинце, подорвавшемся утром на mine.

При слове «мина» у меня по спине пробежал мороз, будто я снова вернулся в ненастье прошедшей ночи, в эту проклятую минированную зону. От рассказа Чижова мне стало как-то не по себе, захотелось на свежий воздух. Я открыл дверь, вдохнул бодрящей прохлады, подставив лицо мелкому моросающему дождю, и вдруг помертвел от ужаса: до моего слуха донеслось чужь слышимое, но явственное: тик-так! тик-так! Мысль начала работать лихорадочно. Блиндаж минирован, работает часовой механизм, каждое мгновение может произойти взрыв.

Я осторожно вернулся в помещение и прикрыл за собой дверь. Сомнений не было; жуткое тиканье буквально гремело у меня в ушах.

— Внимание, тревога!.. — как можно спокойнее сказал я громким шепотом. — Слушайте!..

Мгновенно воцарилась мертвая тишина, внезапно разорванная криком Мананникова:

— Блиндаж минирован!!!

Тут уж никакой команды не требовалось. Все пулей выскочили вон и остановились метрах в пятидесяти от блиндажа.

— Долго мы тут под дождем будем душ принимать? — первым после долгого молчания заговорил Юлдашев. — Не так слушал, никакой мина нет. У меня уши глина нет — все хорошо слышу!

— Может, и вправду показалось? — спросил кто-то неуверенно.

— Показалось, показалось! Кажется тому, кто к богу в рай спешит! Меня слух никогда еще не подводил! — рассердился я.

— Страх имеет очень ба-а-лшой глаза! — донимал Юлдашев.

— Пошли в другой блиндаж. Немец наверняка не все заминировал.

Мы подошли к следующему блиндажу и остановились в нерешительности.

— Пусть сержант первый идет, у него ухо острое, шибко хорошо слышит, — сказал Юлдашев.

Все с надеждой посмотрели на меня. Что мне оставалось? Я открыл дверь в блиндаж и вошел. Тщательно осмотрел все уголки, лег на пол и стал прослушивать его, затем приступил к исследованию потолка и пядь за пядью прощупал его лучом фонарика. Все было нормально — ни тиканья, ни добия проводов.

— Заходите, все в порядке! — позвал я бойцов. Мы сызнова приступили к оборудованию штабного помещения.

— Мина! Ложись! — заводил меня Юлдашев. — Ты сержант, как Суворов команда давал!

Снаружи совсем близко стали рваться снаряды. Но мы были в добротном сработанном укрытии и чувствовали себя в безопасности.

Телефонисты наладили связь с батареями и приняли новое приказание: штабу выехать и выбрать близ передовой линии место для наблюдательного пункта.

По-прежнему часто рвались снаряды, дождь не унимался. Но приказ есть приказ.

— Двинемся, как только утихнет артострел, — сказал старший разведчик.

Наконец снаружи все стихло. Блиндаж наполнился звенящей тишиной.

И тут сквозь глухой шум дождя, как и в первом блиндаже, до моего уха донеслось тиканье треклятого механизма. Я прошелся на носках по всем углам. Тикало повсюду.

— Зачем ходишь туда-сюда, товарищ сержант? Опять что-нибудь слышишь? — ухмыльнулся Юлдашев.

— Кажется, слышу!

— Не кажется, а в блиндаже мина... — каким-то отчаянным и чужим голосом выдал из себя Юлдашев, и все мгновенно оцепенели.

— Тик-так! Тик-так! — четко работал дьявольский механизм.

— Опять не поверите? Оставить блиндаж! — крикнул я.

Враг словно поджидал нашего появления из укрытия: вновь начался обстрел деревни и местности, прилегающей к ней. Разрывы приближались. Посыпались осколки. Пришлось скрепя сердце залечь в грязь. Грохот нарастал.

Положение было критическим. И все же смерть в укрытии не так ужасала, как тут — под хмурым небом, на семи ветрах.

Я первым поднялся из холодной жижи и, пригнувшись, побежал в злополучный блиндаж. Моему примеру последовали остальные. Промокшие до нитки, дрожащие от холода, сплошь в грязи мы вповалку попадали на пол.

Канонада постепенно стихла.

«Вот сейчас, сию секунду послышится тиканье». — подумал я, и тут же дико закричал все тот же Юлдашев.

— Тише! Не слышите?...

Слышать? Да тут и глухой услышал бы это вездесущее «тик-так».

— На каждом шагу смерти! — обреченно прошептал Болтунов.

Все вновь схватились за пожитки, благо, опыт уже имелся, но в дверном проеме неожиданно выросла фигура Севастьянова.

— Не базарьте, братцы, мин тут нет! — ухмыляясь, проговорил он.

— Тронулся!

— Уйди с дороги! — завопил Мананников.

— Да не кричите! Сейчас все объясню, — начал Севастьянов, но мы его мигом оттеснили в сторону и вырвались наружу.

Скользя по глинистому склону лощины, мы кое-как выбрались наверх и вышли к деревне.

Я оглядел ребят. Севастьянова среди них не было.

— Севастьянов, ты где? — крикнул я в темноту.

— Иду, иду! — послышалось в ответ.

— Ранен?

— Нет!

Я дождался Сынка.

Бойцы взвода вошли в крайнюю хату села.

Странную картину застал я, когда очутился там вместе с Севастьяновым. Бойцы, словно лунатики, бродили по комнате. Одни ощупывали половицы, другие простукивали стены, третьи тщательно изучали потолок — искали мину!

Утомленный и разбитый, промокший и голодный, я облюбовал себе укромный уголок, бессильно опустился на пол и отрешенно подумал: «Плевать! Пусть взрывается хоть десять мин, с места не сойду!».

В сумраке я различил лицо Севастьянова. Но что за гримасы строит этот мальчишка! Да никак он смеется!

Продолжая сотрясаться от беззвучного смеха, Арсений подошел к столу, снял с плеча упаковку с аккумулятором и достал из нее какой-то предмет.

— Вот она, мина-то!

Все заметались по комнате, словно очутились в террариуме с гремучими змеями.

— Вот от какой мины мы с вами, братцы, смывались! Ха-ха-ха! — весело продолжал Севастьянов.

«Может, он действительно того?!» — невольно подумал я.

Не без опаски мы подошли к столу. Хотя Сынко и хохотал, лица у всех оставались напряженными.

Мы внимательно следили, как Арсений осторожно разворачивал сверток, издававший громкое тиканье, и наконец увидели у него в руках большой, сверкающий, домовито тикающий будильник. Такой довоенный и неправдоподобно мирный!

— Где ты его взял? — с трудом прохрипел я, давясь от бешенства.

— Нашел в одном из домов. Нашел и сразу подумал: лучшего подарка ко дню рождения моего сержанта не придумаешь. Потом спрятал его в упаковку из-под аккумулятора, да и забыл.

На лице Севастьянова появилось виноватое выражение. Он даже хотел просить прощения у товарищей, но тут пронзительно зазвенел будильник.

Нам показалось, что все вокруг ожило, что вновь стали мирными и гостеприимными стены дома. И нам как по волшебству сообщилось удивительное спокойствие.

— Вот возьмите, пожалуйста, товарищ сержант, это вам... — чуть слышно проговорил Севастьянов и протянул мне свое подношение, доставившее нам столько волнений.

— Севастьянов!

— Слушаю, товарищ сержант!

— Сию же минуту отнеси эту чертову штуковину туда, откуда взял! Да попроворней, а то я тебя вместе с ним в окно выброшу!

— Слушаюсь!

Признаться, я не долго сердился на незадачливого Сынко. Наш Арсений так и остался для нас Сынком, а история с «миной» — веселым воспоминанием.

Перевод Бориса ПУГАЧЕВА

ОДИННАДЦАТЫЙ ШАГ

— Смотрать веревки! — приказал сержант.

Я сидел на обломке каменной глыбы, не принимая участия в сборах. И никто, казалось, не замечал меня.

В третий раз отделение поднялось на скалу. И в третий раз собиралось уходить, не дождавшись, когда я решусь спуститься. Каждый раз я подходил к краю скалы и отходил, так и не сделав последнего шага. И тогда спускался кто-нибудь из нашего отделения, а я все надеялся, что, убедившись в крепости веревок и надежности страховки, все-таки решусь. Но страх перед высотой сковывал мою волю.

Отделение собирало горное снаряжение и спускалось вниз, в лагерь. Из всей роты не одолел этого спуска только я.

Я знал, что на всем долгом пути вниз на меня снова будут поглядывать с насмешкой. И там, в лагере, — тоже. Никто меня в шутку не хлопнет по плечу, не предложит сыграть в шахматы, и на скамейках летнего клуба, где сидят вплотную, там, где сяду я, будет просто.

...Когда веревки были уже смотаны, я сказал:

— Товарищ сержант, разрешите попробовать еще раз.

Я сказал это неожиданно даже для себя. А у ребят повеселели лица, и они, не дожидаясь приказа сержанта, стали разматывать страховочные веревки, и у меня уже не было сил сказать, что я еще не вполне решил, смогу ли. Сержант подошел ко мне и стал подгонять ремни.

— Готово! — сказал он, затянув на моей груди прусик.

Когда он сказал «готово», я отбросил сигарету. Пока я держал ее в руках, чувствовал и даже видел, как дрожали пальцы.

— Дайте ему рукавицы, — сказал сержант.

Он не смотрел на меня. Он проверял прусик, карабины, узлы.

Проверил он как-то слишком быстро. Я еще не успел приготовиться.

Потом сержант посмотрел мне в глаза. Тогда я увидел, что глаза у него си-

ние и добрые. Казалось, скажи я сейчас: «Не могу!», и глаза его улыбнутся.

Но я не сказал. Наверное, потому, что у меня еще было десять или одиннадцать шагов до края. Скорее, десять. Одиннадцатый шаг уже в пропасть. Значит, десять шагов, чтобы решиться.

Подойдя к краю скалы, я не стал смотреть вниз. Я и так знал, что до земли тридцать пять метров, выверенных не однажды. И мне незачем было смотреть. Посмотришь, и потеряешь остатки мужества.

Все сидели. Только тот, кто страховал, да еще сержант стояли.

— Падай спиной, — подсказал сержант.

Я так и хотел сделать, но спиной падать страшно, даже если сзади тебя опилки. А когда там тридцать пять метров до дна?

Поэтому я не упал. Просто соскользнул по веревке и повис. Страховочной веревкой прижало руку.

— Что там? — спросил тот, кто страховал.

Сержант что-то резко приказал мне, но я не расслышал что. Мне было не до него. Я чувствовал под ногами пустоту, и от этого тошнотворный холодок вползал в грудь.

Я понял вдруг, что пути назад нет, что страшно мне или не страшно, но спуститься придется. И вдруг веревка ослабла, и я скользнул вниз, больно ударившись плечом о скалу.

— Ногами к скале! Падай спиной! — приказал сержант.

И оттого, что он командовал спокойно, я команду не только услышал, но и понял, и стал выполнять.

— Можешь посмотреть вниз, — сказал сержант.

Я глянул.

— Мама моя родная! — вырвалось у меня...

До земли было не меньше восьмидесяти метров. Подо мной темнел лес.

«Не хватит веревки. — с тоской подумал я. — Не там спускаться стал. Ошиблись».

Я представил, как буду висеть, когда не хватит веревки, пока наверху будут

надвизывать конец, и как я буду думать об этом узле: «Выдержит ли?».

Мысли текли неторопливо, спокойно. Словно все это происходило не со мной.

— Сильнее отталкивайся от скалы! — все командовал сержант. — Пружинь ногами!

Но его команды уже не доходили до меня. Я их слышал, но не осознавал.

А потом до земли сразу ничего не осталось. И я даже не увидел, когда это случилось. И понял еще до того, как

сержант предупредил: «Земля». Потому что тот, кто ждал меня внизу, сказал!

— До-е-хал, наконец.

Когда он помогал мне снимать снаряжение, я услышал наверху, на скале разговор:

— А что, будет он скалолазом!

— Добрый будет скалолаз!

На краю гребня стоял сержант и говорил с кем-то из солдат. Говорили они слишком громко, и было ясно, что говорят они это для меня.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ОБЕД

Жили мы тогда в угловой, продуваемой холодным ветром комнатухе. Единственная табуретка и печка-временка с трубой в окно составляли всю нашу мебель. А в углу лежал ворох старых одеял, которые служили и одеялами, и матрасами.

...В тот день, дождливый и холодный, в нашей комнатке жарко топилась печка. Сначала весело разгорелись крошечные поленца саксаула, а потом, когда они до самой сердцевинки просветились жаром, мама высыпала в печь «три килограмма тепла» (так называли на рынке кучки невзрачного бурого угля). Он сразу погасил веселые огоньки, и у печки стало неинтересно.

Мама, кажется, не замечает, что огня в печке нет. Она громоздит на временку большую кастрюлю с водой, а сама начинает мыть сахарную свеклу. Крупную, с мышинными хвостиками корней. Свеклы много, целых полсумки. Ее вчера к празднику выдали маме на работе, и она предназначена на второе. На первое сегодня болтушка из ржаной муки. И даже с маслом: с хлопковым маслом.

Я нетерпеливо хожу около печки, мешая маме, и успеваю получить два подзатыльника, пока мама, наконец, позывает всех обедать.

Обедать — это просто так называется. Потому что это и обед, и завтрак вместе.

Едва мама позвала, как сестры и братья (нас было пятеро) вскочили, разбросав одеяла, и уселись на полу с ложками.

Ели, обжигаясь, посасывая маленькие кусочки хлеба. Ради праздника — по две тарелки болтушки, а потом еще свеклу.

В комнате было жарко. В комнате было празднично. Потому, наверное, что был праздник, и еще потому, что было необычно тепло, необычно вкусно и сытно.

Кожура сахарной свеклы снималась тонкой прозрачной пленочкой. И сероватый плод сладко наполнял рот.

Вот такой это был обед.

...Рассказал я об этом обеде как-то своему сынишке. С тех пор он мечтал попробовать праздничный обед войны.

Наконец, когда в один из отпусков мы приехали к моей старенькой маме, он упросил ее приготовить такой обед.

Ржаную муку мы достали. Правда, вместо хлопкового масла мама заправила болтушку сливочным. Труднее было с сахарной свеклой. Ее не оказалось ни в магазине, ни на рынке. В конце концов я ее выпросил на сахарном заводе. Там долго удивлялись, зачем она мне понадобилась. Но свеклу дали.

Ни болтушку, ни свеклу сын есть не стал. Впрочем, я и мама — тоже. Болтушка казалась безвкусной, а свекла совсем не сладкой.

И хотя мама уверяла, что все она приготовила так, и даже вкуснее, чем тогда, меня не покидает сомнение, что она просто разучилась готовить.

СВЕТЛО, ОБРАЗНО, МУЗЫКАЛЬНО

Когда Маквала Мревлишвили начала писать стихи для детей, она была уже поэтессой с именем и заслуженной популярностью. Ее первая детская книга «Всходы» представляла собой сборник стихотворений и пьес, адресованный в основном детворе младшего школьного возраста.

Потом поэтесса стала писать для дошкольников. И каждый год радует их новыми книжками. Такой поворот в ее творчестве вполне закономерен; писать для малышей чрезвычайно трудно и очень ответственно. В детской поэзии все должно быть светло, лаконично, образно, музыкально, строго выверено.

Начав писать для детей, М. Мревлишвили обратилась к истокам грузинского поэтического фольклора и тут же убедилась в его неопенимой поддержке:

К нам спешат три брата —
 Март, Апрель и Май;
 Нам несут три брата
 Солнце через край.

Март хоть чуть и плакса,
 Март хитрец большой:
 Глаз один — в слезинках,
 А в лучах — другой...

(«Три брата», перевод Т. Абрамова)

Корней Чуковский говорил, что долго искал форму для своих стихов и в конце концов ее подсказал ему фольклор.

Маквала Мревлишвили тоже пошла этим путем, тем более что это в традициях грузинской детской литературы.

Персонажи ее книг — дети, настойчивые и трудолюбивые. Они постоянно в действии, постоянно помогают друг другу. Они живут насыщенно и напряженно: ходят в зоопарк, на демонстрацию, дружат с детьми других национальностей, разговаривают по телефону, смотрят телевизор и слушают радиопостановки, строят, шьют, ухаживают за животными и птицами.

Маквала Мревлишвили естественно, неназойливо отражает в своих произведениях наше сегодня, проблемы, волну-

ющие наших современников. Ее стихи прежде всего развивают в детях те черты и свойства природы, которые завтра помогут им строить новый мир.

Дидактическое начало в ее стихах подано в такой удобной для восприятия форме, что ребенок, знакомясь с ними, не ощущает ничего, кроме огромного удовольствия от приобщения к поэзии.

Передавая настроение ребенка, занятого работой, поэтесса раскрывает весь процесс труда, и делает это с такой легкостью, в таком приподнято-радостном тоне, что труд становится для ее юных читателей желанным и необходимым.

И все ее стихи, написанные в ритме движения, игры, легко воспринимаются детьми. Главная мысль ее произведений усваивается ими естественно и как бы незаметно.

Нет необходимости посвящать дошколят или детей младшего школьного возраста в процесс кладки кирпича или другие секреты производства. Важнее — привить им любовь к человеку труда, внушить веру в радость созидательного труда, который в нашей стране — почетная обязанность каждого.

Теме труда Маквала Мревлишвили отводит в своих стихах особое место. И для каждого произведения, написанного ею на эту тему, поэтесса находит своеобразную форму.

Поют бесчисленные прялки,
 И золотой поток взметен,
 И челноки играют в прятки
 За паутиной веретен.

И золотые ливни льются
 На рамы ткацкого станка,
 Пока рулонами свернутся
 Зашелестевшие шелка...

И за послушными станками,
 Гудящими за рядом ряд,
 За водопадами-шелками
 Глаза заботливо следят...

Работница, как мать ребенка,
 Лелеет, пеленает ткань

И начинает песню тонко,
Как птица в утреннюю рань.

И поведет, поводит бровью:
— Шелк ниспадающий дождем,
Носите, люди, на здоровье,
Он в светлой радости рожден.

(Перевод М. Максимова)

Почти каждый малыш в республике знает наизусть ее замечательное стихотворение «Доброе утро». К самым обыденным и простым заботам о том, что утром, встав вовремя, нужно умыться, привести себя в порядок, автор ведет ребенка через мир природы, которая уже пробудилась: ранняя птишка, солнце, маленький цветок — все готовы услужить ему: «Тебе пою, малыш, с добрым утром!» — говорит ему каждый из них, и как тут же не вскочить с постели и не сказать:

Птичка, ты кому сейчас
Спела песни эти?
Дети, я пою для вас,
С добрым утром, дети!

Солнце, солнце, в девять глаз
Для кого ты светишь?
Это я свечу для вас,
С добрым утром, дети!

Для кого в саду у нас
Распустился цветик?
Распустился я для вас,
С добрым утром, дети!

Я проснулась в ранний час,
Раньше всех на свете,
И сама скажу сейчас —
С добрым утром, дети!

(Перевод З. Александровой)

Творчество Маквалы Мревлишвили характеризует тематическое многообразие. Своими стихами она стремится ответить на миллион настойчивых детских «почему?».

Особенно хочется выделить цикл стихотворений об игрушках. Игрушка для ребенка самый большой друг. С ней он проводит большую часть своего времени: привыкает заботиться о ней, дружит с ней, играя с ней, приучается к порядку. Хорошая и красивая игрушка

эстетически воспитывает его. Вот почему столько внимания уделяется в ее стихах разговору об игрушках.

«Дождь идет» — это жалоба брошенной куклы, это упрек Гие и Мзие, которые оставили ее под дождем одну.

Перу Маквалы Мревлишвили принадлежит несколько поэм. Ее «Чанчикела», «Молодец-удалец», «Автозадира» — любимые произведения грузинских детей.

Всем этим поэмам, помимо отмеченных выше черт (света, лаконичности, образности и музыкальности), присуща экспрессия, достигаемая частой сменой картин и, вместе с тем, богатством интонации.

Сюжет поэмы для детей должен быть столь многокрасочным, живым и изменчивым, чтобы каждые пять-шесть строк могли быть проиллюстрированы.

Маквала Мревлишвили хорошо знает специфику творчества для детей, и ее поэмы так же любимы юными читателями, как и ее стихи.

Персонажи ее поэм стали любимыми героями юных читателей. «Чанчикела» — это современная поэма-сказка. Герой «Чанчикелы» летит в космос. Для современного ребенка в этом нет ничего необычного. Тем труднее говорить с ним об этом по-взрослому, серьезно и с изяществом, но Маквале Мревлишвили удается это прекрасно.

Максим Горький говорил, что для детей нужно писать так же, как для взрослых, только еще лучше. И вдумчивая беседа поэтессы с юными гражданами всегда интересна, доброжелательна и всегда на уровне самого серьезного и значительного «взрослого» разговора.

Маквала Мревлишвили ведет плодотворную переводческую деятельность. Она прекрасно перевела «Тилия Уленшпигеля». Недавно вышли на грузинском языке в ее переводе образцы французского детского поэтического фольклора.

И очень отрадно, что стихи и поэмы Маквалы Мревлишвили для детей, написанные в последние годы, отмечены столь высокой наградой, как премия имени Руставели. Это свидетельствует и о ее заслугах, и о том значении, которое придается у нас детской литературе, воспитанию подрастающего поколения.

ПРЕОДОЛЕННАЯ ВЫСОТА

Гурам Панджикидзе вошел в грузинскую литературу, не вызывая толков и сенсаций, почти незаметно, хотя по характеру своему он отнюдь не отличается ни кротостью, ни особым спокойствием, ни неприметностью. Когда же был опубликован его первый роман «Седьмое небо», а затем вскоре и второй — «Камень драгоценный», стало ясно, что у него свой большой прицел и свои задачи. В этом, пожалуй, и заключается особенность писательской биографии Панджикидзе.

Как-то так сложилось, что в 60-е годы появление нового имени в грузинской прозе зачастую было сенсационным. Произведения молодых прозаиков, будь то рассказы или романы, сейчас уже принятые и признанные, в ту пору вызывали смятение, вокруг них бурлили страсти, сталкивались диаметрально противоположные мнения. Тот новый мир и новые образы, круг интересов или манера письма, которые они принесли с собой в литературу, были в значительной степени и неожиданными и в такой же степени — неприемлемыми для тех, кто на протяжении десятилетий привык к определенному течению литературного процесса и робел, сомневался, даже испытывал страх при незначительных и закономерных отклонениях от привычного русла.

Упреки, большей частью преувеличенные и ошибочные, естественно, встречали ревностный отпор защитников молодых прозаиков — в основном писателей и критиков того же поколения (впрочем, нельзя забывать и о большой роли в опеке молодых многих представителей старшего поколения — в частности, редактора «Цискари» Вахтанга Челидзе и Георгия Шатберашвили), отвечавших категорически и прямолинейно, горячо и безапелляционно (их выводы, возможно, также были преувеличены, но ни в какой мере не ошибочны).

Здесь невольно вспоминаются рассказы Гурама Рчеулишвили, «Волны стремятся к берегу» Арчила Сулакаური, «Я, бабушка, Илко и Иларион» Нодара Думбадзе, «Старые зурначи» Мераба Элюозишвили, «Прогулка на понни» и «Полдень» Тамаза Чиладзе,

первые рассказы Резо Чейшвили и Гурама Гегешидзе. Конечно, этим не исчерпывается ни список произведений, ни число пришедших в грузинскую литературу того времени молодых писателей.

Все они и многие другие их сверстники в результате споров в литературной прессе, еще более будоражившей интерес к ним, вступали в литературу, имея уже определенную биографию. Каждое их новое произведение привлекало, вызывало читательское любопытство и мало нуждалось в рекламе литературной критики. Для некоторых это оказалось в будущем полезным, поскольку последующие их произведения убедили в стабильности писательского таланта, энергии и опыта этих авторов, другим же это пользы не принесло, потому что первые два-три рассказа так и остались лучшими в их творчестве. А в большей или меньшей степени обманутые восторги и не оправдавшиеся надежды трудно прощаются даже заслуженным писателям, не говоря уже о тех, кто только лишь попытался ступить на писательскую стезю.

Именно в момент этих волнений и бурь, споров и борьбы мнений в редакции «Цискари» появился Гурам Панджикидзе. Это было начало 60-х годов. Из сотрудников и актива редакции его почти никто раньше не знал. Известно было лишь то, что он по образованию и по профессии металлург, увлекшийся журналистикой и решивший избрать это поприще. В ту пору в журнале работали уже достаточно известные молодые писатели, и главный редактор Константин Лордкипанидзе часто, будто в шутку, но совершенно категорически заявлял, что редакции нужны не «гении», а журналисты. Появление Гурама Панджикидзе в редакции показалось мне ответом именно на это желание. Ни я, ни, вероятно, многие из нас не помнили, что он уже был автором двух-трех рассказов.

Новый сотрудник «Цискари» был наделен совершенно необычайной энергией, и на протяжении нескольких лет она была сосредоточена только на редакционных делах. Многие из нас не

знали подлинных стремлений нового друга, не ведали, что и он стремился в «гении», и не сомневались в «чистоте» его журналистических помыслов. Гурам Панджикидзе был захвачен спортивной журналистикой, и трудно было представить другую направленность его интересов и забот.

В ту пору Панджикидзе написано множество статей и несколько интересных книг о футболе и связанных со спортом путевых заметок. Он был свидетелем и очевидцем игр трех последних всемирных чемпионатов по футболу и потом прекрасно преподнес читателям свои впечатления, эмоции и соображения по этому поводу.

Но не только спорт ведет Гурама Панджикидзе в дальние дороги. «Вирус» путешествий нашел благодатную почву в его беспокойном и неуемном характере. То он устремляется к красотам Средиземноморья, то вдруг в суровейших условиях дальнего Севера испытывает свою выдержку, живет и работает вместе со своими будущими героями, с первого взгляда неприметными, рядовыми советскими людьми. А возвратившись домой, его как будто не столько занимают впечатления от пережитого, сколько новые маршруты. И потому на протяжении ряда лет почти никто не сомневался, что журналистская деятельность вполне удовлетворяет Гурама Панджикидзе и на большее он не претендует, как вдруг в «Цискари» появилось несколько его рассказов. Затем, очень скоро, в том же журнале был напечатан роман «Седьмое небо», который сразу заставил о себе заговорить. Он вскоре был переведен на русский язык и опубликован в журнале «Дружба народов», вышел отдельными книгами по-грузински в «Сабчота Сакартвело», по-русски в «Молодой гвардии», по-украински в издательстве «Молодь».

И сразу же — широкий отклик критики на произведение грузинского прозаика в союзной и республиканской прессе, а это для автора и тем более молодого — явление редкое. Не говоря уже о грузинской литературной критике, рецензии на роман были напечатаны в «Дружбе народов», «Литературной газете», «Комсомольской правде», «Труде». Коллективы известных московских заводов, активисты библиотек устраивали многолюдные читательские конференции и встречи с грузинским писателем.

И, несмотря на то, что статьей «Кто такой Леван Хидашели?», напечатанной в «Цискари» (№ 8, 1968 г.), я одним из первых поздравил грузинского читателя с еще одним новым хорошим романом, должен признаться, что в глубине души меня тревожило сомнение.

Я думал (возможно, это сомнение разделяли и другие): жизнь металлургов была такой органичной частью бытия Гурама Панджикидзе, что достигнутый им первый успех не может быть безоговорочным доказательством писательского таланта или призвания автора. Не покидало сознание того, что мы уже имели собственных «кумиров» из поколения Гурама Панджикидзе, поспешно и восторженно провозглашенных надеждой литературы, но так и не оправдавших этой надежды, хотя, с другой стороны, творчество некоторых, наряду со всем прочим, благодаря времени или общественному мнению стало дорого всем нам.

Все это как будто некоторым образом объясняло такое недоверие к Гураму Панджикидзе как писателю. Но, новый его роман «Камень драгоценный», который снова вызвал столько читательских откликов, заставил даже самых отъявленных скептиков окончательно убедиться в писательском таланте Гурама Панджикидзе и с любопытством оглянуться на пройденный им путь. Тем примечательнее и интереснее показался приход Гурама Панджикидзе в литературу, будто неприметный, но упорный и точно нацеленный.

Художественные произведения Гурама Панджикидзе пока представлены только в трех книгах. Это — «Снежный день», «Седьмое небо» и «Камень драгоценный».

* * *

В сборник «Снежный день» вошли рассказы Гурама Панджикидзе, написанные в разное время. Сейчас, когда они собраны воедино, мастерство писателя становится очевидным. Они дают возможность проследить, как постепенно пробивалась главная и основная тема в его творчестве, как редко становился он на путь, проторенный другими и, казалось бы, более привлекательный, как быстро отыскал для себя наиболее волнующую проблему, позволившую ему полнее раскрыть свои возможности.

Первые три рассказа Гурама Панджикидзе «Тур», «Маркиза», «След на море» существенно отличаются друг от друга. В одном — лирическое повествование о становлении характера подростка, в другом — жизнь одинокого мужчины, приютившего собаку (об этом рассказано очень тепло, с добрым юмором), третий — проникнут мыслью, что истинная сущность и характер человека раскрываются в испытаниях.

Действие в первом рассказе разворачивается на идиллическом фоне деревни, во втором — в старом и очень ко-

лоритном квартале города, в третьем — на старом танкере, покачиваемом морскими волнами.

Герои первых трех рассказов — люди разного возраста, характеров, разных национальностей, социального положения, психологии, но это не смущает автора, так же как и географическая среда, в которую он помещает их: она для него — беспредельна. Это как будто могло послужить поводом для упрека в адрес писателя. Но тут же начинаешь понимать, что автор готов пройти тысячи разных путей в поисках того мира, который в будущем определит основную тему и проблематику его творчества.

Наряду с этим в рассказах ощущаются уже какие-то знакомые мотивы и интонации. Сейчас уже стало ясным, что эти первые рассказы были отголоском определенной тенденции, возникшей в ту пору в грузинской прозе, и начало этой тенденции было положено несколько раньше другими писателями. Если поразмыслить и над другими рассказами — «Мутное море», «Вечер», «В горах», то станет еще более очевидным, что Гурам Панджикидзе вторгается в сферу интересов Гурама Рчеулишвили и некоторых других молодых писателей, что и его одолело желание с точностью и безошибочностью настоящего художника увидеть и понять внутренний мир и своеобразное отношение к жизни современной молодежи, объяснить определяющие импульсы ее действий.

Гурам Рчеулишвили дал нам возможность увидеть в грузинской литературе современного молодого человека именно таким, каков он есть на самом деле в различных жизненных ситуациях. Мы видим, как он ходит, разговаривает, смеется, грустит, задумывается, переживает, пьет, дерется, трудится, любит и по-настоящему дал почувствовать его жажду настоящего большого чувства, тоску по нему. Он же нашел новый стиль художественного отображения этого мира, простой и выразительный, лаконичный, построенный в основном на диалогах. Его рассказы — это как бы простые, непретенциозные зарисовки отдельных жизненных моментов, в которых писатель, на первый взгляд, совершенно объективен, нейтрален к происходящему, не навязывает своего отношения; не обобщая, не давая характеристик и оценок, он просто повествует о том или ином факте. И все же в этом многообразии мира события и факты отображены и увидены им, акценты же расставлены тонко и тщательно. Сила писательского вдохновения как воздействующее начало в первую очередь

направлена по точному адресу — прежде всего его поколению и уже потом читателю вообще.

Культ сильного, здорового духовно и физически молодого человека, неисполненного романтики, что прежде всего проистекает из характера и психологии самого писателя и так волнующе пронизывает его творчество, оказался в рассказах Гурама Рчеулишвили очень притягательным. Вот почему он имел и имеет такое заметное влияние на молодежь вообще, на писателей его поколения — особенно. И в этом нет ничего дурного и предосудительного.

Рассказы Гурама Панджикидзе «Тур», «Мутное море», «Вечер», «В горах» — развитие именно той тенденции, начало которой было положено Гурамом Рчеулишвили. На первый взгляд, эти рассказы населены довольно странными молодыми людьми, особенно если посмотреть на них глазами старшего поколения. Время они проводят в ресторанах, пьют, легко знакомятся с женщинами, дерутся, охотятся, будучи уже обремененными семьей, — играют в футбол с мальчишками и вообще ведут себя крайне легкомысленно. Но если приглядеться к ним внимательнее, то нельзя не убедиться, что мы имеем дело с людьми необычайно чистыми, благородными, обладающими рыцарским сердцем, умеющими трудиться, защитить свое достоинство, заступиться за друга и которым, как говорится, ничто человеческое не чуждо.

Молодой герой рассказа «В горах» Гурам едет в горный район на строительство дороги.

«— Сам сюда приехал или распределили? — неожиданно спрашивает его водитель самосвала на дороге.

— Сам, — отвечает Гурам, здорово удивляя водителя, который сначала изучал его блестящие черные туфли, а сейчас остановил взгляд на белоснежной сорочке.

— Человеку из Тбилиси здесь будет очень трудно. Сейчас пока лето — ничего еще. А вот когда начнутся дожди... Проклянешь день своего рождения. Хотя до осени... — он не закончил своей фразы».

Нетрудно догадаться, что имел в виду водитель. Но Гурамом владеет совершенно иное настроение, он стремится на строительство: «Дожди меня не испугают, главное — иметь дело с хорошими ребятами».

Но события разворачиваются стремительно: уже в пути Гурам узнает, что на стройке его ждет соперник, Анзор Лашхи, который тоже претендует на пост главного инженера. По дороге же произойдет их встреча, когда яростно забуксует машина и в страхе перед опасностью свалиться в пропасть никто не рискнет оказать водителю по-

мощь, а Анзор Лашхи без колебаний, деловито сядет за руль и быстро освободит дорогу. В противоположность Гураму на Анзоре Лашхи темно-серая блуза и ботинки на толстой резиновой подошве. Гураму понравилась его крепко сбитая фигура и опаленное солнцем лицо.

В тот же вечер уже знакомый шофер в дверях закуской посоветовал Гураму не входить туда. Гурам догадался, в чем дело, но не ушел. В духане Анзор Лашхи пировал со строителями. Вскоре Гурама стало одолевать неприятное предчувствие, ощущение того, что сейчас должно произойти что-то нехорошее. Анзор Лашхи послал ему на стол харчо и бутылку лимонада. «Гурама бросило в пот. Он огляделся, все присутствовавшие впились в него взглядом. Внезапно он встретился глазами с Анзором. Понял, что отступить нельзя. Закусочная полна строителей дороги. Если он не ответит на унизительный жест Анзора, то должен, утром же надеть шапку и возвращаться назад». Он понял также, что единственный способ не уронить достоинство — это показать свой мужской характер и силу. В тяжелой драке Гурам победил.

Казалось бы, утверждать свое служебное положение кулачным боем более чем странно, но писатель заставляет поверить, что в таких ситуациях и в такой обстановке другого выхода нет. Становится ясным и то, что этого молодого тбилисца не испугают ни осенние дожди, ни более сложные испытания.

В свое время на головы Гурама Рчеулишвили и других молодых писателей обрушился шквал упреков в неправдоподобности аналогичных событий, в том, что все это придумано в подражание зарубежной литературе; вспоминались Хемингуэй и Ремарк, которые, безусловно, влияют на нашу молодежь; критики ратовали за необходимость вернуть молодых писателей на путь добрых традиций грузинской литературы. Читая рассказ Гурама Панджикидзе и следуя предыдущему опыту, видимо, тоже нужно было бы забить тревогу и высказать свое недоверие, вооружившись всеми упомянутыми выше доводами. Но сейчас как будто все уже поняли, что ни Хемингуэй, ни Ремарк здесь ни при чем, что их творческий мир и мир их героев ничего общего не имеют с творческим миром и героями грузинских писателей, что по сути своей это нечто совершенно иное.

Что касается спиртных напитков и кофе, путешествий, жизни в гостиницах, испытаний в горах или событий на берегу моря, то все это уже давно вошло в обиход повседневной жизни нашей молодежи, и только поверхност-

ный взгляд, не проникший внутрь, может подсказать неверные представления, которые, возможно, и помешают отличить хорошее от плохого, заметить лучшие свойства, проявляемые новым поколением.

Образ жизни разных поколений существенно различен, но это не должно стать поводом для раздора. Если одежда последующего за нами поколения отличается от нашей, если оно иначе развлекается, живет другими интересами, иначе строит свою личную жизнь — это еще не означает, что оно утратило извечно присущие юности черты — непосредственность, искренность, непримиримость, смелость, веру в человека и будущее, романтическую воодушевленность, жажду борьбы и действий. Если вдруг обнаружится, что юность теряет эти качества, тогда надо бить тревогу, поскольку мы обязаны стоять на страже и бдительно охранять это жизненно важное для развития общества условие. Молодые грузинские прозаики ставят перед собой именно эту задачу, и не будем приписывать им надуманных грехов.

Гурам из рассказа «В горах» защищает в драке свое достоинство перед людьми в основном своего возраста: Анзор Лашхи, строители, водители — его сверстники или чуть старше него; молодые люди часто сами, по-своему разбираются в своих делах, и писатель заставляет нас верить в художественную правду этой сцены. Поэтому она и не представляется нам искусственно перенесенной сюда из ковбойских рассказов или фильмов.

Лет пятнадцать назад в советскую литературу вошел новый герой — человек неприметный, ничем не выдающийся — ни масштабом своих дел, ни по особому положению в жизни, ни по внешним данным или каким-либо иным выдающимся качествам. Но слишком обыкновенная жизнь этих людей освещена светом какой-то внутренней доброты, духовного богатства. Присмотреться к этому герою, его постичь прежде всего обязаны были литература и искусство. Это было естественной и необходимой реакцией на общепринятый курс в советской литературе той поры, когда в центре внимания большей частью были личности незаурядные, наделенные необыкновенными чертами и характерами.

Эта тенденция «приземления», «упрощения» героя определилась в творчестве писателей разных поколений. В грузинской литературе с такими героями мы встречаемся в замечательных произведениях прозаиков старшего поколения — Серго Квдиашвили и Константина Лордкипанидзе или в произведениях, написанных в то же время, но представителями более молодого в

ту пору поколения — Эдишером Кипиани, Арчилом Сулакаури, Ревазом Иванишвили. Думаю, не ошибусь, если скажу, что эта тенденция более определенно выразилась в молодежной прозе, так как «рядовой» человек с самого же начала оказался в сфере ее интересов. Кроме Эдишера Кипиани, Арчила Сулакаури и Ревазы Иванишвили, можно назвать еще многих молодых прозаиков, открывших дверь в литературу именно этой проблеме. Той же тенденции не избежал и Гурам Панджикидзе, и собственно, у него не было необходимости отказываться от нее. Рассказы «Рашида», «Маркиза», «След на море», в которых все внимание автора сосредоточено на душевной чистоте простых людей — яркое тому свидетельство.

В этих рассказах и герои — люди обыкновенные, и события — самые будничные. Своей обыденной жизнью живут и металлург Рашида, и ремесленник Рубен, и старый штурман по прозвищу Синяя Акула. Но это вовсе не ослабляет интереса, с которым мы следим за переживаниями Рашида, когда коллега из первой смены подсушет этому доброму и честному человеку негодную машину, или беззлобно смеется над странной дружбой Рубена и собаки, с любопытством наблюдаем, как без слов, легко и простодушно докажет старый штурман молодому капитану щедрость своей души.

Гурам Панджикидзе вооружен в этих рассказах мягким юмором и теплой улыбкой, украсившими повествование и позволившими нам сблизиться с его героями, проникнуться к ним сочувствием и симпатией.

Во всех этих рассказах уже проявляются сфера интересов Гурама Панджикидзе, его склонности, особенности таланта, писательская манера, хотя он еще и идет по проторенной другими дорожке. Культ сильного молодого человека и проявляющийся в сочувствии к «маленькому» человеку гуманизм — органическая составная часть его творчества, но недостаточно оригинальная. Писатель должен был еще найти другой аспект видения общественной жизни, что придало бы его творчеству новую, удовлетворяющую его полноту и сложность. Понять и осмыслить это не составляет особого труда для Гурама Панджикидзе, человека бескомпромиссного, боевого, не способного мириться ни с каким злом и несправедливостью; рано или поздно он стал бы на правильный путь к достижению цели.

Писатель с таким характером не мог ограничиться только таким кругом про-

блем и тем, о которых шла речь выше. В его творчество должен был вторгнуться пафос отрицания, и тогда в сочетании с уже знакомыми, освоенными тенденциями мог родиться тот художественный мир, который сейчас мы уже можем назвать творчеством Гурама Панджикидзе; он отчетливо раскрылся в позднее написанных романах «Седьмое небо» и «Камень драгоценный», хотя дух непримиримости писателя к уродствам жизни проявлялся и раньше — эпизодически в «Мутном море», более полно в «Снежном дне» и в «Жарком августовском дне».

Разоблачению вопиющей несправедливости в рассказе «Мутное море» посвящен лишь один эпизод, рассказ же «В жаркий августовский день» полностью проникнут этим пафосом. Всего несколько часов проведет герой рассказа Отар Сирадзе в родном поселке, где жили еще его деды и прадеды, но от всего, что он здесь увидит, становится жутко. Воспоминания о своих детских годах дорого обойдутся Отару. Привлечь внимание незнакомого человека поселковая молодежь пытается своим нечеловеческим садистским поступком. После «Чанчуры» Михаила Джавахишвили в грузинской литературе никто не обошелся так безбожно жестоко с человеком, как с большим Ангиа. Много попыток делает Отар выбраться из этого болота, но это оказывается невозможным, и он вынужден бездумно пить вино с какими-то друзьями отрочества, которых он даже не смог припомнить, и сам теряет человеческий облик. И здесь есть «сильные мира сего», набитый деньгами Резо Челидзе и его собутыльники, которые могут задержать отлет переполненного пассажирами самолета своим многочасовым кутежом и «учить уму-разуму» молодого официанта, плеснув ему в лицо вино.

Не лишен острого сатирического взгляда на жизнь и другой рассказ Гурама Панджикидзе — «Снежный день». На фоне сверкающих белизной снежного дня окрестностей особенно контрастно и подчеркнуто выглядит та грязь, выбраться из которой люди не в состоянии даже перед смертью. В этом рассказе особенно четко проявилось мировосприятие и мироощущение Гурама Панджикидзе, наиболее полно раскрылись его писательская манера и мастерство, были подняты те проблемы, которые завладели автором и позднее нашли свое отражение в более широком художественном полотне, каким явился его первый роман «Седьмое небо».

Окончание следует

ПОЭЗИЯ БОРЬБЫ И СВОБОДЫ

Подъем новейшей грузинской литературы был тесно связан с усилением в 90-е годы прошлого века революционной борьбы и возникновением в Грузии марксистских социал-демократических организаций.

Новые поколения писателей, вышедших на арену общественной жизни в 90—900-е годы, достойными представителями которых были Эгнате Ниношвили, Шио Арагвиспирели, Арсен Мамулашвили (Лалиони), Дмитрий Эристави, Иродион Евдошвили, Чола Ломтаидзе и другие, еще более углубили и развили столь присущие грузинской классической литературе мотивы гуманизма, патриотизма, народности.

Главной темой грузинской литературы этого времени стала жизнь рабочего класса и трудового крестьянства, борьба против царизма и капиталистической эксплуатации. Уже имевшая определенный вес революционная художественная литература превратилась в руках рабочего класса в могучее идейное оружие.

Революционная художественная литература (стихи, рассказы, фельетоны), издававшаяся на протяжении 20 лет — с 1901 по 25 февраля 1921 года — в нелегальной и легальной большевистской прессе, представляет собой могучий поток в русле новейшей грузинской литературы. Укрепляя революционный дух и оберегая идейную чистоту литературы нового периода, она явилась предтечей грузинской советской пролетарской литературы.

Двадцатилетний период (с 1900 по 1920 годы) развития художественной литературы, увидевшей свет на страницах грузинской нелегальной и легальной большевистской прессы, изучен до сего времени далеко недостаточно. А между тем в художественной литературе грузинского рабочего класса, как и русского, нашло отражение революционное мировоззрение русского пролетариата, вышедшего на арену мирового рабочего движения.

В последний период прошлого века и в начале XX столетия, когда основанная вождем мирового рабочего класса Владимиром Ильичем Лениным Коммунистическая партия сплачивала рабочий класс и трудовое крестьянство перед решительной атакой самодержавно-

крепостнического строя, Максим Горький заложил основы развития русской революционной художественной литературы.

Эта литература имела огромное влияние на развитие национальных литератур, а они в свою очередь способствовали поднятию сознательности и боевого духа трудящихся масс национальных окраин.

В 90-е годы прошлого века, на заре революционного рабочего движения, в Грузии выдвинулись видные зачинатели воинствующей революционной литературы.

Массовое рабочее движение, породившее целую плеяду молодых талантливых поэтов и прозаиков, вошло в грузинскую литературу со своей тематикой, типичной для начального этапа рабочего движения, для огненных лет революции 1905—1907 гг., а позже — для периода реакции и десятилетия подготовки грузинского рабочего класса к борьбе за Советскую власть.

Новая поэзия характеризовалась и совершенно новыми образами. Центральным образом революционной поэзии с 1900 годов становится коллективный образ революционных рабочих — активных борцов с самодержавием и буржуазией.

Грузинская революционная поэзия имела и свои особые формы распространения, которые обуславливались самими задачами воспитания борцов из среды рабочего класса. Печатные, гектографированные и рукописные сборники революционных песен, листовки-стихотворения стали повседневным явлением в жизни рабочего класса Грузии.

Революционная социал-демократическая партия с первых же шагов своей деятельности придавала большое значение работе молодых поэтов, прозаиков, фельетонистов, способствовала публикации и пропаганде их творчества, воспитывающего массы и мобилизующего их на борьбу.

СТИХИ И ПЕСНИ В ГАЗЕТЕ «БРДЗОЛА»

В деле распространения русской и грузинской революционной поэзии большую роль сыграла первая нелегальная

грузинская социал - демократическая (большевистская) газета «Брдзола»¹, проводник идей ленинской «Искры».

Основным требованием газеты была ясность мысли и поэтичность содержания. Это лучше всего видно в обращении к читателям, помещенном в первом номере газеты и подписанном псевдонимом Муша (Рабочий).

«Примите и наслаждайтесь! Посвящая своим дорогим товарищам, перенесшим и горе, и радости, бесстрашным героям, закаленным в пламени горнила, — борцам с невзгодами жизни, не щадящим себя в борьбе за правду, ободряющим падших духом, поддерживающим обездоленных и угнетенных, разбивающим оковы несправедливости, перегрызающим цепи, опутывающие человека, — освободителям науки, разрушителям мрачных тюрем, защитникам поправной женской чести, рассеивающим тьму бесстрашным храбрецам и знаменосцам свободы, любви и единения, — замученным за правду верным товарищам!»

Проникнутое революционным пылом и открыто выражающее идейные устремления угнетенного народа посвящение это написано замечательным революционером Ладом Кецховели.

Газета «Брдзола» на протяжении своего короткого существования (1901—1902) рядом с теоретическими и партийно-политическими статьями предоставляла место и революционным стихам. В ней было напечатано всего шесть стихотворений: из них четыре оригинальных и два переведенных. В виде отдельного добавления вышел переведенный Ладом Кецховели с русского языка рассказ «Мечь», печатавшийся в № 3 газеты «Южный рабочий» за 1901 год и названный «Искрой» «прекрасным фельетоном».

Политическому первомайскому выступлению грузинских рабочих посвящено напечатанное в первом номере газеты «Брдзола» стихотворение без заглавия, начинающееся словами «Двадцать второе апреля...» Подписано оно псевдонимом Шавбича и принадлежит революционеру Ладом Иосифовичу Иашвили (1872—1912).

Автор второго стихотворения «Товарищам», подписанное Тусаги (Заключенный) и помещенное в «Брдзоле», — известный деятель большевистской партии Михаил Бочоридзе.

Кроме отмеченных, в этой газете опубликовано еще два стихотворения: «Брдзола», подписанное Х(икс), посвященное самой газете, и «Братья, выйдем

на поле боя!» под псевдонимом Буки (Рожок).

Стихотворение «Брдзола» И. Евдошвили посвятил основанию первой в Грузии нелегальной революционной социал-демократической газеты «Брдзола». В нем в художественной форме выражена та любовь и надежда, которую связывали грузинские трудящиеся с этой газетой. Поэт считал ее единственным утешением, единственным «глаштаем истины для окутанного тьмой поднимающегося и пробуждающегося народа».

Характерная черта литературы конца XIX и начала XX века — это ее образная ткань, отличающаяся от образной ткани грузинских революционно-освободительных стихов и песен второй половины XIX столетия. Многие ленинские статьи и призывы газеты «Искра» определили содержание самой газеты «Брдзола» и напечатанных в ней стихов.

Поэт видел, что «Брдзола» главной своей целью сделала политическую агитацию, направленную на воспитание классового самосознания трудящихся, и обращаясь к ней с пламенным призывом беспощадно бороться против врагов обездоленного народа, веря в то, что газета с честью выполнит свой благородный долг:

Бей же ночную тревогу сильней!
Пусть у рабочих суровое слово
Тронет сердца равнодушных людей,
Черствых, не слышащих вопля ночного!

Создали мир и его красоту
Руки рабочих, но все изобиле,
Что расцвело на рабочем поту,
Сильные мира сего захватили...

(Перевод Ал. Гатова)

Глубоко веря в будущее, автор призывает ее к священной борьбе за освобождение трудящихся.

Стихотворение «Братья, выйдем на поле боя!» представляет собой майскую песнь — это горячий призыв к свержению самодержавия. В нем И. Евдошвили говорит о невыносимых муках и унижении рабочего человека, тяжелая участь которого — голод, тюрьма, кандалы, смерть на виселице.

На обширных просторах от Черного моря до далекого Севера народ стонет и льет слезы. Поэтому люди труда должны выйти на поле битвы и под сенью красного знамени вступить в беспощадный бой, чтоб ценой смертельной борьбы освободиться от оков.

В этом стихотворении с огромной силой звучит пламенный призыв к свержению старого мира, ненавистного царизма.

¹ Всего вышло четыре номера: в сентябре 1901 года — № 1, в ноябре 1901 года — № 2—3 (объединенный), в декабре 1902 года — № 4.

Этими стихотворениями и переводами открывается новая страница в жизни и творчестве писателя, еще более привлекательным становится образ поэта — борца за свободу грузинского народа.

Как «Брдзола», так и «Братья, выйдем на поле боя!» написаны характерным для И. Евдошвили десятисложным стихом.

Песня-стих «Братья, выйдем на поле боя!» была написана, когда И. Евдошвили являлся уже автором ряда революционных призывных стихотворений и песен. Достаточно вспомнить хотя бы «Братья, злая судьба над нами кружится...» (перевод «Варшавянки»), «Братья, знамя развевается», песни «Наша жизнь только страдание», «Красное знамя», «Вся страна слезами оросилась», «Братья, по-геройски грудью двинемся вперед...», «Красное знамя развернем» и другие.

Стихотворение «Братья, выйдем на поле боя!» в 1903 году было помещено без подписи в нелегальной брошюре «Первомай», а в дальнейшем в разное время печаталось в виде прокламаций Кавказским Союзом РСДРП во множестве тысяч экземпляров и распространялось среди широких масс трудящихся. Исполненное боевого духа, стихотворение-прокламация переходило из рук в руки и звало рабочих на борьбу против царизма, на митинги и баррикады. За это его автор подвергался жестокому гонению жандармерией.

Начальник жандармского управления Кутаисской губернии послал 28 апреля 1903 года в секретном порядке, в дополнение к ранее направленному в Департамент полиции докладу, прокламацию «Первомайская песня». («Братья, выйдем на поле боя!»), напечатанную на грузинском языке, а также и ее русский перевод.

Немного позднее, 6 мая того же года, в секретном донесении Департаменту полиции сообщалось, что в Озургетском уезде на одной железнодорожной станции Первого мая была обнаружена прокламация «Майская» («Братья, выйдем на поле боя!»), на фоне которой вычерчен флаг с надписью: «Долой самодержавие!»

Не менее встревожен был и начальник жандармского управления Тбилисской губернии — во всех уголках Грузии распространялись прокламации (в Боржоми, Батуми, Кутаиси, Сурами, Гори, Карели и так далее) на русском, грузинском и армянском языках.

Таким образом, становится очевидным, что напечатанные в газете «Брдзола» грузинские оригинальные стихи «Двадцать второе апреля...» Ладо Иашвили, «Товарищам» Михаила Вочоридзе, «Брдзола» и «Братья, выйдем на

поле боя!» И. Евдошвили представляют собой значительный вклад в развитие грузинской революционной поэзии. Кроме вышеупомянутых, в «Брдзоле», также без подписи, были опубликованы известные революционные песни «Варшавянка» и «Марсельеза», переведенные с русского языка.

«ВАРШАВЯНКА» И «МАРСЕЛЬЕЗА» В ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

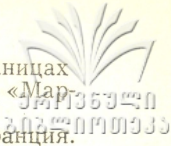
Газета «Брдзола» (1901—1902 гг.) сыграла большую роль не только в развитии грузинской революционной поэзии, но и в деле перевода на грузинский язык блестящих образцов русской революционной поэзии — песен-стихов «Варшавянка» и «Марсельеза» и их распространении среди закавказских рабочих.

В этот период поэта-революционера Иродона Евдошвили уже знали не только как автора оригинальных сочинений, но и как переводчика. В это время он усиленно работал над переводами, уделяя особое внимание русской революционной поэзии. Перевод того или иного стихотворения был всегда им приурочен к какому-либо знаменательному событию и отвечал духовным запросам масс. Каждое новое его стихотворение или песня всегда достигали цели, так как говорили о страданиях народа, о его стремлениях.

Так было и с популярными революционными песнями «Варшавянка» и «Марсельезой». Первым в «Брдзола» был напечатан евдошвилевский перевод «Варшавянки» (газета «Брдзола», 1901 год, № 1), которая часто печаталась в русских нелегальных социал-демократических изданиях. Перевод, вернее, переделку с польского оригинала осуществил соратник В. И. Ленина, старый большевик, академик Глеб Максимилианович Кржижановский во время заключения в Бутырской тюрьме в 1897 году, где он сидел по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (Революционная поэзия 1890—1917, Ленинград, 1954, стр. 64, 547). Польский же текст написан в 1883 году поэтом Вацлавом Свенцицким.

Перу Кржижановского принадлежат также стихи «Беснуйтесь, тираны!» и «Красное знамя». Второе из них И. Евдошвили в 1906 году перевел на грузинский язык. (Сборник стихов «Вперед!», 1906, стр. 20 — 21; Соч., т. 1, 1935, стр. 305—306). Эти стихи пользовались большой популярностью в широких рабочих массах.

Перевод «Варшавянки», напечатанный в «Брдзола» без подписи, нужно считать первым вариантом перевода Евдошвили; позже, в 1906 году, с этого же русского текста им сделан еще один перевод, который в том же году был на-

печатан в сборнике стихов. (Там же, стр. 7 — 8; Соч., т. I, 1935, стр. 298 — 299). Следует отметить, что напечатанный в «Брдзола» первый вариант перевода «Варшавянки» более удачен, чем второй, но оба они очень близки к русскому переводу. И. Евдшвили выполнил эти переводы с большой любовью и тщательностью. Он полностью сохранил метрический строй оригинала и строфику. Стихи, состоящие из трех восьмистрочных строф (исключение составляет только первая строфа первого варианта, напечатанного в «Брдзола», которая является семистрочной). Возможно, 6-я строка была пропущена во время печатания), переданы десятислженным метром. За каждой из строф следуют две строки припева.

Перевод «Варшавянки» выполнен Евдшвили по указанию и при идейной помощи Ладо Кецохели, который являлся основателем и издателем газеты «Брдзола». Это обстоятельство придает грузинскому тексту «Варшавянки» особое значение в истории грузинской революционной поэзии.

«Варшавянка» преследовалась в Грузии наряду с «Интернационалом», ее второй вариант, выполненный И. Евдшвили и напечатанный в 1906 году в нелегально издаваемом сборнике «Вперед!», находился под строгим запретом цензуры.

Кавказский цензурный комитет, в руки которого попал по выходе сборник, сразу же приобщил его к делу о запретной литературе, где собраны были все носившие антиправительственный характер выдержки из выходящих в Тбилиси нелегальных брошюр.

Из помещенных в запрещенном сборнике переводных стихотворений особое внимание цензуры, наряду с «Интернационалом», привлекла «Варшавянка», к делу приложен ее русский текст.

Главной причиной запрещения цензурой сборника явились помещенные в нем «Интернационал» и «Варшавянка». Преследование сборника Кавказским цензурным комитетом продолжалось очень долго. Через 6 лет после его выхода в апреле 1912 года против него снова было возбуждено дело, документы которого изобличают страх царских властей перед распространением революционной художественной литературы. В результате судебного процесса 31 мая того же года сборник был уничтожен.

Однако все это не помешало «Интернационалу» и «Варшавянке» стать любимыми песнями народа, которые пелись начиная с 900-х годов по всей Грузии.

Еще более значительным явлением, чем перевод «Варшавянки», в истории революционного движения грузинского народа и в истории литературы нужно

считать появление на страницах «Брдзола» грузинского перевода «Марсельезы».

Родина «Марсельезы» — Франция. Текст этой песни в 1792 году сочинил военный инженер французской революционной армии, поэт и композитор Руже де Лиль (1760—1836 гг.). «Марсельеза» была революционной песней, снискавшей популярность во всем мире. Она стала национальным гимном Французской республики. Известный деятель Французской коммунистической партии Морис Торез писал: «Марсельеза» — пламенное выражение революционной воли народа, его подвига, его героизма, она — сама Революция» (БСЭ, 2-е изд., т. 26, 1954 год, стр. 381).

Гораздо раньше писатель-борец за свободу грузинского народа Эгнате Ниношвили желал, чтобы наступило такое время, когда напев «Марсельезы» распространился бы и в Грузии. В письме к грузинскому общественному деятелю Тедо Сахокия от 30 августа 1888 года он писал: «Кто знает, будет ли когда-нибудь такой счастливый случай, такое счастливое время, когда я услышу полные свободы звуки «Марсельезы».

«Марсельезу» перевели на русский язык с давних лет. Один из наиболее ранних ее вариантов был распространен еще в 1860 годах. (Из известных переводов см. «Вольная русская поэзия второй половины XIX века», I, 1959 г.), другой принадлежит русскому публицисту—народнику Петру Лаврову (1823—1900); публикацию ее текста см. в газете «Вперед», Лондон, 1875, № 12; перепечатана в сборнике «Вольная русская поэзия второй половины XIX века», стр. 262 и 764).

«Марсельеза», как и «Варшавянка», часто печаталась в русских нелегальных социал-демократических изданиях. (Пролетарские поэты, т. I, 1859—1910. Москва, 1935, стр. XVIII, 26—27, 329—331, 349—351).

По своему значению в годы массового рабочего революционного движения «Марсельезе» принадлежит одно из первых мест среди всей гимнической поэзии. Как в России, так и в Грузии она была самой любимой и популярной боевой песней.

И. Евдшвили принадлежат два различных свободных перевода «Марсельезы». Первый опубликован в четвертом номере газеты «Брдзола» за 1902 год. Состоял он из десяти строф. После каждых двух строф следовал припев из четырех строчек. И здесь переводчик сохранил метрический строй и строфику оригинала. Стихотворение переведено десятислженным размером (за исключением четырех строк припева, она семисложная).

Перевод «Марсельезы» И. Евдшвили также исполнил по указанию и при

непосредственном участии редактора и издателя «Брдзола» Ладо Кецховели.

Второй вариант перевода «Марсельезы» (журнал «Нишадური», 1907, 13, соч., т. II, 1936, стр. 280—282), непохожий на первый, относится к 1907 году (семь строф по восемь строк, после каждой восьмой строки следует припев из одного четверостишия). Стих переведен десятислложным размером (за исключением второй, третьей и четвертой строчек и припева, являющихся восьмисложными).

Варианты перевода одного и того же текста для Евдошвили явление не случайное. В качестве иллюстрации можно привести убедительный и никем до сих пор не отмеченный факт: в литературе не было известно, что И. Евдошвили в разное время перевел с русского языка на грузинский в трех различных вариантах песню трудящихся всего мира — «Интернационал».

Такой же процесс работы над переводом имел место у И. Евдошвили во время переложения на грузинский язык «Варшавянки» и «Марсельезы».

Переведенная им «Варшавянка», напечатанная без подписи в «Брдзола», а затем и «Марсельеза» так полюбились грузинским трудящимся, что их не сумели затмить более тщательные переводы, сделанные впоследствии другими.

Первые опубликованный в «Брдзола» грузинский текст «Марсельезы» с небольшими редакционными изменениями в июне 1904 года был издан Тбилиским комитетом РСДРП в виде отдельной прокламации. В предмайские дни 1905 года ее издал большим тиражом Комитет Кавказского Союза РСДРП. «Марсельеза» как прокламация распространялась в Закавказье на трех языках — грузинском, русском и армянском. (Прокламации Кавказского Союза РСДРП (1903—1905), Тб., Сахелгами, 1955, стр. 160—161, 522; *Ав-лабарская нелегальная типография*, сб. материалов и документов, Сахелгами, стр. 21).

Печатание и распространение революционных нелегальных прокламаций и листовок с 900-х годов прошлого века принимает массовый характер. О большом политическом значении этих прокламаций ленинская «Искра» в 1902 году писала: «Прекрасно написанные прокламации выходили на русском, грузинском и армянском языках и наполняли квартиры всего Тбилиси» (газета «Искра», 1902 г., № 25).

В газете «Брдзола» печатались как оригинальные, так и переводные стихотворения, но все они связаны идейной общностью и одинаково пронизаны пафосом борьбы.

«Варшавянка» и «Марсельеза» после опубликования их в «Брдзола» очень

скоро стали распеваться трудящимися всего Закавказья; их пели во время революционных выступлений, демонстраций и собраний. Впоследствии, в 1905 году, Тбилисский комитет РСДРП выпустил на русском языке отдельное нелегальное издание под заглавием «Песня революции», в которое входили: «Интернационал», «Марсельеза» и «Варшавянка»; все эти песни одновременно распространялись и на грузинском языке. В период подъема революции 1905—1907 гг., во время Декабрьского вооруженного восстания эти песни поднимали на борьбу и вели на баррикады. В то время в руках рабочих были уже не иконы, а красные знамена, портреты Маркса и Энгельса, а на устах — боевые революционные песни «Марсельеза» и «Варшавянка».

С начала 90-х годов прошлого века как в русской, так и в грузинской революционной поэзии, кроме «Варшавянки», «Марсельезы» и «Интернационала», появилось много стихов и песен, сочиненных им в подражание. Все эти стихи и песни сыграли свою роль в почетном деле распространения революционных идей в массах. Редактор «Брдзола» Ладо Кецховели хорошо понимал значение революционных песен и принимал всяческие меры к их распространению.

Это как раз и является одной из больших заслуг ленинско-искровской газеты «Брдзола», которая сумела возглавить развитие художественной литературы закавказских народов и дать ему верное направление.

ЭЖЕН ПОТЬЕ И ЕГО «ИНТЕРНАЦИОНАЛ» В ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Интернационал» как революционная песня снискал признание трудящихся всего мира. Текст его написан в Париже в июне 1871 года известным французским революционером, участником Парижской коммуны, рабочим-поэтом Эженом Потье.

3 января 1913 года газета «Правда» посвятила Эжену Потье специальную статью (в связи с 25-летием со дня смерти). Ее автор — вождь мирового пролетариата В. И. Ленин с исключительной точностью охарактеризовал как самого Эжена Потье, так и историческое значение его «Интернационала». (В. И. Ленин, Евгений Потье (К 25-летию его смерти), ПСС, том 22, стр. 274; см. Эжен Потье, Избранные стихотворения, Детгиз, Москва, 1955).

«Эта песня, — писал В. И. Ленин, — переведена на все европейские и не только европейские языки. В какую бы страну ни попал сознательный рабочий, куда бы ни забросила его судьба, каким

бы чужаком ни чувствовал он себя, без языка, без знакомых, вдали от родины, — он может найти себе товарищей и друзей по знакомому напеву «Интернационала».

Рабочие всех стран подхватили песню своего передового борца, пролетария-поэта, и сделали из нее всемирную пролетарскую песню...

«Интернационал» Потье разнес ее идеи по всему миру, и она жива теперь более, чем когда-нибудь.

...Потье умер в нищете. Но он оставил по себе поистине нерукотворный памятник. Он был одним из самых великих пропагандистов посредством песни. Когда он сочинял свою первую песню, число социалистов-рабочих измерялось, самое большое, десятками. Историческую песню Евгения Потье знают теперь десятки миллионов пролетариев».

«Интернационал» увидел свет только через 16 лет после своего создания, а в 1888 году рабочий-композитор Пьер Дегейтер написал к нему музыку.

Пьер Дегейтер родился в 1848 году в семье рабочего. До шестнадцати лет он работал учеником на текстильной фабрике, но находил время и для самообразования. С детства его увлекала музыка и, преодолев многие трудности, он поступил в консерваторию. Пьер Дегейтер выступал на рабочих концертах, руководил хором «Лира рабочих» в городе Лилле.

23 июня 1888 года рабочий хор города Лилля впервые исполнил «Интернационал», который с тех пор победоносно шествовал по миру, призывая людей к борьбе за свободу.

Первый русский перевод «Интернационала» сделан горным инженером Аркадием Яковлевичем Коцем (1872—1943), принадлежащим к поколению старых почтов-революционеров и начавшим свою литературную деятельность в 1902 году. Его стихи печатались в легальных и нелегальных газетах и журналах. Первую книгу поэта «Сборник песен пролетариата», куда вошел и перевод «Интернационала», в 1907 году цензура запретила. До последних дней жизни А. Коц не прерывал литературную работу. Он создавал на политическую тему лирические стихи, продолжал работу над переводами произведений Эжена Потье и других французских поэтов.

Французский текст «Интернационала» состоит из шести восьмистроочных строф, после каждой из которых следует припев из одного четверостишия. В 1902 году А. Коц перевел только первую, вторую, шестую строфы и четыре строки припева. (Революционная поэзия (1890—1917). Большая серия, Ленинград, 1954, стр. 553—554). Перевод

его без подписи был напечатан в 1902 году за границей в журнале «Жизнь» (Лондон, август 1902 года, № 11, стр. 201). А. Коц писал: «Я перевел лишь три строфы «Интернационала» из шести, которые имеются в подлиннике, руководствуясь главным образом тем, чтобы сделать песню более короткой, более удобной для исполнения, чтобы облегчить проникновение ее крылатых, боевых лозунгов в широкие рабочие массы...

Первая строфа представлялась мне наиболее значительной по содержанию и с художественной стороны, наиболее яркой по вложенному в нее пафосу. Вторая подчеркивала классовую сущность борьбы рабочих против буржуазии и, кроме того, была направлена против бога и царя; третья говорила о передаче земли трудовому крестьянству и о близости гибели буржуазного мира». (А. Коц, Стихотворения, Москва, 1957 г., стр. 110).

«Интернационал» очень скоро распространился по всей России. Остальные три строфы А. Коц перевел почти 30 лет спустя, так что полный текст был впервые напечатан в журнале «Звезда» в 1937 году (№ 11, см. так же Эжен Потье. Избранные стихотворения. Госполитиздат, М., 1938, стр. 69—73, здесь же второй перевод А. Гатова; Эжен Потье, Избранные стихотворения. Детгиз, Москва, 1955, стр. 7—9).

Грузинский перевод «Интернационала» впервые увидел свет в газете Кавказского комитета РСДРП «Пролетариатис брдзолис пурцели». Это были первые четыре строки второй строфы, использованные в качестве эпиграфа к передовой как грузинского, так и русского издания:

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и ни герой,
Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой!

(Газета «Пролетариатис брдзолис пурцели» («Листок борьбы пролетариата») в 1903—1905 гг. выходила на трех языках: грузинском, русском и армянском; см. 5(18), V, 1904, № 8, стр. 1; 1(14), VII, 1904, № 10—11, стр. 3).

Полный текст грузинского перевода «Интернационала», как видно, тогда в газете не печатался, а переводчика приведенной строфы пока с уверенностью назвать трудно, однако не исключено предположение, что это был И. Евдошвили. В пользу этого говорит то, что он являлся весьма активным сотрудником большевистской прессы; кроме того, ему принадлежат опубликованные в последующем три различных варианта перевода «Интернационала».

Русский текст «Интернационала», выполненный А. Коцем и взятый из

журнала «Жизнь», на грузинский язык переведен немного позднее. В этот период творческая жизнь поэта-революционера И. Евдошвили была поразительно плодотворной.

И естественно, не мог он, первый переводчик напечатанных в «Брдзола» «Баршавянки» и «Марсельезы», оставить без внимания такое значительное политическое и литературное явление, как «Интернационал».

В годы подъема рабочего движения И. Евдошвили придавал большое политическое значение переводам блестящих образцов революционной поэзии и их распространению.

В 1905 году он впервые перевел «Интернационал» с русского текста А. Коца и опубликовал его в газете «Иверия», подписавшись своим именем. В то же время в Тбилиси нелегально был издан на русском языке сборник «Песни революции», который открывался «Интернационалом».

Во второй раз, полностью следуя тексту А. Коца, И. Евдошвили перевел «Интернационал» в 1906 году и поместил его в газете «Лампари» в день Первого мая. Этот перевод более удачен, чем первый, он вернее и глубже передает содержание «Интернационала». Переводческая работа поэта-революционера над ним закончилась на третьем варианте, который в том же году был опубликован в сборнике «Международные песни». Этот последний вариант перевода равен по объему первому. В нем, как и в первом варианте, между второй и третьей строфами введены две новые восьмистрошные строфы, принадлежащие И. Евдошвили. Каждой строфе, как правило, сопутствует четырехстрочный припев.

Этот третий евдошвилевский перевод «Интернационала», открывавший сборник «Вперед!», послужил главной причиной запрещения сборника Кавказским цензурным комитетом.

Характерно, что вместе с другими отличающимися материалами к делу приложен русский текст «Интернационала». Вместе с тем в сборнике, который был приложен ко второму делу, специально красными штрихами были подчеркнуты отдельные строки «Интернационала».

При сравнении всех трех вариантов обращает на себя внимание не только общность в построении стиха, но и большое сходство в образных средствах, словаре, лексических оборотах. Размер стиха нарушен только в припеве «Интернационала» второго и третьего переводов, где встречаются шести-, семи- и восьмисложные строки.

В данном случае налицо длительная и упорная творческая работа. Первый переводчик гимна мирового пролетариата на грузинский язык И. Евдошвили

трудился с полной отдачей сил, пока не достиг желаемых результатов.

Блестящую страницу вписал в историю грузинской литературы маститый поэт Акакий Церетели своим свободным переводом на грузинский язык «Интернационала» Эжена Потье. Героическая борьба трудового народа против самодержавия, подъем освободительного движения в период первой революции открыли поэта, ввели в него надежду, обогатили его творчество новыми мотивами. В тот период он опубликовал много стихов («Песня», «Твой милый», «Желание», «Совет», «Долой правительство!», «Моя вера» и другие), в которых смело объявлял войну прогнившему строю.

Свой перевод «Интернационала» Церетели осуществил в конце 1905 года. Опубликование перевода не заставило себя ждать: он был напечатан 1 января 1906 года в первом номере «Патара газеты». Для грузинских читателей это был очень ценный и исполненный глубокого смысла новогодний подарок. Этим поэт особенно ясно выразил свою радость и свое сочувствие пришедшему в движение трудовому народу.

Царская цензура увидела в опубликовании «Интернационала» призыв к свержению государственного строя. «Патара газеты» была закрыта, а Акакий Церетели и редактор газеты Котэ Месхи привлечены к ответу. Вообще «Патара газеты» и переписка, существующая вокруг напечатанной в ней литературы, заслуживает внимания. Тут достаточно назвать обращение Кавказского цензурного комитета от 7 января 1906 года к прокурору судебной палаты. Интересен также приказ временного генерал-губернатора Тбилиси Алиханова от 5 января того же года.

* * *

Хотя работа над переводом текста «Интернационала» имеет в грузинской литературе богатую историю, тем не менее уже и после установления Советской власти в Грузии не было перевода, который можно было бы исполнять под музыку, и потому «Интернационал» здесь пели по-русски. На это обстоятельство обратил внимание известный деятель Коммунистической партии Серго Орджоникидзе. По его указанию в 1921 году при Главполитпросвете Грузии было создано жюри, в состав которого входили С. Эули — председатель, Г. Леонидзе — секретарь, Ш. Даднани, Д. Аракишвили, К. Поцхверашвили и другие. Жюри было поручено отобрать лучший из представленных на конкурс переводов «Интернационала», который предстояло впоследствии переложить на музыку.

Жюри признало лучшим перевод, выполненный Сико Пашалишвили. После утверждения текст, отпечатанный на отдельных листках, распространялся по учреждениям. Он был напечатан в октябре 1921 года в книге «Поэты революции» и в том же году переложен на музыку композитором К. Поцхверашви-

ли. Этот перевод был настолько удачным, эмоционально насыщенным, что стал канонизированным текстом, прочно утвердившимся в сознании грузинского народа, в котором живет до наших дней. По своим достоинствам он вполне может сравниться с переложенным на музыку русским переводом Аркадия Коца.

Дмитрий БЕРИДЗЕ

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО ОПЫТА ПЕРЕВОДЧИКА

Один из выдающихся русских советских поэтов Павел Григорьевич Антокольский был и остается большим другом грузинской поэзии, ее единомышленником, единоверцем.

Приехав в Грузию впервые в 30-е годы, Павел Антокольский по сегодняшний день является неизменным участником литературного процесса нашей республики, пылким приверженцем грузинской поэзии, вдохновенным переводчиком, вдумчивым читателем.

Сегодня, когда в сознании русского читателя уже ясно значатся в лице Тихонова, Пастернака, Заболоцкого, Антокольского имена-символы, олицетворяющие собой великий подвиг, свершенный во имя грузинской поэзии, все насущнее становится разговор о творческом методе каждого из них, о тех сторонах переводческой деятельности, которые обычно бывают скрыты от глаз читателя.

В последние годы теоретики художественного перевода оперируют научными терминами, целыми системами понятий, выработанных в течение длительного периода дискуссий, симпозиумов, конференций.

На повестке дня стоит разработка таких важных теоретических аспектов, какими являются проблемы сопоставительной стилистики, реалистического метода перевода, эстетики художественного перевода, психологии переводческого творчества.

Большая группа советских ученых (А. Федоров, Е. Эткинд, Г. Гачечиладзе, Вл. Россельс, А. Дейч, В. Коптилов и другие) успешно работает в этой области, упорно анализируя деятельность многотысячной армии советских переводчиков.

Тем более понятна в создавшейся ситуации актуальность изучения, ис-

следования творческого метода мастеров поэтического перевода, лучших из лучших, одним из которых и является П. Антокольский.

В данном случае перед нами не стоит задача рассказать о той поистине огромной по значению переводческой деятельности, которой занимался на протяжении десятилетий Павел Антокольский.

Мы только предприняли попытку проникнуть в мастерскую переводчика, проследить, как рождается перевод, что безвозвратно теряется в этом сложном процессе, в котором взаимодействуют в одном лице двое: исследователь-ученый и поэт-художник, и какое новое качество рождается в результате подчас титанической работы.

В этой статье речь пойдет всего об одном из многих сотен произведений, переведенных П. Антокольским. Это перевод всемирно известной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Она по праву занимает выдающееся место в сокровищнице грузинской и мировой культуры. Ценность этого поэтического памятника определяется не только тем, что он предшествовал появлению Ренессанса на Западе, не только тем, что решал огромные философские и моральные проблемы, но и тем, что поэма Руставели была и продолжает оставаться современным произведением, решающим общечеловеческие проблемы и сегодня.

Пожалуй, именно эта сторона «Витязя в тигровой шкуре» привлекла внимание выдающихся советских поэтов и переводчиков к работе по переводу ее.

Заболоцкий, Петренко, Нуцубидзе, Цагарели, Антокольский, Бажан — блестящая плеяда переводчиков, захваченных огромностью задач и поэтическим ясновидением гения Руставели.

Критическая литература о переводе Антокольским «Витязя в тигровой шкуре» отсутствует. По-видимому, это вызвано тем, что его перевод частичен, и тем, что вместе с переводом Антокольского появились переводы Заболоцкого, Нудубидзе, Петренко, и внимание критики было отведено им. Так что приходится довольствоваться словами Бесо Жгенти, сказанными в адрес П. Антокольского в предисловии к сборнику «Побратимы» (Тбилиси, 1964 г.): «Павел Антокольский одним из первых среди русских поэтов (после К. Бальмонта) взялся за перевод «Витязя в тигровой шкуре». И хотя эта огромная работа не завершена, все же переведенные главы имеют большое принципиальное значение в смысле творческих поисков путей и средств к адекватному переложению на русский язык этого величайшего памятника грузинской национальной культуры. Поэтому в первой большой Антологии грузинской поэзии на русском языке перевод П. Антокольского закономерно занимает свое достойное место».

Анализу отношения Антокольского к Руставели и его поэзии большую помощь оказывают две статьи, написанные П. Антокольским в 1937 году и напечатанные в журнале «Литературное обозрение» (№ 24) и газете «Советское искусство». Эти статьи как бы дополняют друг друга и проливают свет на то, каким увидел Руставели и его героев Павел Антокольский.

Более всего его удивил мир поэмы Руставели, «мир, увиденный впервые зоркими, не усталыми, не воспаленными глазами, мир природы и человеческих отношений».

Картина, воспринятая Антокольским, поистине величественна. «Перед нашими глазами львиный эпос, — в возбуждении восклицает автор статьи. — Мы слышим в нем утверждение образцового мужества, совершенной любви, не знающей измен, совершенной дружбы, не знающей предательства».

Антокольского поразило изначальное совершенство героев, общечеловеческий гуманизм их морали. Высоко ценит он и художественное воплощение этого титанического замысла: «Все очерчено крупно, правдиво, мощно. Кремнистые дороги, по которым летят на тонконогих скакунах витязи, освещены отвесным полуденным солнцем. Лица и фигуры героев и героинь предельно прекрасны, дышат здоровьем, молодостью. Для описания их внешности в качестве сравнений привлекается все самое блестящее, дорогое и редкое — самоцветные камни и пахучие томные цветы».

Делая такое заключение, П. Антокольский великолепно понимал, что

роман Руставели далек от «засхаривающей шаблонности так называемой восточной традиции». Он пишет: «Вред последней сжался очень выпукло в переводе Бальмонта, талантливом, но, как всегда у него, предвзятом и потому неверном. Увы, Бальмонт несколько напоминает того пушкинского господина бога, который «любил восточный пестрый слог». В этом отношении Руставели отнюдь не красноречив».

Статья П. Антокольского «Бессмертная поэма Руставели» («Литературное обозрение», № 24, 1937 г.) содержит интересные рассуждения о стихе Руставели, его законах и синтаксисе, которые будут рассмотрены далее.

П. Антокольскому импонирует и сама личность Руставели, ее загадочность, пантеистическое восприятие жизни: «Руставели — дымная легенда в синеве далеких горных краёв. В нем все загадочно: его жизнь и личная судьба, происхождение его поэмы, фигуры ее героев, география их странствований... Руставели-пантеист, поклонник солнца, одухотворяющий всю видимую и окружающую человека природу, далек от всякого церковного канона, равно как христианского, так и от ислама».

Статьи П. Антокольского о Руставели — это, в первую очередь, не статьи исследователя и историка, а статьи поэта. Особая, поэтическая манера их изложения нагляднее дает нам соприкоснуться с тем миром, который прочувствовал и воспринял у Руставели Антокольский. Большим достоинством этих статей было и то, что они пропагандировали поэзию Руставели в широких массах.

Исследователю известно, что поэма Руставели состоит из 1669 строф, отдельные главы достигают порядка 90 строф. В данном случае одно лишь сохранение общего количества строф в переводе — определенный плюс его. В переводе П. Антокольского во всех главах, за исключением главы «Повесть о том, как Автандил прибыл в приморский город Гуланшаро», где не хватает 5 строф и «Письма Нестан-Дареджан к возлюбленному», где отсутствуют 7 последних строф, количество строф сохранено.

Отдельные главы в переводе П. Антокольского включают в себя две главы грузинского оригинала. Так, например, глава «Повесть о Ростеване, царе Аравии» включает в себя главу «Ростеван и Автандил на охоте», глава «Повесть о том, как царь Аравии увидел витязя в тигровой шкуре» включает главу «Тинатин посылает Автандила на поиски витязя в тигровой шкуре». Глава «Отъезд Автандила к Фридону» у Антокольского названа «Обращение Автандила к небесным светилам». Главы «Совет Фридона», «Совет Автандила» и

ной точностью идеологические моменты, систему взглядов, мировоззрения автора» (все эти достоинства перевода отмечены в предисловии к нему) Ш. Нуцубидзе, как нам кажется, не учел сверхзадачи перевода, заключающейся в том, что перевод должен отвечать «триединому требованию» — «верности тексту, верности себе, верности читателю» (И. Кашкин).

Итак, мы говорили о различии в звучании стиха у Руставели и его переводчиков на русский язык, и о причинах, обусловивших это. Поэтому правильнее сравнивать не одинаковость, тождественность музыки оригинала и перевода, а определять достоинства перевода по тому, сохранена ли сила музыки, ее непрерывность, мелодика.

П. Антокольский, выступая на II съезде советских писателей в 1954 году с докладом, говорил: «Многие из поэтов пытались передать на своем языке поэму Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Есть и полные переводы ее на русском языке. Первый по времени принадлежит Бальмонту, последний — Нуцубидзе. Но ни один из русских переводчиков не может вполне удовлетворить взыскательного читателя. Зато у нас есть блестящий перевод на украинский язык, сделанный Миколой Бажаном. ...Тот размер, которым передают русские и украинские переводчики, скажем, поэму Руставели, только общим своим характером соответствует знаменитому грузинскому шаири».

Познакомившись с вопросом звучания стиха в оригинале и переводе, обратимся к тому, насколько сохранен смысл вышепротитированной строфы в переводе.

Если наш слух (сердце, душа) прежде всего улавливает музыку стиха, то наш мозг (ум, интеллект) прежде всего и одновременно со слухом требует смысловой точности и ясности.

Первая строка в оригинале звучит следующим образом:

აჲ სევარელსა მიუწერს გულამოსკვნლი,
გტირალი.

Подстрочный перевод:

Вот она пишет возлюбленному,
плачущая, с истерзанным сердцем.

У Антокольского:

Плача и глотая слезы, узица
посланье пишет.

У Заболоцкого:

Лишь теперь она миджнuru
начала писать посланье.

У Петренко:

А теперь она, рыдая, шлет
возлюбленному вдаль...

У Нуцубидзе:

Вот возлюбленному пишет,
слышен стон, слезой прожженный.

Легко заметить, что первую строку с полным, наиболее емким и близким сохранением смысла перевели Антокольский и Нуцубидзе. Петренко так и не сумел в восьмистопную строку вместить, что же она пишет миджнuru (то есть посланье), и сделал перенос во вторую строку. У Заболоцкого внешнее проявление чувств (слезы, в данном случае) в послании к возлюбленному, оказалось, перенесено в третью строку.

Если мы проведем подобную работу дальше, то заметим, что у Антокольского строфа оказалась наиболее емкой, с сохранением большего количества нюансов поэтической речи Руставели. Вполне оправданным оказался и перевод 4-й строки этой же строфы. В оригинале:

ვარდი გააპის, გამოხნდის მუხ ბროლი
გამომკვირალი.

В подстрочнике:

Роза рассекается, появляется там
блестящий хрусталь.

У Антокольского:

Роза юная раскрылась и в росе
кристальной дышит.

В переводе Петренко и Заболоцкого роза не раскрывается, а разрывается.

У Заболоцкого:

Сквозь разорванную розу жемчуг
лил свое сиянье.

У Петренко:

И разорванная роза обнажает
свой хрусталь.

Возможно, эпитет «разорванная роза» должен символизировать истерзанную Нестан-Дареджан, и тогда это сильный и яркий образ.

У Антокольского символика оказывается несколько иной. Нестан-Дареджан в послании открывается Тариелу во всех чувствах, как «роза юная раскрылась...» и т. д.

Отдать предпочтение тому или иному переводу, разумеется, можно чисто субъективно. Это дело вкуса. Тем более что автор подстрочника мог перевести и как «роза раскрылась», и как «роза рассекается, раскалывается». По мнению профессора В. Лолашвили, переводчик подстрочника вообще неправильно понял эту строку, и она должна переводиться следующим образом: «Рот (розу) раскрывает и блестит хрусталь зубов».

К сожалению, совершенно отказаться от подстрочника, обуславливающего в какой-то мере успех перевода, еще не пришло время. Это полностью осознал и П. Антокольский. Выступая на II съезде писателей, он говорил: «Переводчик обязан знать тот язык, с которого переводит. Только войдя в чужой язык и этим самым войдя в непо-

средственную действительность мысли другого народа, переводчик становится рядом с писателями и поэтами, которых создал этот народ».

Однако понимая невозможность мгновенно овладеть чужим языком, Антокольский продолжал: «В повседневной работе еще не однажды придется прибегнуть к помощи этого посредственного помощника — подстрочника».

Итак, в смысловом отношении строфа более всего удалась Антокольскому и Нуцубидзе. Что же разнит эти переводы и что выгодно отличает первый от второго? Опять же большая емкость и меньшая загруженность строки словами, а также отсутствие стилистических ошибок.

Немалую роль играет и языковой материал, используемый Антокольским. Как обычно, лексика перевода — общеупотребительная, не архаичная и не стилизованная. Собственно, так и должно быть. Ведь поэма «Витязь в тигровой шкуре» написана общеупотребительным для XII века слогом, а не высоким, как принято думать. Другое дело, что особую приподнятость поэме придадут ее поэтичность и сила, глубина изображения. Это ни в коей мере не дает основания сводить категории общепозитические к категориям языковым. Из непонимания этого различия и простекает неправильное мнение о том, это поэму Руставели надо перевести каким-то особым, архаичным, торжественным языком.

Так, если у Нуцубидзе неестественно звучит «слышен стон, слезой прожженный», то у Антокольского просто и органично — «плача и глотая слезы». У Нуцубидзе — «и любви слезою гасит от любви ж огонь зажженный», у Антокольского — «и в слезах ее бегущих пламя все слабее пышет» и так далее.

Могут не согласиться, сославшись на то, что П. Антокольский модернизирует, специально опроцает язык поэмы, стараясь этим осовременить ее. Но правы ли возражающие в самой постановке такого вопроса?

Для каждой исторической эпохи свойствен свой язык, своя лексика, которая со временем частично, а затем полностью отходит в разряд архаики. Стал бы современный поэт писать слогом Державина? Конечно, нет. Стал бы Антокольский, поэт XX века, переводить поэму «Витязь в тигровой шкуре» слогом ее создателя? Тоже нет. Потому что тогда он нарушил бы одну из сторон «триединого требования» И. Кашкина — «верность читателю» или верность времени.

Теряет ли от этого сама поэма? Ни в коей мере. И в оригинале и в переводе используется общеупотребительная лексика. Перевод отдельных глав Антокольским не уступает по поэтической

силе оригиналу. И наконец, самое главное: сохранен дух поэмы, то есть общее ее звучание, значимость.

Умение зримо двигать образы, добиваться особой динамичности стиха — один из плюсов, преимущество поэзии Антокольского. Проследим насколько воплощен этот принцип в переводе «Витязя в тигровой шкуре». Рассмотрим 9-ю строфу «Письма Нестан-Дареджан к возлюбленному».

Заперта я в дикой башне, на
зубчатой круче горной.
К ней подводит ход подземный,
бродит вокруг отряд дозорный,
День и ночь на карауле бродит
сменой повторной.

Каждого, кто доберется, он сожжет
в засаде черной.

Движение стиха, образа здесь происходит от героя, это как бы отталкивание во внешний мир. Появляется следующая логическая цепочка: «Заперта я в дикой башне», к башне подводит «ход подземный», вокруг бродит «отряд дозорный». Далее мы узнаем, что отряд «день и ночь на карауле бродит сменой повторной», то есть получаем краткую характеристику, и в конце о его действиях — «каждого, кто доберется, он сожжет в засаде черной».

Рассмотрим движение образа в 19-й строфе этой же главы:

Кончила письмо царевна,
о возлюбленном вздохнула,
Лоскутом любимой риде тонкий
свиток обернула.
Смоль волос, упав на плечи,
вороним крылом сверкнула —
Словно веянье алоэ в мгlistом
сумраке дохнуло.

Если в 9-й строфе движение давало объемную картину, то в строфе 19-й движение передает нюансы последовательности движения. Говоря термином кинематографии, — это «замедленная съемка крупным планом». Здесь движение достигается, главным образом, при помощи глаголов: кончила, вздохнула, обернула, сверкнула, дохнула.

Необходимо сказать и о синтаксисе, языке поэмы, ее словаре, строении строфы. Каким воспринял и как реализовал Антокольский свое понимание строя речи Руставели?

В статье «Бессмертная поэма Руставели» П. Антокольский писал: «Словарь Руставели — это неотесанные глыбы земной работы. Он многозначен и целостен. За ним стоит удивление перед природой».

Нам кажется, Антокольский неправ, говоря о «неотесанных глыбах». Этого у Руставели нет. Что касается «целост-

ности и многозначности» словаря Руставели и «удивлении перед природой», то в этом переводчик, бесспорно, прав. Хочется подтвердить эту мысль Антокольского словами его же перевода главы «Обращение Автандила к небесным светилам»:

И, в седле качаясь тихо, говорил
он солнцу снова:
Здравствуй, пламенный
властитель, всех огней и слав
основа,
Возвышаешь ты смиренных,
даришь царственное слово,
Всех живых соединяешь,
созидатель, для земного.

и дальше:

И, услышав человека, вышли
звери, птицы, гады,
Камни вылезли речные, чтобы
плакать от улады,
Затаив дыханье, молча, широко
раскрыли взгляды,
Ибо так печально пел он, что
рыданью были рады.

Как нам кажется, эти строки полностью подтверждают слова о «многозначности и целостности».

Говоря о синтаксисе поэмы, Антокольский в этой же статье пишет: «Синтаксис прерывист, нелогичен. Мысль, только что ставшая достоянием человека и данной общественной группы, неотчетлива. Она еще клубится всеми юношескими метафорами. Она еще влажна от облачной пены, в ней идет брожение. Она сразу и мысль и образ. Поэт охватывает ее с налету, как яркую невиданную бабочку, включает в стих, еще живую, не сдунув пыльцы с ее крыльев».

Мы совершенно согласны с тем положением, где говорится о метафоричности поэзии Руставели, однако не совсем ясны следующие слова автора: «Мысль,

только что ставшая достоянием человека и данной общественной группы, неотчетлива», тем более что далее в статье Антокольский говорит нечто совершенно противоположное: «Четыре рифмы не прихот, не нарядное украшение. Это показатели внутренней параллельности четырех, связанных между собой предложений, причем в четырех исчерпывается до конца одна идея».

Таким образом, если «идея исчерпывается до конца», то как же «мысль может быть «неотчетлива»? В подтверждение полного исчерпания идеи в статье приводится блестящий перевод двух строф из вступления к поэме, не вошедших ни в одно издание поэта:

Легким скакунам погоня
представляет испытанье:
Игрокам в мячи—площадка,
взмах и меткость попаданья.
Стихотворцу—плавность речи,
сила самообладанья.
Если не о чем поведать —
не растягивай преданья.
Присмотритесь к стихотворцу:
хорошо ли строит стих,
Глубоко ли речь родную он
изведал и постиг,
Не собьется ли в длиннотах,
в повторениях пустых,
Отобьет ли мяч чоганом, знает
силу рук своих.

Перевод поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» П. Антокольским не закончен. По-видимому, перед переводчиком в те годы встали другие задачи. Быть может, он осознал все бремя огромной работы по переводу поэмы Руставели и поэтому прекратил ее. Во всех случаях П. Антокольский оставил русскому читателю блестящий пример творческого и научного подхода к переводу одной из классических вершин поэтического наследия грузинского народа — поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Петре ШАМАТАВА

ВСЕГДА НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

На фронтах Великой Отечественной войны мужественно сражались 52 600 грузинских коммунистов.

В самое тяжелое время войны, в 1941—1942 годах, по специальной мобилизации Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии в действующую армию для усиления партийно-политической работы среди воинов подразделений было послано более шести тысяч коммунистов.

В то время командный пункт нашей дивизии и штаб находились в Баксанском ущелье. В десяти километрах отсюда в горах был оборудован полевой госпиталь медицинско-санитарного батальона. По поручению комиссара соединения Константина Сохадзе я должен был в тот день повидать там находившихся у нас в гостях писателей: Константина Лордкипанидзе, Карло Каладзе, Георгия Кучишвили, Соломона Тавадзе и Еремия Карелишвили. Вчера, после того как было отбито нападение десанта противника на командный пункт, мы проводили гостей туда.

— Береженого, как говорится, бог бережет, — сказал комиссар дивизии, — кто знает, что еще выкинет враг на этом участке фронта.

Правда, наши писатели были несколько недовольны перемещением в безопасный тыл, однако же согласились временно переменить «дислокацию», тем более что накануне утром немного захворал Константин Лордкипанидзе, и ему выделили в госпитале комнату.

Рано утром я отправился туда на «виллисе». Дорога шла по ущелью вдоль берега реки Баксан. Очень красиво это ущелье, а в то осеннее утро оно казалось еще красивее. С обеих сторон ущелье обступили горы, как бы скрывая его. Утром здесь царила тишина, туман окутывал склоны и вершины гор... Было тихо, и только шум мотора нарушал утреннее спокойствие. Манила холодная, бегущая по скалам, пенистая река... Дорога была пустынна, лишь изредка промелькнет встречная военная машина с солдатами или с грузом оружия и снаряжения, и больше ни живой души, даже крика вспугнутой птицы не слышно.

Отсюда не так уж далеко до переднего края. Но сейчас здесь спокойно. Дорога так безмятежна, что временами даже забываешь, что рядом передовая, забываешь и вчерашнюю бессонницу и то, что ты военный человек и едешь по суровой фронтовой дороге. И стремишься скорее добраться до любимых людей, насладиться встречей и беседой с ними.

С восходом солнца мы подъехали к подножью горы, где был расположен медсанбат, и вновь оказались в своеобразной боевой обстановке. Здесь уже с утра все были заняты. Привезли тяжело раненых во вчерашнем бою.

Первым, кого я встретил, был комиссар батальона, старший политрук махарадзеец Васо Греков. Я рассказал ему о цели моего приезда и поинтересовался, где наши общие гости — писатели.

Я решил сначала проведать Константина Лордкипанидзе, который сюда приехал накануне и лежал в отдельной «палате».

Когда я шел по коридору, мне послышалось, что кто-то зовет меня по имени. «Должно быть, это не меня, — подумал я, — с таким именем здесь, наверное, уйма людей...» Не останавливаясь, я продолжал идти дальше. Однако этот голос настойчиво следовал за мной.

Я остановился, прислушался, затем повернул назад и подошел к открытой двери комнаты, из которой слышался этот голос. Моему удивлению не было границ, когда я увидел моего близкого знакомого, тбилисского педагога и доброго человека Ягора Джинчарадзе, лежавшего на полу.

Я изумился: что произошло с этим всегда спокойным и степенным человеком?

Взволнованный Джинчарадзе сбивчиво рассказал мне о событиях трагической для него ночи, о том, как он попал в первый бой, в горы, на передовую во время контратаки противника.

Из сказанного я понял, какие жестокие бои развернулись в ту ночь на высоте в 1500 метров и почему в свою часть на гору Харахара неожиданно был вызван находившийся тогда в редакции вместе с писателями комиссар полка Шалва Васадзе.

Стало мне понятно и волнение старого педагога. О себе он почти не беспокоился, он сетовал лишь на то, что он, как педагог, привыкший всегда приходить на помощь, на сей раз не смог помочь ровесникам своих сыновей и внуков, он жив, а они погибли...

Его переживания были понятны. Это были переживания честного человека, который чувствовал моральную ответственность за происходящее, но был бессильен чем-либо помочь.

Мы его успокаивали как могли. К счастью, жажда мести врагу взяла свое, помогла ему обрести уверенность в себе. Утихла боль в сердце, полученная во время «боевого крещения», и этот мирный, добрый учитель вновь вернулся в подразделение, в строй. Вернулся, чтобы воевать за Родину, мстить за павших своих учеников, ковать победу во имя светлого будущего.

Лишь после войны и опять неожиданно, только теперь уже в Тбилиси, на проспекте Руставели в море людей, вновь послышался мне его знакомый голос.

Вспоминая былое, этот испытанный боец по-братски обнял меня в знак благодарности... Хотя кроме доброго слова он ничем больше мне не был обязан.

Эта встреча напомнила мне о многом, и перед глазами встали лица сильных духом, отважных людей.

Был теплый, солнечный осенний день 1942 года.

В политотделе соединения нам сказали, что прибыло новое пополнение и сейчас новички находятся на совещании у комиссара дивизии.

На командном пункте в блиндаже у комиссара соединения Константина Сохадзе собралось большое количество людей, одетых в командирскую форму, но без знаков различия и без оружия.

Новенькая одежда была аккуратно подогнана, рядом лежали скатанные шинели, через плечо висели полевые сумки, заплечные вещевые мешки были заполнены сухим пайком, и только кобуры, легко висевшие на ремне, были пустые. Лица у собравшихся были серьезные, задумчивые.

Меня несколько удивило такое пополнение, однако находившийся здесь заместитель начальника политотдела, старший политрук Михаил Гвасалия, заметив мое удивление, пояснил, что это политбойцы, прибывшие из Тбилиси по специальной мобилизации ЦК Компартии Грузии.

Среди собравшихся было много знакомых, и мы с нетерпением ждали возможности поздороваться друг с другом, обменяться новостями.

В первом ряду я заметил своих хороших знакомых — инженера Давида Гургенидзе, литератора и полиграфиста Ноя Какушадзе, старого большевика, опытного партийного работника Малхаза Парулава и физика Титино Маглаперидзе. Они тоже увидели меня и улыбнулись, приветствуя взглядом.

— Наша дивизия, — рассказывал новому пополнению комиссар, — образована в Грузии в нынешнем году. Личный состав получил соответствующую боевую закладку и надлежащую подготовку. Дивизия оснащена необходимым вооружением и с лета бесменно находится на фронте, в боях. В Грузии мы принесли наше боевое знамя, которое с честью и отвагой пронесли сквозь множество боев.

Этим летом войны нашей грузинской дивизии на нашем участке фронта в суровых и тяжелых боях нанесли врагу поражение, остановили его и заставили отступить, не раз проявляя при этом воинскую смекалку, талант, мужество и героизм.

Боевыми успехами дивизии могут гордиться наш народ и любимая Родина. Отчизна уже узнала имена многих наших бойцов, прославившихся в боях против немецко-фашистских захватчиков. Это капитан Михаил Бухайдзе, комис-

сар Владимир Канкава, парторг полка Василий Лобжанидзе, политрук роты Григор Хведелидзе и многие другие.

В боях верными, надежными помощниками командиров и политработников в частях и подразделениях дивизии являются коммунисты, мобилирующие боевые ряды и являющиеся примером и в обороне, и в атаке. В наших рядах сражаются мужественные и бесстрашные коммунисты: старый большевик, сержант Пахум Сихарулидзе, политрук роты Владимир Лурсманашвили, командир взвода лейтенант Дмитрий Онашвили и другие. Они всегда в центре солдатских масс. Правдивым большевистским словом и личным примером в бою они сплачивают ряды однополчан и мобилизуют их на успешное выполнение боевых задач. В решающие моменты боя коммунисты первыми идут в атаку, увлекая за собой своих товарищей по оружию. И нередко ценою крови и самой жизни куют победу над врагом.

Немало у нас трудностей, друзья, трудностей и потерь, но места героев, павших в бою, занимают новые бойцы — мужественные и решительные, достойно продолжающие дело павших, умножающие их воинскую славу.

Трудные, но почетные обязанности возлагаются и на вас. Уверен, что и вы оправдаете доверие нашей партии и народа.

— Ваша главная задача, — сказал в заключение комиссар, — усиливать партийно-политическое влияние среди воинов, в частности в стрелковых и огневых взводах, повышать политико-воспитательную работу среди бойцов, младших командиров. Вы должны большевистским словом и личным примером еще больше укрепить моральный и боевой дух воинов, дисциплину и организованность в подразделениях.

Правда, в частях и подразделениях достаточно коммунистов и комсомольцев, в полках и ротах имеются крепкие партийные и комсомольские организации. Это большая сила, при помощи и содействии которой командиры и политработники доводят до личного состава боевые задачи, мобилизуя воинов на их образцовое выполнение. Но что скрывать, в постоянных жестоких боях неминуемы жертвы и потери, их необходимо восполнять, чтобы всегда быть готовыми к выполнению боевого задания.

С напряженным вниманием слушали политбойцы комиссара. Потом он ответил на вопросы бойцов и познакомил их с боевыми задачами дивизии, с районами действия частей и подразделений. Затем политбойцы были распределены по подразделениям и немедленно отправлены на передовую для выполнения своего партийного и военного долга.

Пошли они к стрелкам, артиллеристам, саперам, минометчикам, связистам для усиления идейного воздействия на личный состав, для мобилизации его на выполнение боевой задачи.

Как они воевали, как сложились их судьбы на полях сражений и дорогах войны?

Их было много, около трехсот. Это были люди разных возрастов, знаний, опыта: испытанные коммунисты, много сил отдавшие руководящей партийной работе, обладающие способностью словом и делом мобилизовать и вести за собой массы. Были среди них старые большевики, бесстрашные, прошедшие замечательную школу нелегальной революционной работы, борьбы за установление Советской власти и строительство социализма. Сейчас на фронте, в бою с оружием в руках они были готовы самоотверженно защищать ту счастливую жизнь, за которую четверть века назад с юношеским увлечением и энергией они боролись и которую утверждали. Служить примером — было основой деятельности их дела и слова.

Вооружена знаниями была и талантливая молодежь, комсомольские работники, люди, обладавшие опытом политико-воспитательной работы среди молодежи. Среди них были историки, филологи, экономисты, юристы, инженеры...

Тите Шарикадзе было тогда уже за сорок, однако выглядел он бодрым, хотя за его плечами уже тянулась полная тревог и волнений дорога жизни. В юности включился он в революционную работу и с огромным желанием и самоотверженностью выполнял боевые задания большевистских организаций. Поэтому восемнадцатилетнему парню оказали большое доверие и приняли в Коммунистическую партию.

На протяжении десятков лет он с честью и достоинством нес высокое звание коммуниста. Активно боролся за победу Советской власти, за успешное выполнение задач социалистического строительства. Безупречно выполнял он всегда волю и поручения партии. Он избирался секретарем Боржомского райкома партии, работал прокурором в Зестафони, был заместителем председателя радиокомитета Грузии, инструктором ЦК Компартии Грузии, заместителем директо-

ра Грузинского сельскохозяйственного института. Это был человек, умеющий организовывать и вести за собой массы, пользующийся заслуженным авторитетом и уважением.

А сейчас здесь, на фронте, в боях за свободу и независимость Родины этот старший, заслуженный большевик вел за собой людей, являясь для них примером.

Среди политбойцов, собравшихся здесь, таких, как Шарикадзе, было много. Одним словом, это были лучшие представители партии в войсках, пропагандисты ее идей, ее актив, люди, вооруженные знаниями, волей, с богатейшим опытом работы и, самое главное, до последнего дыхания преданные делу партии и народа.

В подразделениях политбойцов приняли радушно. Командиры и политработники познакомили их с обстановкой, разъяснили задачи, их роль и место в работе и в бою для усиления партийного влияния и идейно-воспитательной работы среди бойцов.

Естественно, поначалу кое-кому пришлось тяжело. Трудно было с непривычки разобратся в боевой обстановке. Однако с помощью товарищей воля и желание быстрее преодолеть эти трудности взяли свое. Очень скоро они подружались с бойцами, приспособились к боевой обстановке. Своим общением с бойцами в траншеях и блиндажах, своим участием в боях, своим словом и делом они вносили достойный вклад в повышение морально-боевого духа подразделений.

В те дни мы были свидетелями того, как в боевом строю, в батальоне связистов служили отец и сын: политбоек, старый большевик Терентий Шарикадзе и его сын, боец-комсомолец Элгуджа Шарикадзе. Вместе сражались на фронте за честь и независимость социалистической Родины воины политбойцы батальона: коммунист-учитель Титико Маглапердзе и его ученик боец Шота Сакварелидзе.

Незабываемой была их любовь, их забота друг о друге, их самоотверженность в боях за Родину.

Политбойцы очень скоро поняли и усвоили особенности партийно-политической работы во фронтовых условиях и в этой работе широко использовали уже накопленный ими богатый опыт. Если они на первых порах выступали в основном в роли агитаторов, то вскоре здесь же под огнем противника, овладев боевым оружием и пройдя боевую школу, стали настоящими помощниками командиров и политработников не только в деле политического воспитания воинов, но и в бою.

В политико-воспитательной работе они широко использовали индивидуальные и групповые беседы, «боевые листки», партийную печать и военную прессу. Тут же на месте рассказывали о поучительных боевых эпизодах, о героизме наших воинов. Во всех подразделениях на деле чувствовали и ценили работу политбойцов. Иногда в случае гибели или ранения политработников политбойцы заменяли вышедших из строя старших товарищей.

Так, например, политбоек Терентий Шарикадзе был назначен заместителем командира батальона по политической части, Давид Гургенидзе — работником политотдела, Давид Кодуа заменил парторга стрелкового полка, Баграг Чхенкели — пропагандиста полка, Севасти Ашордия — политрука артиллеристов, Михаил Топурия и Захар Масхарашвили — комсоров полков... Они и многие другие не только заменили опытных работников, но и продолжили и развили опыт их работы в частях и подразделениях.

Литераторов Ной Какушадзе и Малхаза Парулава направили в нашу дивизионную газету. Ной Какушадзе получил «боевое крещение» еще на Крымском фронте. Здесь, на Кавказском фронте, он уже вторично вступил в битву с фашистами. Малхаз Парулава в двадцатых годах учился в Свердловском университете. Всю свою жизнь он был неустанным и верным пропагандистом, проводником в жизнь бессмертных ленинских идей.

Малхаз Парулава и Ной Какушадзе с энергией и старанием пришли на помощь работникам редакции и активно участвовали в ее работе. В боевых корреспонденциях, очерках, стихах они рассказывали о мужестве и героизме грузинских воинов, об их боевой жизни. Эти политбойцы были неутомимыми людьми, они оперативно готовили необходимые материалы, организовывали письма воинов в редакцию, помогали воинам-полиграфистам и в печатании газеты.

Политбойцы пользовались большой любовью и уважением среди воинов. Они всегда были в гуще масс, знали их нужды и заботы, разделяли их немудреную солдатскую трапезу, все трудности солдатского быта. Это еще больше утверждало и подымало авторитет политбойцов среди воинов.

Одним из таких любимых и уважаемых людей в подразделении был политбоек Илья Наморадзе — душевный, скромный и отважный человек. И эту доблесть и уважение среди бойцов роты он завоевал не только пламенным словом, но и отвагой. Его всегда можно было видеть с бойцами: в горах, во время переходов, в атаке или в обороне.

Годы не мешали ему соперничать с молодыми бойцами в силе, ловкости, выносливости. И стрелял он метко и умело применял «карманную артиллерию» — гранаты.

Во многих боях он участвовал, многие горные вершины покорил, наравне с бойцами штурмуя неприступные скалы. Ему было тяжелее, чем молодым, переносить тяготы фронтовой жизни, но никто никогда не слышал от него жалоб. Наоборот, многим он приходил на помощь, являлся примером для каждого. И поэтому его слова, задушевные беседы еще теснее сплачивали бойцов подразделения, вдохновляли на успешное выполнение боевых задач. Для воинов это были не только слова старшего товарища. Каждый знал, что в самые тяжелые минуты коммунист Наморадзе будет рядом с ним, разделит все превратности боя.

В одном из боев при атаке важного опорного пункта гитлеровцев Наморадзе, как всегда, был впереди. Вражеская пуля оборвала жизнь отважного коммуниста. Смертью храбрых пал политбоек на поле боя. И хотя сражение становилось все ожесточеннее, бойцы сумели вынести тело товарища из-под огня.

Солдаты плачут редко. Высоко в горах они не стеснялись слез, когда прощались в политбойцом, хороня его в братской могиле.

За мужество и отвагу, проявленные в боях за свободу и независимость Родины, Илья Николаевич Наморадзе был награжден орденом Красной Звезды.

Тяжелое положение складывалось тогда на фронте. И в самые трудные, в самые критические минуты боя политбойцы подавали личный пример воинам своим мужеством и отвагой, спокойствием и готовностью пожертвовать жизнью за победу правого дела. И эта сила духа передавалась воинам, цементировала их волю, воодушевляла на новые ратные подвиги.

...С тех пор прошло много лет. Давно вернулись бойцы к мирному созидательному труду. Сегодня дело многих из них с честью продолжают их сыновья и внуки.

Бег времени не остановить. Многие отважные воины, о которых я веду рассказ, были в ту пору молодыми, а сегодня седина посеребрила их виски, но они по-прежнему полны сил и энергии.

Ной Какушадзе вновь вернулся к полиграфии, сейчас он автор нескольких книг, которые с любовью рассказывают нам о ратных подвигах наших соотечественников. Майор запаса Баграт Чхенкели работает в университете. Захарий Масхарашвили — подполковник, он воспитывает достойных защитников Родины. О здоровье людей заботится Михаил Топурия — кандидат медицинских наук...

В памяти народной всегда будут жить имена героев, которые вынесли всю тяжесть первых изнурительных оборонительных боев в неравной схватке с врагом. Их воля и мужество, проявленные в первых боях, их беспредельная преданность Родине стали залогом будущих побед на полях сражений Великой Отечественной войны. И в это великое справедливое дело немалую долю внесли политбойцы. Ярким большевистским словом и ратными подвигами они вместе с товарищами по оружию ковали победу над врагом. Они с честью пронесли по дорогам войны свое высокое звание. Нелегкий труд политбойцов на полях сражений с достоинством оценен Родиной, а имена их по праву занесены в Книгу боевой славы коммунистов Грузии.

БАТАЛЬОН КАПИТАНА ГЕГЕШИДЗЕ

(Отрывки из воспоминаний)

ДЕСЯТЬ КОНТРАТАК

По прибытии в Севастополь батальон Гегешидзе начал готовиться к сражению. Личный состав подразделения пополнился. Прибыло также вооружение и продовольствие.

Вечером седьмого ноября пароход «Парижская коммуна» доставил семь моряков под командой старшины первой статьи Павлова. Их приписали к десятой роте. Ее командиру показалось, что новички не слишком восторженные почитатели дисциплины, и поэтому он разбросал их по взводам. Однако дружная семерка запротестовала и попросила оставить ее неделимой, а во главе отделения оставить Павлова. Командир роты доложил об этом комбату Гегешидзе, и тот пошел навстречу просьбе моряков.

Тем временем обстановка под Севастополем все более осложнялась. Вооруженные до зубов, численно значительно превосходившие обороняющихся войска фашистов подтягивались к городу.

В ночь на девятое ноября батальон Гегешидзе подняли по тревоге. Подразделению было приказано воспрепятствовать продвижению немцев и обеспечить проведение работ по укреплению оборонительного вала на подступах к городу.

Личный состав батальона получил приказ собраться в районе Макензицево. Произвели молниеносную мобилизацию транспорта, и к четырем утра батальон с техникой и вооружением был на станции Аккерман, откуда предстояло двинуться маршем.

С утра моросил нудный мелкий дождь. Над землей повисла плотная пелена тумана. В лицо бил пронизывающий ветер. Бойцы промокли до нитки, но ненастье не могло остановить лю-

дей — моряки упорно шли вперед сквозь непогоду. Таков был приказ.

До передовой было рукой подать. Слышалась минометная стрельба и протяжный перестук пулеметов.

Батальон приготовился к бою и, разбившись по-ротно, приближался к назначенному месту.

Разведка донесла, что со стороны Макензицевых высот показали раненые красноармейцы, которых переправляли в тыл.

Несколько сот метров, и батальон вошел в полосу леса.

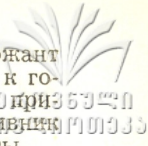
Гегешидзе усилил разведку, особенно на флангах. Трудность продвижения по лесу усугублялась плотным туманом — ежеминутно можно было напороться на противника. Гегешидзе приказал максимально усилить наблюдение и четко определил пути следования каждой роты. В центре находилась одиннадцатая рота. С ней был и командир батальона. Десятую на правом фланге вел комиссар Лешков, двенадцатой командовал начальник штаба капитан Довгань. Впереди стрелковых рот развернутым строем двигались пулеметчики.

Батальон безостановочно шел вперед. Когда до назначенного места было совсем близко, внезапно разгорелся ожесточенный встречный бой.

Было десять часов утра девятого ноября.

Немцы атаквали превосходящими силами с применением всякого рода техники.

Батальон занял оборонительную позицию. Моряки сражались отважно и не только остановили фашистов, но, в свою очередь перейдя в контрнаступление, нейтрализовали фланги врага и смяли центр.

В этом бою гитлеровцы потеряли много живой силы и техники.

Однако враг продолжал удерживать высоту 177,5. Сильный огневой заслон мешал продвижению батальона к хутору Макензиево-2.

Бой принимал затяжной характер. Наконец батальон пошел на решающий штурм, закончившийся жаркой рукопашной схваткой. Слышались ружейные залпы и автоматные очереди, то и дело заглушаемые разрывами гранат, стонали раненые. На выручку немцам прибыли свежие силы. Моряки били врага штыками, прикладами, саперными лопатками, ножами. Они дрались зло, самозабвенно. Коммунисты являли собой пример отваги.

И вот враг не выдержал, дрогнул и отступил. Сорок минут невероятно упорного сопротивления, и батальон закрепился на высоте.

Но фашисты не смирились и вызвали из резерва два свежих подразделения.

Вскоре на высоту, занятую моряками, немцы обрушили шквал артиллерийского и минометного огня, а затем пошли в атаку.

В двенадцать часов дня на командный пункт прибыл командир бригады полковник Жидилов.

Атака была отбита, и батальон перешел в контратаку.

Это чередование повторилось по крайней мере четырежды. И все время бразды руководства боем находились в руках Гегешидзе.

В рукопашном бою моряки проявляли невиданную отвагу и героизм. Фашисты атаковали непрерывно, но к Севастополю не приближались ни на шаг.

Командир десятой роты лейтенант Щербаков сообщил Гегешидзе, что в ста метрах от левого крыла его позиций группируется и готовит атаку пехота врага.

— Почему даете противнику возможность накапливаться? — спросил комбат.

— Подожду еще немного, товарищ капитан, и ударю по немчуре.

Через несколько минут Щербаков доложил, что группа противника рассеяна огнем пулеметов.

В самый разгар боя начальник штаба батальона капитан Довгань был ранен и отправлен в тыл. Его место занял заместитель Шаповалов.

Затем участь Довганя постигла и командира десятой роты Щербакова.

В этом бою геройской смертью пал пламенный патриот Родины Лешков. Моряки поклялись отомстить врагу за гибель любимого комиссара.

Потери фашистов были велики, но и моряки лишились многих своих друзей.

Двое суток непрерывного, изнурительнейшего боя...

...Командир разведывающего взвода сержант Игнатенко доложил Гегешидзе, что к горе Черкес-Гашлык и высоте 149,89 приближаются немецкие войска. Противник устанавливает пулеметы и минометы.

Гегешидзе созвонился с командиром бригады, сообщил о намерении немцев возобновить утром атаку и высказал мысль, что нужно расстроить их планы путем упреждающего удара в семь утра. Гегешидзе просил дать в этой связи соответствующие указания.

Командир бригады принял предложение комбата.

С вечера немцы предприняли усиленную артиллерийскую обработку наших позиций.

Батальон занял оборонительные линии и отвечал огнем из окопов.

Накрапывавший с вечера дождь с наступлением темноты превратился в колючую крупницу. Резко похолодало, и повалил первый в 41-м снег.

Пришла зима.

Залегших в окопах бойцов мгновенно облепило плотным белым покровом. Началась поземка, пробиравшая солдат до самых костей. Всю ночь со стороны немцев доносился гул моторов.

Пушистый белый ковер неузнаваемо преобразил местность.

К утру снегопад прекратился и ударил мороз.

Моряки лежали в окопах, отстоявших от позиции немцев метров на тридцать пять-сорок.

Согласно донесениям разведки, противник, готовясь к бою, подтягивал к передовой живую силу и технику. Предстояло отбивать новые атаки врага.

Гегешидзе принял все необходимые меры: для укрепления огневых рубежей он выдвинул вперед пулеметную роту, которой командовал политрук Астахов, затем выровнял боевые порядки рот.

Ночью Гегешидзе побывал в ротах. Выяснилось, что во многих взводах не доставало изрядного количества саперного инвентаря. Из-за дождя и грязи затворы ружей у многих бойцов вышли из строя. Смазочного масла не было. Требовалось срочно протереть и привести в боевую готовность ружья и автоматы.

Гегешидзе приказал чистить оружие спиртом. Потом раздобыли и смазочное масло.

К пяти часам утра девятого ноября оружие было готово к бою.

Двое суток — девятого и десятого ноября — моряки вели непрерывный бой с немцами.

Врагу удалось потеснить на правом фланге один из взводов одиннадцатой роты. В решающий момент дрогнувших было людей остановил политрук роты лейтенант Василий Дудкин и увлек их за собой вперед.

Невиданную отвагу проявил командир отделения старший сержант Александр

Сладковский. В рукопашном бою он уничтожил трех гитлеровцев. Его пример вдохновил многих бойцов.

Враг был отброшен.

Передовая линия менялась с непоси- жимой быстротой. Так, например, не- скольких немцев моряки взяли в плен, когда те преспокойно направлялись на югини.

Утро десятого ноября немцы начали усиленным артиллерийским и миномет- ным обстрелом позиций батальона. В восемь утра они пошли в атаку, однако согласованным огнем всех видов имев- шегося у моряков оружия были отбро- шены.

Несмотря на большие потери, против- ник вновь и вновь атаковал высоту. На правом фланге завязалась рукопашная схватка.

В тот же момент из окопа наблюда- тельного пункта поднялись командир одиннадцатой роты Николай Исаев и по- литрук Василий Дудкин. С криками «За Родину!» они ринулись в самую гущу рукопашной.

Моряки и на этот раз уничтожили много гитлеровцев. Поле боя осталось за нашими.

Шесть раз атаковал враг десятого но- ября. И все шесть атак были успешно отбиты. Моряки проявили подлинную доблесть, высочайшую организован- ность. Особенно отличились артилле- ристы и минометчики. В крайне слож- ной, неблагоприятной обстановке они метки: огнем разили врага.

Двое суток девятого и десятого нояб- ря ни днем, ни ночью бойцы не имели ни минуты передышки, ни мгновения от- дыха.

В этих боях, редких по своему упор- ству, бескомпромиссности, сложности, во всей полноте проявились военный та- лант командира батальона капитана Ге- гешидзе, его отвага, находчивость и са- мообладание в бою. Он неизменно был в курсе происходящего на любом участке боя, немедленно принимал необхо- димые меры, действовал стремительно и бесстрашно. Все эти качества сыграли не последнюю роль в том, что батальон не только успешно отражал атаки вра- га, но и контратаковал.

«ЕГО ВАТНИК НЕ ПРОПУСКАЕТ ПУЛЬ»

Вечером девятого ноября Гегешидзе проверил боеготовность десятой роты.

На этом участке фашистские автомат- чики совершили ночной налет.

Капитан не знал, где точно располо- жился командный пункт, так как в ходе боя последних двух суток он трижды менял место.

Утром десятого ноября для установ- ления контакта с десятой ротой Гегеши- дзе направил командира разведзвезда

сержанта Игнатенко. Вечером в сопро- вождении четырех бойцов Игнатенко до- ложил Гегешидзе о готовности высту- пить. С командиром батальона «был» сержант Чепрунов. Сохраняя дистанцию в пять шагов, они шли вместе с развед- чиками.

Прошло немало времени, а намечен- ного пункта все не было. Как видно, Иг- натенко потерял ориентиры, и группа сбилась с маршрута. Однако сержант продолжал идти вперед. И тут внезапно хлестнули огненные трассы. Произошло худшее — бойцы напоролась на засаду немцев, которые оказались всего метрах в пятнадцати-двадцати и почти в упор били из автоматов.

Гегешидзе бросился на землю. Бойцы залегли. Враг вел плотный огонь. Невоз- möglich было поднять голову. Минут де- сять неистовствовали немцы.

Капитан лежал в крохотной выемке. Он не мог видеть своих, так как все плотнее вжимал тело в свое ненадеж- ное укрытие.

Наконец стрельба оборвалась. Геге- шидзе тихонько крикнул:

— Отзовись, ребята, кто уцелел?

Это было так близко от немцев, что те, разумеется, услышали голос капита- на и возобновили стрельбу.

Над комбатом словно пчелы, жужжа- ли смертоносные пули. Вокруг стали рваться гранаты, на голову осыпался дождь земляных комьев.

Смерть витала совсем рядом — про- тятая руку и достанешь. О том, чтобы встать и отступить короткими перебеж- ками, не могло быть и речи, хотя все и говорили, что от ватника командира пу- ли рикошетируют...

«Какой глупый, какой бесславный конец...» — подумал Гегешидзе и сквозь стрельбу и грохот взрывов крикнул еще раз:

— Кто жив, отзовись!

— Я жив, товарищ командир, — по- слышалось тут же. Аркадий напряг слух. Да, он не один. Чепрунов!.. Он уз- нал бы, «отслоил» бы чепруновский го- лос от сотни других.

— Чепрунов, ты слышишь меня? Лю- бой ценой разыщи командира десятой! Выясни обстановку, понял?

— Понял, товарищ капитан! — отве- тил сержант.

Как только Гегешидзе увидел подняв- шегося Чепрунова, он вскочил и опро- метью бросился к нему.

Немцы сосредоточили на этих двух весь свой огонь.

Аркадий бежал в высоком кустарнике. Ветви хлестали его по шее, лицу, а кру- гом свистели пули.

«А может, и вправду от моего ватника пули отскакивают?» — подумалось ка- питану, когда он счастливо выбрался из дьявольской зоны.

1936940
0000000000

Не один волос комбата побелел под этим свинцовым ураганом, напоенным смертью. Поистине невероятным образом избежал он фашистских пуль.

И бывают же чудеса на свете: достигнув безопасного места и отдышавшись, он обнаружил, что находится вблизи командного пункта десятой роты.

К его огромной радости из-за деревьев показался и легко раненный Чепрунов.

Их слутники — сержант Игнатенко и четыре моряка — так и не пришли...

...По батальону вновь пошла молва о чудесной куртке капитана, которую не берет никакая пуля.

МЩЕНИЕ

Девятой ротой командовал командир ее первого взвода лейтенант Ярцев. Он подробно доложил капитану Гегешидзе боевую обстановку, однако о численности противника и позиции вражеской засады ничего определенного сказать не мог.

Гегешидзе принял решение уничтожить фашистов во что бы то ни стало. Руководство операцией он взял на себя. К тому времени комбат уже хорошо ознакомился с местоположением немцев численностью до взвода. Достаточно полно его информировали и об огневых возможностях противника. Оставалось поточнее определить расположение каждого из вражеских автоматчиков, а затем незаметно приблизиться к ним и ликвидировать.

Аркадий обладал замечательной памятью. Еще в Тбилиси, в бытность курсантом училища, он слыл отличным разведчиком: легко и надолго мог, например, запомнить мельчайшие детали одежды увиденного предмета, моментально определял расстояние до указанного ориентира. Два года он командовал ротой и к началу войны обладал солидным опытом разведработы.

На выполнение намеченной операции капитан решил взять сержанта Чепруно-

ва и четырех моряков десятой роты. Идти вместе с Гегешидзе вызвались многие, но комбат отобрал четырех лучших из лучших.

Примерно в течение часа командир инструктировал группу, разъясняя людям детали предстоящей операции.

На землю опустилась крошечная тьма безлунной ночи, дававшая возможность скрытого сближения с врагом, но темнота имела и отрицательную сторону — затрудняла ориентировку на местности по окружающим предметам и заставляла действовать с максимальной осмотрительностью.

Бойцы незаметно и довольно быстро очутились в тылу немецкой засады.

Капитан подал знак, и моряки замерли. Гегешидзе хотя и не видел врагов, однако чувствовал, что они где-то совсем рядом.

Моряки затаив дыхание вслушались в темноту. Минут через девять до группы донесся кашель. Это помогло разведчикам приблизиться к немцам еще шагов на десять.

Когда до гитлеровцев было буквально рукой подать, Чепрунов и четверо моряков группы выскочили и разом бросились на немцев.

Гегешидзе прикрывал бойцов — на случай, если немцы попытались бы помочь своим.

В мгновение ока фашистам заткнули рты кляпами, разоружили, связали за спиной руки и погнали впереди себя.

Вскоре группа достигла рокового места. Там лежали изрешеченные пулями сержант Игнатенко и четверо его боевых друзей-моряков. С огромным усилием сдерживая слезы, стояли бойцы над бездыханными телами своих товарищей.

Обнажив головы, воины безмолвно клялись до конца, без пощады и жалости мстить вероломному врагу за смерть своих боевых побратимов.

Перевод Владимира АЛЕКСИДЗЕ

БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ

Трудящиеся Советской Грузии, партийные, государственные и общественные организации республики с самого же начала стали оказывать помощь освобожденным от фашистской оккупации районам страны. В этом исключительной важности мероприятии принимали участие совместно со всеми районами Советского Союза не только предприятия и коллективы всех отраслей народного хозяйства, но и подавляющее большинство культурных учреждений, а также общественные организации Грузинской ССР. Помощь эта осуществлялась как централизованно, в масштабе всей республики, так и отдельными предприятиями и коллективами заводов, фабрик, строек, колхозов, совхозов, учреждений.

В основном Грузия помогала чем могла автономным советским социалистическим республикам, краям и областям Северного Кавказа и городу Сталинграду, а также юго-восточным областям Украинской ССР.

Для восстановления промышленности, транспорта и средств связи из нашей республики в освобожденные районы в значительном количестве направлялись разнообразное заводское и фабричное оборудование, электросиловые установки, моторы, механизмы, станки, инструменты, запасные части, железнодорожный подвижной состав (паровозы, вагоны, дрезины, снегоочистители и т. д.), телефонная, телеграфная и радиоаппаратура, а также почтовый инвентарь.

Помимо этого, для рабочих, инженерно-технического состава и их семей Грузия поставляла продовольствие, товары первой необходимости, мебель, культурный и хозяйственный инвентарь, медикаменты. На восстанавливаемых предприятиях трудились тысячи инженеров и техников, высококвалифицированных рабочих из Грузинской ССР. Некоторые промышленные и транспортные предприятия нашей республики шефствовали над соответствующими заводами, фабриками и

транспортными организациями освобожденных районов.

В мае—августе 1943 года для населения Ставропольского и Краснодарского краев, Северо-Осетинской АССР, Чечено-Ингушской АССР, Кабардино-Балкарской АССР и Ростовской области из Грузии было отправлено на десятки миллионов рублей разных промышленных товаров, мебели и продуктов питания. Значительная часть мебели, инвентаря и канцелярских принадлежностей для оборудования партийных, государственных и общественных учреждений была передана в дар.

Несколько позднее подобная помощь в более широком масштабе была оказана населению Сталинграда. Трудящиеся и руководители освобожденных районов, получивших эту братскую помощь, выражали искреннюю благодарность. Так, представитель Сталинградского обкома ВКП(б) писал секретарю ЦК КП(б) Грузии: «...Выполняя задание секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) тов. Чужнова, изложенное в личном письме к Вам с просьбой оказать Сталинграду помощь, мы встретили теплый прием и искреннее желание оказать нам эту помощь со стороны руководителей центральных организаций, к которым мы обращались...»¹.

А секретарь Ставропольского горкома ВКП(б) и председатель исполкома горсовета, обращаясь к секретарю ЦК КП(б) Грузии, в своей телеграмме указывали: «...Мы узнали о том исключительном внимании, которое Вы проявили в деле оказания братской помощи трудящимся города Ставрополя, освобожденного от немецких оккупантов, отпустив на 3,5 миллиона рублей крайне необходимых промышленных товаров.

Оказанные Вами внимание и братская помощь населению нашего города, пострадавшему от немецких оккупантов, являются ярким свидетельством един-

¹ Партархив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, сп. I, д. 13117, л. 145.

ства и неразрывной дружбы народов СССР в великой освободительной войне против немецко-фашистских захватчиков.

От имени трудящихся города Ставрополя выражаем Вам искреннюю, глубокую благодарность...»².

В Донбасс для восстановления производственных мощностей, а также железнодорожных узлов и станций из Грузии было отправлено много шахтного оборудования, ленточных транспортеров, врубовых машин и запасных частей к ним, металлорежущих станков, электросиловых установок, вагонеток, вентиляторов, шахтерского обмундирования и инструментов, запасных частей к паровозам, вагонам и электродвигателям, разных путевых механизмов, аппаратуры и оборудования связи. Лишь в ноябре—декабре 1943 года Тбилиским станкостроительным заводом имени С. М. Кирова на металлургические заводы Донбасса было поставлено 22 станка, а железнодорожники направили для восстановления Ворошиловской и Орджоникидзевской дорог 80 отремонтированных паровозов, 5 648 единиц разных путевых механизмов и инструментов, 54 снегоочистителя, 5 снегоборочных поездов, 3 передвижные тяговые электростанции, в основном для Минераловодского электрифицированного участка, 1 400 штук запасных частей для паровозов, значительное количество цемента и лесоматериалов для восстановления мостов и так далее³.

О том, как Грузия помогала освобожденному Донбассу, в какой-то мере сказано в телеграмме народного комиссара черной металлургии СССР, адресованной секретарю ЦК КП(б) Грузии: «ЦК партии Грузии ... Наркомчермет выражает благодарность за быструю и успешную реализацию постановления по мобилизации оборудования для восстановления заводов Наркомчермета в Донбассе... Наркомчермет Тевосян»⁴.

И таких телеграмм и писем, полных благодарности, было немало.

Кроме того, Грузия помогала освобожденным районам инженерно-техническими кадрами и квалифицированной рабочей силой. На восстановлении промышленности Донбасса, в частности, в городе Енакиеве продолжительное время успешно работал молодежный отряд под руководством высококвалифицированных инженеров и техников из Тбилиси. В этот отряд входило 54 комсомольско-молодежных бригады. 14 из них бы-

ли удостоены звания фронтовых бригад: они систематически перевыполняли производственный план, ежемесячно производя ремонт 4 паровозов и 20 вагонов, высококачественно и досрочно ими был восстановлен прокатный стан 550. Он неоднократно выходил победителем в социалистическом соревновании между молодежными отрядами Донбасса и завоевывал переходящее Красное знамя Государственного комитета обороны, ЦК ВЛКСМ, Главного управления трудовых резервов и Народного комиссариата черной металлургии СССР.

На восстановлении Сталинградского тракторного завода около двух месяцев работала бригада квалифицированных рабочих Тбилисского станкостроительного завода имени С. М. Кирова под руководством инженера Мдивани. Перевыполнив производственное задание, она сверх плана отремонтировала 12 металлорежущих станков.

В восстановлении Никопольских марганцевых копей деятельное участие принимали горняки треста «Чиатурмарганец», которые, оказывая значительную материальную помощь, одновременно соревновались с ними в выполнении производственных заданий.

Коллектив Тбилисского паровозагоноремонтного завода шефствовал над Харьковским паровозоремонтным заводом, Тбилисское депо — над Нижнеднепровским паровозным депо. Тбилисский станкостроительный завод имени С. М. Кирова оказывал значительную помощь Майкопскому заводу имени М. В. Фрунзе. В восстановлении Запорожского ферросплавного завода помогал коллектив Зестафонского ферросплавного завода.

Для восстановления промышленной кооперации нынешней Донецкой области Украинской ССР кооператорами Грузии «Сарецао кавшири» были направлены десятки разных станков, циркулярных пил, электромоторов, швейных машин, значительное количество сырья и продовольствия и много разных подарков. Между обоими коллективами было возобновлено социалистическое соревнование.

Ростовская область лишь за вторую половину 1943 года получила из Грузинской ССР товаров легкой промышленности на несколько миллионов рублей. Только в четвертом квартале 1943 года было отгружено на 300 тысяч рублей обуви, на полмиллиона рублей швейных товаров, на 720 000 рублей чулок и носков, на 770 000 рублей трикотажных изделий и так далее.

Освобожденным районам Грузии поставляла немало строительных материалов. Во второй половине 1943 года в Ростов-на-Дону для восстановления мостов были направлены тысячи кубометров делового леса. А в мае—июне 1944

² Партархив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, д. 13115, л. 7.

³ Там же, д. 13129, лл. 74—75.

⁴ Там же, д. 13122, л. 285.

года Каспский цементный завод отправил в разные районы Северного Кавказа 114 железнодорожных вагонов цемента⁵.

Восстановление Баксанской гидроэлектростанции было поручено одному из лучших строительно-коллективов Грузии — тресту «Храмгэстрей», который имел большой опыт возведения сложных гидротехнических и оборонных сооружений. Он и на этот раз с честью справился с ответственным заданием, и первая очередь Баксанской ГЭС дала электроэнергию минераловодским курортам и промышленности столицы Кабардино-Балкарской АССР — Нальчику уже 25 декабря 1943 года. В составе этого коллектива успешно работали высококвалифицированные гидростроители В. Варазашвили, А. Гангия, П. Месхишвили, А. Микаберидзе, Е. Рухадзе, М. Эбралидзе и многие другие.

Грузинское республиканское научное инженерно-техническое общество строителей (Груз. НИТО) систематически оказывало большую помощь многим строительно-организационным группам городов Северного Кавказа и особенно Ростова-на-Дону, а также Полтавы. Помимо квалифицированной консультации оно бесплатно передавало строителям необходимую техническую документацию. Ячейка этого общества весьма успешно функционировала на строительстве восстанавливаемой Баксанской ГЭС; ею руководил кандидат технических наук Г. Цискарели⁶.

Для сельского хозяйства освобожденных от фашистской оккупации районов Грузии посылала высококвалифицированных специалистов, а также запасные части к тракторам, комбайнам, автомобилям и другим машинам, семена и саженцы разных сельскохозяйственных культур, скот, товары первой необходимости, предметы домашнего обихода и так далее.

Уже в 1943 году на предприятиях Грузинской ССР было изготовлено 97 наименований запасных деталей для тракторов и комбайнов в количестве 205 540 штук, 104 процента планового задания; из них большая часть была отправлена машинно-тракторным станциям освобожденных районов. В конце того же года лишь для Чечено-Ингушской АССР было отремонтировано 59 автомашин, а в Краснодарский край в августе 1943 года было направлено 25 моторов для комбайнов «Коммунар», 71 трактор, 36 автомашин и 200 быков-производителей⁷.

Для освобожденных районов Украинской ССР в октябре 1943 года из Грузии было отгружено 1 000 голов крупного рогатого скота, 3 059 голов овец, из них в Славянск — более 200 голов, Мариуполь — 405 голов, Маревак — 421... Кроме этого, в разные районы Северного Кавказа и Украины в течение 1944 года до 1 ноября поступило от нас 12 600 голов крупного рогатого скота и 8 100 овец и коз. Отправлялись также жеребцы-производители в первую очередь в Кабардино-Балкарскую АССР⁸.

Эта помощь являлась материальным подспорьем для тружеников этих районов и, кроме того, большим моральным фактором, воодушевлявшим людей на трудовые подвиги. Это подтверждает следующая телеграмма из Курска: «Тбилиси, ЦК партии Грузии, СНК ГССР. Сердечно благодарим за оказанную нам помощь семенным зерном. Немецко-фашистские мерзавцы за пятнадцать месяцев оккупации разрушили народное хозяйство нашей области. Эта братская помощь серьезно поможет его восстановлению. Передайте колхозникам Грузинской ССР, что трудящиеся Курской области приложат все усилия, чтобы вырастить хороший урожай и тем самым усилить нашу помощь фронту в окончательном разгроме врага... 3 мая 1943 года»⁹.

Значительная помощь оказывалась труженикам сельского хозяйства освобожденных областей трудящимися отдельными районами и колхозами Грузии. Как известно, трудящиеся Синельниковского района Днепропетровской области Украинской ССР и Гурджаанского района Грузии соревновались в развитии сельского хозяйства и выполнении производственных планов. В годы войны грузинские колхозники оказывали существенную материальную помощь своим украинским товарищам. Они поставляли им в большом количестве саженцы сельскохозяйственных культур, скот, орудия сельского труда, предметы бытового обихода, продовольствие, культтовары, типографское оборудование и даже украинский шрифт.

Задолго до войны трудящиеся колхоза села Шрома Махарадзевского района Грузии соревновались с колхозниками сельскохозяйственной артели Геннического района Херсонской области Украинской ССР. Несмотря на трудности военного времени, шромовцы, в основном женщины и подростки, работали как за себя и тех членов колхоза,

⁵ Партархив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, д. 13662, л. 97.

⁶ Там же, д. 13302, л. 98.

⁷ Там же, д. 12859, л. 204, д. 13662, л. 9, д. 13120, лл. 141—149.

⁸ Партархив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, д. 13369, л. 109, д. 13662, л. 167, д. 13662, л. 53 и д. 13115, л. 9.

⁹ Там же, д. 12985, л. 8.

которые сражались на фронте, так и за своих украинских друзей. Они систематически перевыполняли производственные задания и значительно расширили свое хозяйство. Кроме того, они передали государству один миллион рублей на достройку танков и просили, чтобы боевые машины, построенные на их средства, были использованы для освобождения Украины. После освобождения Генического района они не только возобновили соревнование, но и во многом помогли геничанам в восстановлении их разрушенного хозяйства¹⁰.

Из Грузии в освобожденные районы для восстановления учебных заведений, театров, клубов, библиотек и детских учреждений отправлялось много учебных пособий, специальной мебели, десятки тысяч экземпляров политической, научной, технической и художественной литературы, тысячи комплектов газет и журналов, немало театрального реквизита, бутафории, костюмов, киноаппаратуры и кинокартин.

З-я тбилисская женская школа шефствовала над школой станицы Лабинская Краснодарского края и оказывала ей немалую помощь учебниками, школьным инвентарем, пищебумажными принадлежностями, лабораторным оборудованием и так далее. Отправив очередную партию учебных пособий и школьной мебели лабинским школьникам, тбилиссские ученики писали: «...Напишите, в чем вы нуждаетесь, и мы поможем вам, как настоящие товарищи...»¹¹.

Тбилисский государственный театр оперы и балета имени З. Палиашвили, шефствуя над Белорусским театром оперы и балета, передал ему большое количество театрального имущества, а также помог оформить и поставить оперу В. Доллидзе «Кето и Котэ». Значительная помощь была оказана также театру Кабардино-Балкарской АССР. Ему было передано все необходимое (декорации, костюмы, реквизит, бутафория и т. д.) для оформления и постановки четырех пьес: «Суровые вре-

мена», «Синий платочек», «Мой сын» и «Виндзорские проказницы».

В июле—августе 1943 года Краснодарскому краю было передано для восстановления библиотек: разных книг 50 111 экземпляров, 7 039 журналов, 620 комплектов газет, много плакатов и карт. В этот же период Ставропольский край из Грузии получил три полных комплекта звуковых кинопередвижек с электростанциями, а несколько позднее еще 15 кинопередвижек¹².

Об оказанной помощи Северо-Осетинской АССР и о кинокартине, заснятой Тбилисской киностудией, в которой показан патриотизм и мужество осетинского народа в период разгрома немецко-фашистских захватчиков на Кавказе, секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б) писал секретарю ЦК КП(б) Грузии: «...От имени Северо-Осетинского обкома ВКП(б) и Орджоникидзевского (Владикавказского) Комитета обороны выражаю благодарность большевикам Грузии за братское внимание и помощь Северной Осетии в самые трудные дни ее многовековой истории...»¹³.

О той помощи, которую трудящиеся Грузии оказывали братским народам освобожденных от фашистской оккупации районов и, в частности, украинскому народу, в передовой статье газеты «Радянська Україна» от 15 марта 1944 года сказано: «...Сейчас трудящиеся Грузии делают воистину благородное дело, оказывая нам товарищескую помощь в восстановлении народного хозяйства Советской Украины.

...Рабочие тбилисских заводов, грузинские железнодорожники, шахтеры «Ткварчелугля» помогают шахтерам Донбасса машинами и оборудованием. Во всей Грузии чувствуется большая братская забота о трудящихся областей, которые пострадали от фашистских мерзавцев...

Трудящиеся Советской Украины горят своим грузинским братьям:

— Спасибо, товарищи, спасибо, братья и друзья!..»

¹⁰ Партархив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, д. 12512, л. 297.

¹¹ Там же, д. газета «Заря Востока» от 26 сентября 1943 года.

¹² Партархив Грузинского филиала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 1, д. 12981, лл. 60—62, д. 12983, л. 72.

¹³ Там же, д. 13117, л. 235.

«ВЕРЮ СВОЕМУ ГЕРОЮ...»

БЕСЕДА С ЛАУРЕАТОМ ПРЕМИИ ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА
 ПИСАТЕЛЕМ НОДАРОМ ДУМБАДЗЕ

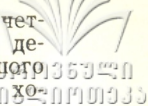
— В зените — третий, решающий год пятилетки, которая является программой жизни всего нашего общества на ближайшие годы. А писатель, художник вообще не может, как известно, жить и творить вне общества... Поэтому первый вопрос: пятилетка — в Вашей жизни, творчестве?

— Каждая очередная пятилетка, как программа действий на определенный отрезок времени, представляла собою комплекс не только количественных, но и качественных изменений. Это видно даже из учебников истории — ведь были у нас периоды индустриализации, коллективизации и так далее. Девятая пятилетка тоже имеет «свое лицо», а какое именно — предельно четко сформулировано в Директивах XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану. Нынешний же год партия определила как решающий год пятилетки. Однако, хотя я и знаю, что не сделаю никаких открытий, хочу все-таки подчеркнуть: особенно знаменателен нынешний год в жизни нашей республики. Все мы внимательно изучали материалы состоявшегося в феврале пленума ЦК Компартии Грузии и понимаем, что его решения — начало огромной, очень сложной и ответственной работы по преодолению серьезных искажений, которые имели место во всех сферах жизни республики, тяжелых последствий волюнтаризма, отсутствия научного подхода к решению кардинальных вопросов партийного, советского и народнохозяйственного строительства. Я глубоко убежден: самое главное и отрадное из того нового, что составляет сегодня руководящий принцип нашей жизни, — это деловитость. Партия ждет от нас не просто любви к народу и преданности коммунистическим идеалам, а любви активной и преданности, которая доказывается ежедневно, ежечасно — делом, конкретным свершением.

Это касается и виноградаря, и машиниста электровоза, и председателя исполкома, и писателя как члена общества, наделенного определенными правами и обязанностями. Поэтому вывод может быть только один: надо работать. Для писателя это слово адекватно слову «писать». Но так же, как ответственный, руководящий товарищ, от которого зависит в принципе улучшение работы, скажем, железнодорожного транспорта, не сможет заменить у штурвала электровоза машиниста, так и никто не напишет за писателя роман, хотя бы в этой области принимались самые мудрые решения... Словом, для меня пятилетка и ее решающий год — это прежде всего повышенное чувство ответственности перед обществом, которое для писателя является ничем иным как читателем.

— И все же — опять о пятилетке и художнике, только более конкретно... Сейчас, пожалуй, настойчивее, чем когда бы то ни было, звучат голоса, призывающие писателя идти к людям — на производство, в гущу жизни. Как Вы на это смотрите? Нет ли здесь опасности скатиться на, так сказать, репортерские рельсы?

— Такой опасности я, конечно, не вижу. Все решает мера таланта. Процикновение в «гущу жизни», непосредственное соприкосновение с производством, бытом — всегда, разумеется, полезно. Его результатом может быть рождение художественных очерков, публицистических произведений, которые

всегда, а сейчас в особенности, нужны. Об этом подробно говорилось на четвергом пленуме правления Союза писателей СССР. Но такова одна сторона дела. Отдача же от тесного контакта с героями будущих произведений большого формата приходит с течением времени, и об этом я скажу ниже. А сейчас хочется коснуться, на мой взгляд, важного, в определенном смысле даже щекотливого вопроса.

В этом году я в составе писательской бригады побывал в гостях у животноводов одного из районов республики. Все было организовано, как говорится, на самом высоком уровне: нас сопровождали товарищи из Министерства сельского хозяйства, на ферме о нашем приезде были предупреждены и встретили очень гостеприимно. Мы ходили по коровникам, беседовали с доярками, бригадиром, зоотехниками... Я узнал много интересного о том, как надо ухаживать за животными, предупреждать их болезни и прочее. Даже рискнул, как человек, окончивший в свое время экономический факультет с уклоном в сторону сельского хозяйства, высказать несколько замечаний с позиции в некотором роде специалиста... А потом один из местных товарищей, уловив минуту, доверительно меня спросил: «Эта ваша комиссия — она откуда?». Я, конечно, объяснил, что никакая мы не комиссия, что писатели приехали знакомиться с трудом и бытом животноводов, — и самому было неловко от того, как это выспренно прозвучало. Да и все вдруг предстало в ином свете. Стало ясно, что коровники вычищены специально к приезду гостей, что все здесь не так, как бывает каждый день. И, честное слово, я прочел в умных и грустных глазах одной немолодой буренки примерно следующее: «Пожалуйста, не уезжайте! Тогда меня каждый день станут так же старательно мыть, а в яслях будет вот такая, как сегодня, громадная охапка душистого сена...».

Отбросив шутки, скажу: да, писатель должен бывать и на ферме, и на заводе, и в поле — однако не в качестве гостя. Он должен уметь стать своим человеком, которому не стараются показать «товар лицом», с которым откровенны, как с близким. Только тогда увидишь то, что стоит увидеть.

У меня есть товарищ — секретарь райкома партии в Кахетии. Он потомственный крестьянин и, сделавшись руководителем, понимает: если едешь в поле, то не к чему надевать в жару галстук и пиджак — это стесняет людей. И здесь нет заигрывания, ведь с народом заигрывание не пройдет. Я видел, как этот секретарь райкома чинил однажды трактор, как он работал вместе с колхозниками на винограднике и даже боролся с местными парнями. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: он свой среди своих... Конечно же, такой руководитель в буквальном смысле слова живет интересами масс, ему не надо напягаться, чтобы почувствовать себя на месте человека труда.

То же должен уметь писатель, если он действительно хочет понять, чем живут люди той или иной профессии, и едет на дальнюю пастушью зимовку не для того, чтобы об этой «доброй инициативе» потом написали в газете.

Когда я работал над романом «Не бойся, мама!» и поехал на заставу, то надел офицерскую форму (солдата-пограничника из меня бы все равно не вышло: не тот возраст, не та физическая подготовка) и исполнял обязанности замполита заставы. Я ходил в наряд, проводил политбеседы — словом, не играл роль пограничника, а был им. И когда через неделю один солдат, видевший меня по телевизору, раскрыл мое «инкогнито», это, по существу, ничего не изменило: через несколько дней я по-прежнему был для них прежде всего лейтенантом пограничных войск. Так же получилось в Тварчели, где я работал некоторое время на шахте — жил настоящей жизнью шахтера и был вознагражден за труды по-царски: участвовал однажды в интереснейшем собрании, где шел очень откровенный разговор о некоторых безобразиях. Потом дух и настроение этого собрания я перенес в роман «Я вижу солнце» — там есть собрание колхозников в сорок первом году... Когда книга вышла в свет, один серьезный человек так упорно доказывал мне, будто я это собрание записал на магнитофон и после в первозданном виде внес в книгу, что я устал спорить с ним, согласился... Уже уходя, он сообразил, что в сорок первом магнитофона у меня быть не могло.

...Может быть, я слишком подробно остановился на этом вопросе. Но дело в том, что он, по-моему, один из самых важных для писателя. Очень важно увидеть своими глазами то, о чем будешь потом писать. Однако еще важнее почувствовать это, испытать на себе. Только такая — кровная — связь с жизнью народа позволяет писать по-настоящему нужные, большие вещи. Так живут Шолохов, Симонов, Луконин, так жил Твардовский. Наверное, в этом и состоит истинная гражданственность писателя... Хотя, конечно, внести свой вклад в пятилетку — для писателя не значит работать за токаря или хлебороба. Николай Островский и Владимир Маяковский не участвовали и не могли участвовать в Отечественной войне, однако сделали для победы над фашизмом очень много.

— Раз Вы коснулись этой темы, расскажите, пожалуйста, о Вашем понимании воспитательной роли литературы. Могли бы Вы, например, сказать, что кто-либо из героев Ваших книг вызвал у читателей желание подражать ему, быть на него похожим?

— Когда так происходит, это счастье для писателя. И ответить на подобный вопрос утвердительно — значит рискнуть показаться нескромным. Но я все-таки отвечаю.

Один из центральных моих героев — в книге очень симпатичный и вообще хороший человек — в жизни был личностью довольно отталкивающей. А когда прочитал о себе, то стал, несмотря на преклонный возраст, подражать своему литературному двойнику. Его односельчане потом даже благодарили меня за то, что, мол, не узнать теперь человека... Так что в воспитательную роль художественного произведения я верю безусловно. Я и сам, как все мы, испытал в детстве влияние литературных героев. Следовательно, забывай об этой стороне дела для писателя равносильно потере чувства ответственности перед обществом. Что же касается самого понятия «герой», то на этом хотелось бы остановиться несколько подробнее.

Во времена Ричарда Львиное Сердце никому не пришло бы в голову воспевать рыцаря за храбрость. Она была нормой поведения. Думаю, мы совершаем ошибку, называя благородным поступком, например, факт, когда человек приносит в милицию найденные деньги. Точно так же гражданское мужество, принципиальность, чистота помыслов, самоотверженность и другие высокие человеческие качества должны расцениваться в нашей литературе как норма. Поэтому я — за героя обыкновенного, отнюдь не претендующего на исключительность, я за просто хорошего человека в литературе. Уверен: такой герой несет в себе воспитательный заряд значительно более сильный, чем если бы автор видел в нем существо особое, стоящее ступенькой выше окружающих.

Должно быть, потому и имена своих персонажей я беру прямо из жизни — скажем, вспоминая своих школьных товарищей. Когда вышел в свет роман «Я вижу солнце», позвонил один мой одноклассник и удрученно так сказал: «Нодар, я всех, кого ты изобразил в книге, помню, а вот Хатию, слепую девочку, никак припомнить не могу...». Конечно, Хатиа была вымышленным персонажем, и мне, понятно, не могло не польстить недоразумение такого рода. Значит, герои получились достаточно убедительными.

— Не значит ли это, если я Вас правильно понял, что, следуя в творчестве принципу жизненности, достоверности изображаемого, Вы против занимательного, острого сюжета, поскольку он почти всегда — плод вымысла? И расскажите немного о Вашей творческой лаборатории, о том, как Вы пишете.

— Я бы начал с ответа на второй вопрос, хотя рассказывать о «кухне» своей работы всегда немножко неловко — ведь невольно приходится говорить о вещах подчас интимных.

Пишу я быстро, зато обдумываю вещь очень долго — порою и год, и два. Пока не продумаю эпизод с начала до конца во всех деталях, писать не начну. Бывает, вслух произношу реплики персонажей, чтобы проверить их звучание. В романе «Я вижу солнце» есть эпизод на мельнице. Он мне никак не давался, я чувствовал: чего-то не хватает, чтобы написать его как следует. Однажды долго не мог заснуть и вдруг понял — недостает мне мельничного шума. А где его взять? Тогда я включил на полную мощность телевизор. Дело происходило в середине ночи, никакой передачи, естественно, не было, зато был ровный глухой гул — ну, вам он знаком. И эпизод сразу получился.

Это, конечно, чисто субъективное. А вот много лет назад я решил принять участие в конкурсе на лучшее детское произведение и написал — первый раз в жизни — поэму «Письмо Мананы». Закончил ее буквально накануне последнего срока сдачи и, чтобы проверить, как получилось, позвал свою маленькую дочку и ее сверстников со двора, прочитал им поэму. Они выслушали очень внимательно, потом попросили повторить некоторые места. Значит, понравилось. И я послал «Письмо Мананы» на конкурс и получил премию. А позже некоторые отрывки из этой поэмы были включены в «Деда эна» — «Родной язык», причем именно те, которые дети заставили меня прочитать вторично.

Я — за острый, занимательный сюжет. Наличие его — одно из важнейших проявлений искусства, этим, в частности, и отличается художественное отображение действительности от ее фотографирования. Конечно, такой сюжет — не самоцель. «Преступление и наказание» — по форме детектив, но ведь не детектив же в обычном смысле этого слова писал Достоевский. Исключительные обстоятельства, в которые он поставил своих героев, были нужны ему не сами по себе, а для того, чтобы ярко, выпукло нарисовать характеры и убедительно раскрыть главную мысль произведения.

Острый сюжет в моем понимании — это неожиданность того, что произойдет, новеллистичность построения вещи. Кстати, если писатель, работая над каким-либо конкретным произведением, пошел по правильному пути — эти неожиданности в развертывании событий неизбежны. У меня, например, всегда есть план вещи, и всегда он в процессе работы нарушается — события и персонажи начинают «вести» меня. Вероятно, в этом и заключается радость творчества.

В связи с этим хотелось бы сказать об одном очень важном, на мой взгляд, моменте. Острота сюжета — это, прежде всего, конфликт. Но конфликт настоящий, основанный на столкновениях социального характера, на борьбе противоречивых начал, составляющих личность героя. Противоборство с природой, стихийными бедствиями, преодоление болезни — еще не конфликт. Строительство Братской или Ингурской электростанций, в смысле столкновения человека с объективными трудностями, — не конфликт. Настоящий конфликт «Повести о настоящем человеке» Бориса Полевого начинается во второй части книги, потому что выбраться с перебитыми ногами из окружения — значит следовать инстинкту самосохранения, а вот начать летать без ног — это уже победа человека над собой, это подлинный конфликт. Думаю, что в первую очередь с таких позиций следует оценивать любое произведение литературы.

— Ваш взгляд в этом плане на современную грузинскую прозу?

— Долгое время было принято говорить об успехах грузинской советской поэзии и отставании прозы, что, по-моему, соответствовало действительности. Сейчас положение изменилось. Должно быть, это закономерно. Время требует емких изобразительных форм — таких, как повесть, роман, рассказ. Я начал со стихов, но, видно, родился плохим поэтом и не мог выразить в поэзии всего, что хотел.

Наша проза, несомненно, пошла в гору, причем грузинская проза двадцатого века качественно превосходит прозу века девятнадцатого. Это — не только мое мнение, и, значит, тем больше оснований считать его правильным.

Я бы хотел сказать о романе Чабуа Амирэджиби «Дата Туташхиа», который уже напечатан в журнале «Цискари». Он, на мой взгляд, очень интересен, ибо в нем есть тот самый, подлинный, конфликт — социальный и внутренний. Мне очень понравился рассказ Арчила Сулакаури «Лука», хотя кое-где он неровен. Светлое, доброе чувство оставляет последняя повесть Эдишера Кипиани «Шапка, закинутая в небо» — произведение, проникнутое ясностью и чистотой человеческих помыслов. Оно — о воспитании, о формировании личности, оно словно требует от людей: если в ваших руках будущее человека, то эти руки должны быть стерильно чистыми, как у хирурга... Я люблю прозу Резо Инанишвили — одного из самых выдающихся наших новеллистов — за добротный, сочный язык, за наблюдательность и остроту глаза, за простоту в выражении самых сложных вещей.

Хочется отметить также исторический роман Отара Чиладзе «Шел по дороге один человек...» и повесть Тамаза Чиладзе «Бассейн», которая, судя по первым опубликованным в журнале «Цискари» главам, оставит заметный след в нашей прозе.

И, конечно, представители старшего поколения: Серго Квдиашвили, Лео Киачели, Константинэ Гамсахурдиа, Александр Кутатели, Демна Шенгелая, Константин Лордкипанидзе, которых я считаю своими учителями. Они создатели современной грузинской прозы. Уверенно заявили о себе Резо Чешвили и Мераб Элиозишвили. О самых же молодых я ничего говорить не буду, пусть они сами о себе скажут.

— Вы уже не первый год редактируете журнал «Нианги». Какое место занимает эта работа в Вашей жизни и творчестве?

— «Нианги» отнимает очень много сил и времени, но воздаст за это, как говорится, сторицею. Как редактор я принимаю множество посетителей, через мои руки проходит огромный объем читательской корреспонденции. Часто езжу в командировки, чтобы самому разобраться на месте в особо сложных вопросах. А уезжая в отпуск, непременно заглядываю по тому или иному адресу, и часто получают импровизированные читательские конференции. Все это, разумеется, теснее связывает с жизнью, помогает постоянно быть в курсе интересов, нужд, проблем, запросов читателей и не может не обогащать личным опытом, знанием жизни.

— Что бы Вы сказали о месте грузинской литературы в единой многонациональной литературе народов СССР? И, должно быть, здесь же уместно коснуться проблемы переводов с грузинского?

— Наша литература, конечно, в большом долгу у советской и мировой литературы. Но можно говорить и о весомом вкладе грузинских писателей. Об

этом свидетельствует хотя бы тот факт, что организованный в связи с 50-летием образования СССР Всесоюзный смотр драматургии братских республик полнудутия, полусерьезно называют смотром грузинской драматургии — ведь многие пьесы наших авторов с успехом идут на сценах разных городов страны. Что касается взаимообогащения литератур, то здесь, по-моему, больше всего дают личные контакты писателей. Мне, например, намного ближе стало творчество Твардовского, Симонова, Луконина, Ахмадулиной, Аксенова, Солоухина, Евтушенко, Коротича после того, как я с ними познакомился.

О переводах. Один мой знакомый сказал, что Пушкин и Лермонтов — самые плохие грузинские поэты. Он имел в виду качество переводов. К сожалению, должен с полной ответственностью сказать, что большой процент языкового своеобразия, народного юмора и прочих достоинств литературного произведения в переводе теряется. Думаю, идеальный перевод получается только в том случае, когда переводчик в совершенстве знает оба языка. Чингиз Айтматов сам переводит свои произведения, но он одинаково свободно пишет и по-киргизски и по-русски. Известно также, что Рабиндранат Тагор сам перевел с бенгальского на английский книги собственных стихов, за которые получил Нобелевскую премию. Это, разумеется, случаи исключительные. Если же говорить более практически, то неплохой выход я вижу в подготовке переводчиков на образованных при Литературном институте специальных курсах. А вообще тот, кто берется за перевод, должен сам быть писателем.

— **Есть ли у Вас «тема № 1»?**

— Да. Это тема формирования молодого советского человека, его становления как члена общества, строящего коммунизм, как гражданина. В этом смысле я считаю, что у меня во всех книгах один герой. Он прошел и суровую школу сиротства, и службу в армии, и многое другое — и все это было подготовкой к активной жизни. Легко сказать: «Не бойся, мама!». Однако надо заслужить право на такое заявление. Может, это нескромно, но я, пожалуй, могу уже сказать: мой герой такое право заслужил, он больше не может стать негодяем, — во всяком случае, если так произойдет, то общество здесь будет ни при чем. Так или иначе, но я верю в будущее своего героя и с чистой совестью поручил бы ему выполнять мою долю пятилетнего плана.

— **В заключение — традиционный вопрос: Ваши планы?**

— Я не собираюсь братья в ближайшее время за какую-либо большую вещь, потому что сравнительно недавно закончил роман «Белые флаги» и, честно говоря, устал. Хочу написать несколько небольших рассказов. С одной стороны, это будет своеобразной разрядкой. А с другой — вижу сейчас, что сказал в предыдущих вещах не обо всем, о чем хотелось сказать. Надеюсь, рассказы в определенной степени восполнят этот пробел, и на душе станет спокойнее...

Беседу вел Владимир ОСИНСКИЙ

ПОЭТ-ДЕМОКРАТ Н. В. СИМБОРСКИЙ НА КАВКАЗЕ

Тифлисская периодика второй половины XIX века богата изданиями, популярность которых шагнула далеко за пределы Закавказья. Поэтому естественно, что в числе их сотрудников фигурируют такие блестящие литераторы-демократы, как Глеб Успенский, Максим Антонович, Всеволод Гаршин, петрашевцы А. Плещеев и А. Пальм, поэт-переводчик И. Ф. Тхоржевский и ряд других.

Особое место среди них занимает талантливый поэт Николай Васильевич Симборский. Его стихотворения, разбросанные в различных периодических изданиях, почти не известны современному читателю; не известен и «кавказский» период его жизни и деятельности. Лишь в последнее время в сборнике «Поэты-демократы 1870 — 1880 годов» появилось несколько его стихотворений, которые сопровождалась краткими биографическими данными¹.

Друг и первый биограф поэта И. Ф. Тхоржевский составил более широкую биографию Симборского, раскрыл множество чрезвычайно важных моментов его творческого пути. Кроме того, некоторые данные содержатся и в делах Кавказского цензурного комитета. Постараемся воссоздать образ этого чрез-

вычайно интересного литератора и гражданина.

Сын помещика Симбирской губернии Сызранского уезда, Николай Васильевич Симборский родился в 1849 году в деревне Заборовка. Получив домашнее воспитание, восемнадцатилетний юноша поступил на юридический факультет Казанского университета; через год он перешел на тот же факультет Московского университета. Юриспруденция, однако, его мало интересовала, и он неаккуратно посещал лекции, зато усердно занимался древнерусской литературой. Как отмечает И. Ф. Тхоржевский, эти занятия сослужили ему впоследствии немаловажную службу: его переложения древнерусских былин на современный язык «замечательны по верной передаче образов и тона нашего древнего эпоса»². Некоторые из этих переложений были напечатаны в «Вестнике Европы», «Русском обозрении», «Неделе», «Пчеле».

В 1870 году он стал сотрудником юмористического журнала «Развлечение»; по словам того же Тхоржевского, впоследствии Симборский не любил вспоминать о своих юношеских произведениях и не говорил, что именно было им написано и напечатано в Москве.

В 1871 году он заболел и по просьбе матери был увезен в Заборовку своим отчимом, но жизнь в захолустье оказалась крайне неподходящей для него; его тянуло в Петербург, как в главный центр умственной жизни России. Приехав в Петербург, Симборский, вняв настойчивым просьбам матери, поступил

¹ Указанный сборник вышел двумя изданиями: в так называемую «Малую серию Библиотеки поэта» («Советский писатель», М.—Л., 1962) вошло четыре стихотворения Н. Симборского: «В ожидании», «Пир зверей», «Статуя», «Сон»; в «Большой серии Библиотеки поэта» («Советский писатель», М., 1968) к ним прибавились еще два — «Новому году» и «Патриотическая иеремия».

² Журнал «Фаланга», 1881, № 14, 5 апреля, стр. 2 — 3.

Как и большинство поэтов-демократов 1870 — 1880 годов, Симборский часто обращался к историческим, фольклорным мотивам. Однако его интерпретация отличалась от общепринятой; это особенно заметно в стихотворении «Страница из русской истории» («Стенька Разин»). Традиционный перепев линии «Стенька Разин и персидская княжна» здесь лишь частный момент. Основа стихотворения — напевы волн, отваги, удалого размаха. Несколько двусмысленное звучание некоторых строк, своеобразное построение стихотворной фразы позволяют судить об истинном содержании стихотворения, правильно прочесть ту или иную важную фразу. Характерно и стихотворение «Клитемнестра»: отойдя от традиционного изображения одной из героинь греческой мифологии, жены верховного вождя греков во время Троянской войны Агамемнона, Симборский рисует нам образ женщины, убившей мужа-тирана⁷.

Замечательны его лирические стихотворения, эпиграммы и переводы из Илии Чавчавадзе и Акакия Церетели. Совершенно справедливо пишет о Симборском исследователь А. Бихтер: «Ярким дарованием отмечены немногие дошедшие до нас стихотворения талантливого поэта 1870 годов Николая Васильевича Симборского. Пытливая, ищущая мысль сочетается в них с оригинальной, а порою и новаторской поэтической формой. С большой чуткостью Симборский передает характерные настроения лучшей части русской интеллигенции второй половины 1870 годов — мучительное ожидание освежающих порывов революционного ветра и горькое отчаяние от сознания своего бессилия...»⁸.

Особую популярность создали Симборскому фельетоны из серии «Колокольчики» («Песня дня»), которые, кстати, кроме него, писал и И. Ф. Тхоржевский; некоторые из них, возможно, являются плодом совместного творчества.

Довольно большое количество из напечатанных в «Обзоре» материалов Симборского появилось в свет благодаря решительности Николадзе, который помещал их в газете вопреки запрещению цензуры.

В феврале 1880 года Симборской обратился в канцелярию начальника Главного управления кавказского наместника с просьбой разрешить ему издавать в Тифлисе художественно-юмористический журнал на русском языке «Зурна»,

однако получил отказ. Мотивировкой отказа, как сообщила канцелярия, послужили два обстоятельства: во-первых, литературное направление его признали вообще резким и несдержанным, а во-вторых — наличные силы цензурного комитета слишком-де недостаточны для «внимательного отношения к новому органу печати»⁹. Из материалов Кавказского цензурного комитета видно, однако, что второй пункт — не более как отписка, ибо истинная причина отказа здесь сформулирована четко и недвусмысленно: «Направление г. Симборского как сотрудника газеты «Обзор» до сего времени постоянно отличалось резкостью и несдержанностью как относительно содержания, так и формы его статей, из которых весьма многие не были разрешены к печатанию...»¹⁰.

К тому времени Симборского с Николадзе связывали настолько близкие отношения, что, когда последний, ожесточенный цензурными придирками, вызвал председателя Кавказского цензурного комитета А. Пурцеладзе на дуэль, секундантом его был именно Симборский¹¹. Вообще в семье Николадзе поэт стал своим человеком, дружба с публицистом и его женой Ольгой Гурамишвили поддерживала его в минуты отчаяния, душевной депрессии. Поэтому несколько лирических стихотворений из его наследия, стихотворений особенно выразительных, поэт посвятил именно своим друзьям.

В архиве Николадзе хранятся гранки нескольких стихотворений с посвящением Ольге Гурамишвили; самому же Николадзе Симборский посвятил стихотворение с выразительным заголовком «Одному из немногих».

В конце 1880 года в Тифлисе начал выходить еженедельный художественно-юмористический журнал «Фаланга» — одно из лучших в то время изданий этого типа. В первом же номере «Фаланги» было объявлено, что «в трудах редакции непосредственное участие» примет наряду с другими и Н. В. Симборский. Последнего не без оснований считали фактическим редактором журнала; кроме чисто редакционной работы, он довольно регулярно выступал на страницах «Фаланги» со стихотворениями и корреспонденциями. В № 4 журнала за 1880 год (14 декабря, стр. 7) появилось его «Письмо к редактору», в котором «по совершенно независимым от него обстоятельствам» он отказывается от участия в делах редакции, «не отка-

⁷ Там же, № 8—64.

⁸ Сб. «Поэты-демократы 1870 — 1880 годов» (Малая серия Б-ки поэта), «Советский писатель», М.—Л., 1962, стр. 22.

⁹ ЦГА ГССР, ф. 480, оп. I, доп., ед. хр. 54.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГА ГССР, ф. 480, оп. I, ед. хр. 335.

зываясь, впрочем, от сотрудничества в этом журнале».

Последний материал Симборского появился уже после его смерти — 21 февраля 1881 года в Тифлисе он покончил жизнь самоубийством.

О причинах самоубийства ходили самые разные слухи и предположения: одни пытались связать их с событиями 1 марта, считая Симборского чуть ли не участником цареубийства, другие связывали их с несчастной любовью. Однако вернее всего пишет о них И. Ф. Тхоржевский, хорошо знакомый с настроениями Симборского в последние месяцы его жизни: «Все знавшие Симборского не могут не знать и того, что он по своему образу мыслей и принадлежал к числу людей, которые и личное горе, и личное счастье не ставят выше своего «общественного» призвания. Если бы условия его жизни согласовывались с его призванием, а не шли вразрез с ним помимо доброй воли покойного, если бы он мог спокойнее относиться к тому, как сложилась его судьба; «если бы да когда бы» он мог «почувствовать» хоть раз в жизни, что и он составляет нечто вроде действительной спицы в отечественной колеснице, — то, наверное, никакое личное горе не довело бы его до самоубийства...»¹².

Отклики на его смерть появились не только в тифлисской периодике, отклик-

¹² «Фаланга», 1881, № 14, 5 апреля, стр. 2 — 3.

нулись и столичный журнал «Мирской толк» (1881, № 9, стр. 67), и газета «Голос» (1881, № 53, 22 февраля); в них отмечался заметный сатирический талант Симборского, вкратце обрисовывался его творческий путь. С присущим ей цинизмом, не скрывая торжества, выступила и «Минута», редактору которой И. А. Баталину крепко доставалось от «Фаланги» («Минута», 1881, № 241, 23 сентября, стр. 1—2).

Прекрасную характеристику Симборскому дал Николадзе в своих очерках, упомянутых выше. По своему поэтическому таланту, считал Николадзе, Симборский должен быть поставлен в первом ряду современных ему поэтов: «Стих его полон силы, чувства, образности, он безупречен по форме и глубок по содержанию».

Составители сборника «Поэты-демократы 1870 — 1880 годов» выражали сожаление, что большинство стихов этого талантливого поэта утеряно для нас. Однако можно уже сообщить, что кафедра журналистики Тбилисского государственного университета подготовила к печати сборник, куда, наряду с материалами других поэтов и публицистов, войдет и все «тифлисское» творческое наследие Симборского — 32 стихотворения, двадцать пять очерков и фельетонов и большое количество театральных рецензий. С выходом в скором будущем в свет этого сборника будет заполнена еще одна яркая страница русско-грузинских литературных связей.

РОЛЬ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ИДЕОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ АКТЕРА

XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза подчеркнул огромную важность воспитания нового человека, всесторонне развитой гармонической личности. «Формирование нового человека — одна из главных задач партии в коммунистическом строительстве»¹. Роль театрального искусства в выполнении этой первостепенной задачи неизмеримо велика. Гармонически развитый человек должен воспринимать мир во всем богатстве его форм, красок и звуков. Он должен видеть действительность во всей ее многогранной красоте, уметь не только творчески осмысливать ее, но и активно преобразовывать в свете тех новых задач и решений, которые возникают на пути создания коммунистического общества. Искусство пробуждает универсальную человеческую способность творческого восприятия мира, которая может быть реализована в любой области человеческой деятельности. Театр, кино, музыка, изобразительное искусство развивают творческую активность не только в области художественного воспроизведения мира, но и в решении задач его революционного преобразования.

Формирование гармонически развитого человека предполагает воспитание в нем полноты и яркости чувств восприятия мира, формирование в нем художника в широком смысле этого слова. Проблема становления нового человека связана с многообразными функциями искусства, с эстетическим воспитанием, нравственным, с развитием чувства прекрасного, с воспитанием творческой активности. Театральное искусство, обладая огромной эмоциональной силой воздействия на массы зрителей, организует их чувства, переживания и настроения. Театр — это трибуна, с которой ведется эмоциональный разговор людей, заинтересованных в

достижении общей цели. Причина этой эмоциональной общности далеко не в механизме врожденного подражательного рефлекса, а в общности высокой идеи, интересов и стремлений, объединяющих зрителей и актера. Сила воздействия на зрителя зависит от чувств, страстей, идейной убежденности актера в сценическом действии.

Активное воспитательное воздействие искусства на широкие массы зрителей невозможно без правдивого воспроизведения в художественных образах нашей действительности. Глубина познания природы и динамического общественного мира придает сценическому действию силу эмоционального, нравственного и идейного воздействия на зрителя. Выяснение природы и специфики этого воздействия, как особого вида эмоционально-эстетического общения, требует прежде всего определения специфики театрального искусства как особой формы общественного сознания, отражающей мир в чувственных представлениях и воплощающей их в системе художественных образов. Было бы неправильно рассматривать специфику театрального искусства, как нечто абсолютно противоположное другим формам отражения мира. Процесс отражения мира один, и своеобразие форм отражения можно рассматривать только в рамках общих законов ленинской теории отражения, которая является теоретической основой материалистического учения о познании.

Предмету искусства в отличие от науки доступны те стороны природы и человеческой жизни, которые наиболее полно можно выразить в чувственном образе. Художник-актер, так же как и ученый, стремится в своем творчестве выразить определенную идею. Но актер в отличие от ученого не формулирует свою идею, он выражает ее в сценическом образе. Идея живет в каждом драматургическом произведении в качестве внутренней ведущей тенденции, но она не должна искусственно подчерки-

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, Москва, 1971, стр. 101.

ваться перед зрителем. Идея в искусстве раскрывается через образную систему драматургического произведения. Актер — не морализатор, ему противопоставлена обнаженная прямолинейная дидактичность. Но если жизненная ситуация воспроизведена правдиво и глубоко, если в художественном образе выражены высокие идеи чувства и мысли нашего времени, то сценический образ приобретает общественно-гражданскую значимость. Искусство не только отражает жизнь, но и оценивает ее.

Н. Г. Чернышевский писал, что искусство вершит суд над событиями жизни и поведением человека. Этот строгий суд — неотъемлемая сторона сценической деятельности, несмотря на то, что театр часто воспринимается как увлекательное зрелище, царство метафоры, праздник чувств и красок. Именно яркость театрального зрелища делает его институтом огромного общественного значения, своеобразным социальным индикатором большой эмоциональной мощности. Действенная сила искусства непосредственно зависит от степени и глубины эмоционального воздействия системы художественных образов. Идеи, стремления и идеалы, выраженные в художественных образах, остаются в сознании людей как итог эмоциональной впечатляемости и обретают реальность в их поступках.

Актер-художник переосмысливает жизненную ситуацию и силой своего воображения воссоздает ее. Чем талантливее актер, тем ярче и индивидуальней его сценические образы. Образ — это не фотография, а обобщение, результат глубокого проникновения актера в смысл изображаемого, итог постижения его сокровенной сущности. Методом обобщения, создающим образ, является типизация. Путем художественной типизации драматург или актер выделяют существенные черты, признаки, характерные особенности определенной группы людей и воплощают их в едином конкретном, индивидуальном герое. В процессе типизации как бы абстрагируются характерные черты многих людей и конкретизируются в единичном особенном личностном образе. Дана одна индивидуальная личность, но в ней запечатлены многие типичские характеры, встречающиеся в жизни. Художественный образ представляет собою единство единичного и общего.

Вне индивидуализации нет полноценного реалистического сценического образа. В индивидуальном раскрывается общее. Сам процесс образования типического сводится к выражению общего и существенного в частном, единичном. Прекрасное определение понятия «образ» дал В. Белинский. Типический образ — это «знакомый незнакомец». зри-

тель узнает знакомые черты в новом индивидуальном характере. В природе художественного образа заключено особое соотношение эмоционального и рационального. Роль эмоциональности очень значительна, но нельзя свести образ только к чистой эмоциональности, процесс типизации требует глубокого и рационального проникновения в глубь жизненных явлений, требует рационального осмысления человеческих переживаний.

Идейно-эстетическое значение образа определяется степенью олицетворенной в нем жизненной правды.

Художественная правда не совсем совпадает с жизненной правдой реальных событий и фактов. Художественная правда — это правда самой жизни, но выраженная средствами искусства. Например, в спектакле-сказке актер может говорить о том, чего в действительности никогда не бывает, однако сценический образ фантастический, сказочный и нереальный является эмоционально впечатляющим и жизненно достоверным. «Сценическая правда, — писал Станиславский, — должна быть подлинной, неподкрашенной, но очищенной от житейских подробностей. Она должна быть по-реальному правдива, но опозитирована творческим вымыслом»¹.

Образ может обладать определенной условностью, так как искусство есть отражение действительности, но не сама действительность, поэтому условность всегда присуща системе художественной выразительности. Воспроизведение жизни в формах самой жизни может быть связано с метафорой, гиперболой, гротеском, символичкой, ретроспективным показом картин жизни. Но использование условности имеет свою меру, свои границы. Условность не должна подменять правдоподобие жизни неопределенными символами, отвлеченными схемами, далекими от жизни.

Форма художественной сценической выразительности не должна искажать смысловое содержание художественного образа. В связи с этим в сценической деятельности актера огромное значение приобретает проблема единства формы и содержания. Без соответствия формы и содержания нет искусства. Художественная форма — способ выявления содержания, и разрыв между формой и содержанием несовместим с искусством театра. Диалектическое взаимопроникновение формы и содержания — закон создания сценического образа.

Каждая эпоха рождает не только новое содержание драматургии, но и новый художественный метод, новые средства художественной выразительности. Со-

¹ К. С. Станиславский. Статьи. Речи. Беседы. Письма. М., 1953, стр. 15.

временный советский театр — это искусство социалистического реализма.

Суть реалистичности метода художественного реализма не только в правдивом отражении жизни, но и в умении увидеть и отразить то новое, те ростки коммунистического, которые есть в нашей действительности. Искусство социалистического реализма схватывает и раскрывает в художественных образах сущность исторического процесса нашей современности — переход от капитализма к социализму и к построению коммунистического общества, как в больших исторических событиях, так и в обыденных повседневных фактах и судьбах отдельных людей. Искусство социалистического реализма постигает главным образом процесс формирования нового человека и отражает действительность с позиций идеологии и психологии этого человека. Образы социалистического искусства рождены жизнью и возвращаются в жизнь, они становятся реальными факторами воспитания коммунистической идеологии и духовной культуры советского человека. Особенность искусства социалистического реализма в том, что оно впервые обращается к широким массам и решает задачу коммунистического воспитания сотен миллионов людей. Театр самым непосредственным образом связан с народом, с политикой, с интересами общества, с захватывающей напряженной борьбой нашего времени. Поэтому по самой своей сущности искусство социалистического реализма народно, классово и партийно.

Партийность искусства — жизненная основа творческого осмысления художником социалистической действительности в самой практике художественной деятельности. «Искусство становится частью общепролетарского дела. Партийность определяет его познавательную функцию, идейное содержание и политическую направленность творчества»¹. Создать типический образ строителя коммунизма невозможно, если творчество создателя лишено идейности, партийности. Коммунистическая партийность проявляется не только в создании типического образа, она является идейной сущностью театрального искусства. Верность идеям коммунизма делает искусство театра целенаправленным, идейно насыщенным. Партийность — это концентрированное, активное выражение классового характера художественного творчества, это образное отражение политических и идеологических интересов определенного класса. Главная линия искусства социалистического реализма — народность. Подлинное искусство театра всегда связа-

но с борьбой народа за свое освобождение. Судьба человеческая — это судьба народная, поэтому судьба героя на сцене часто переплетена с судьбой героев народа. Коммунистическая убежденность, политическая активность, народность становятся необходимыми чертами личного сознания драматурга, режиссера и актера. Мировоззрение актера, его гражданская чуткость к общественным проблемам, волнующим народ, определяют ту точность идейно-художественного акцента, ту силу идейно-эмоционального воздействия, из которой вырастает убедительность его жизни на сцене. Лучшие театральные постановки нашего времени стали достоянием советского народа прежде всего потому, что они проникнуты обостренным, страстным чувством коммунистической партийности и народности. Чем глубже возникает театр в сферу народных интересов, тем точнее и активнее он отвечает потребности нравственно-эстетического, общественного идеала. Театральное действие обретает глубину и значительность тогда, когда оно затрагивает непосредственные запросы зрителя.

Театральное искусство, как вид духовного производства, развивается не только благодаря потребности в нем людей, но оно и само постоянно формирует эту потребность, создает необходимость в театре, воспитывает художественный вкус. «Предмет искусства, — писал К. Маркс, — создает публику, понимающую искусство и способную наслаждаться красотой. Производство производит не только предмет для субъекта, но и также субъект для предмета»¹.

Особенность театрального искусства состоит в непосредственном воздействии на зрителя, в обмене чувств между актером на сцене и человеком в зрительном зале. «Эффект присутствия» в театральном искусстве становится «эффектом активного участия», так как, заражая эмоционально зрителя, актер в то же время воспринимает и обогащается возвращающейся к нему зрительской активностью и волнением зрительного зала.

Нет другого пути к осознанию удачной творческой замысла, кроме активной реакции зрителя. Театр — это школа воспитания творческой активности, воображения, переживаний, это своеобразный общественный институт, который формирует высокие чувства зрителей.

Главный предмет театрального искусства — как образной формы познания мира — советский человек, пафос его творческой деятельности, иногда героической даже в своей повседневности. Актерское искусство требует внутрен-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XII, ч. I, стр. 182.

¹ В. И. Ленин, т. I, стр. 380—381.

ней связи актера, героя и зрителя. Во взаимодействии актера и зрителя предполагается внутреннее сопереживание, эмоциональное участие зрителя в происходящих на сцене событиях. В тесной связи с воспитательной функцией театра возникает проблема положительного героя.

Обогатить духовный мир человека, воздействовать на его ум, волю и чувства, пробудить в нем творческую активность и идейную устремленность театр может путем впечатляющего примера положительного героя. Ответственность драматурга, режиссера, актера за выбор и облик положительного героя очень велика перед нашим современником.

Чем глубже будет осознавать художник-актер свою ответственность перед народом, тем целеустремленной будет его сценический поиск, тем значительней будет его роль в строительстве коммунистического общества. В нашу эпоху великих общественных переворотов, когда огромные массы людей втягиваются в творческую деятельность, задача воспитания самой способности творить приобретает особенно насущное значение. Этой способности творчески преобразовывать жизнь и учит искусство театра.

Театральное искусство может предвосхитить будущее, создать коммунистический эстетический идеал будущего человека. Наш современник, претворяя в жизнь идеи будущего, обладает чертами человека грядущего общества. Коммунистический идеал становится все более зримым, что дает возможность осуществить в творчестве синтез эстетического коммунистического идеала и жизненно реального человека. Идейно-воспитательную функцию театрального искусства в формировании новой коммунистической личности трудно подменить чем-либо другим, так как в образах театра человек не только узнает себя, но и осознает себя, как личность. Пафос искусства социалистического реализма — это пафос открытия нового, подлинно коммунистического; искусство помогает людям не только осознавать это новое, но и укреплять его как свою духовную сущность.

Главное направление нашего искусства, в том числе и театрального, предельно четко и ясно определено в Программе Коммунистической партии Советского Союза. «Советская литература и искусство, проникнутые оптимизмом и жизнеутверждающими коммунистическими идеями, играючи большую идейно-воспитательную роль, развивают в советском человеке качества строителя нового мира. Они призваны служить источником радости и вдохновения для миллионов людей, выражать их волю, чувства и мысли, служить средством

их идейного обогащения и нравственно-го воспитания.

Главная линия в развитии литературы и искусства — это укрепление связи с народом, правдивое и высокхудожественное отображение богатства и многообразия социалистической действительности, вдохновенное и яркое воспроизведение нового, подлинно коммунистического и обличение всего того, что препятствует движению общества вперед»¹.

Если говорить о театральном искусстве в свете этих грандиозных задач, то сразу же возникает огромная значимость актера как непосредственного возбудителя эмоционального воздействия на зрителя, актера как художника, мыслителя и гражданина.

Формирование личности актера можно рассматривать в двух аспектах. Становление мировоззрения, политических, социальных воззрений актера и воспитание его как художника, владеющего высоким мастерством. Несмотря на кажущуюся самостоятельность, эти два аспекта формирования личности актера неразрывно связаны между собою и взаимообусловлены.

Социальное и природное, талант и художественная фантазия, мировоззрение и творческая индивидуальность, свобода творчества и гражданская ответственность — все эти факторы воспитания личности актера взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Ключ к проблеме формирования личности вообще надо искать прежде всего в исследовании тех общественных связей и отношений, которые складываются у человека в общении с другими людьми и в исследовании той формы деятельности, в которой происходит включение его «индивидуальной жизнедеятельности» в деятельность всего общества.

Это «включение» происходит в ходе активной жизни и труда самого человека, его непосредственного участия в общественном творчестве, которое, собственно говоря, и формирует личность.

Индивид становится личностью в формах своей собственной активной предметной деятельности. Признание того, что человек приобретает личностные характеристики в процессе активной предметной деятельности, предполагает признание огромной роли его внутренней субъективной активности, его саморазвития, в котором он сам конструирует себя.

Личность характеризуется пониманием действительного смысла и значения своей жизни, своей деятельности, она может своим просветленным разумом

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза, 1961, стр. 31.

предвидеть результаты своего творческого труда и отвечать за них.

Формирование личности актера подчинено тем же общим закономерностям, которые детерминируют становление личности как таковой, но если проблема формирования личности вообще требует исследования и разработки общей теории человеческой деятельности, то воспитание личности художника-актера требует исследования творческой сценической деятельности, ее социальных и профессиональных особенностей.

Одной из необходимых предпосылок сценической деятельности является талант. Часто ставят вопрос: что такое талант, природное или социальное явление? На поставленный вопрос нельзя ответить однозначно. Талант актера представляет собою единство социального и природного. Можно сказать, что талант как художественный склад человека — это целый комплекс природного, эмоционального, социального и интеллектуального. Помимо способности к художественному восприятию действительности, личность будущего актера должна обладать способностью творческого, поэтического воспроизведения действительности, иметь ясную и отчетливую память, сильно развитое воображение, живую, яркую восприимчивость, образное мышление и склонность к восприятию красоты.

Можно ли сказать, что человек искусства и человек науки — это люди, стоящие на противоположных жизненных полюсах? Этого сказать нельзя. Неправильно противопоставлять художника ученому, ибо грань, отделяющая знание, склонное к логическому мышлению, от образного художественного сознания, условна. Восприятие мира чувствами, в конкретно чувственной наглядности часто свойственно и ученому. Очевидно, речь идет о преобладании чувственного или логического моментов в сознании. Оба эти момента — ощущение и понятие — немислимы вне взаимосвязи. Говоря словами Л. Н. Толстого: «Поле фантазии должно быть вспахано мыслью».

Одной из особенностей художественного сознания актера является способность перевоплощения, умение оживать себя с другими лицами. «Работники науки, — писал по этому поводу М. Горький, — изучая барана, не имеют надобности вообразить себя самого бараном, но литератор, будучи щедрым, обяжан вообразить себя скупым, будучи бескорыстным, почувствовать себя корыстолюбивым, стяжателем, будучи слабым, убедительно изображать себя человеком сильной воли»¹.

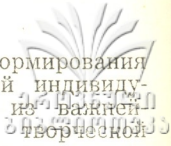
Это замечание М. Горького еще в большей степени можно отнести к актеру. Отсутствие дара перевоплощения является препятствием в сценическом творчестве. Художественное творчество развивается наиболее рафинированные формы чувственного восприятия действительности. В процессе творческого воспроизведения жизни в художественных образах культивируется способность к воображению, к художественной фантазии.

Фантазия, как сила воображения, далеко не является качеством, присущим людям только художественного склада. Без фантазии нельзя было бы представить себе ни красоту неведомого края, нельзя было бы запустить в космос ракету, проникнуть в тайны микромира, предполагая существование неизвестной еще микрочастицы. Даже в математике, строго формальной и последовательной науке, невозможны были бы научные открытия без силы воображения. «Открытие дифференциального и интегрального исчисления, — замечал В. И. Ленин, — невозможно было бы без фантазии»¹. Творческое воображение — это такая же универсальная способность человека, как и способность мыслить в форме строгих понятий.

Деятельность творческого воображения приводит к воспроизведению в сознании обобщенного образа, подсазанного действительностью. Эта деятельность фантазии носит не только обобщающий, но и продуктивный характер. В творческой, созидательной художественной фантазии воплощен опыт предыдущих поколений, на основе которого развивается многообразие художественного воображения. Высокая культура деятельной фантазии актера связана с свободой воображения, но свободой воображения нельзя понимать как фантастический произвол, как каприз воображения. Художественная фантазия, как капризная игра личного воображения, лишенная интеллектуального озарения, — это удел плохих актеров. По сути дела произвольное действие, даже в фантазии, не может выпрыгнуть за пределы детерминации. Личный фантастический произвол возникает в результате давления на психику и воображение ближайших внешних обстоятельств, а подлинная свобода художественной фантазии осуществляется в русле всеобщей необходимости и осознании цели. Эстетически схваченная, художественно осознанная необходимость определяет свободу творчества. Индивидуальная игра воображения представляет в действительности особую форму, в которой высказывает себя общая, назревшая в обществе необходимость, чутко улавли-

¹ М. Горький. Заметки. Литературная газета от 27 мая 1958 г.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 297.

ваемая художником. Актер, действующий по личному капризу, не может обладать силой художественного воображения, даже если он утверждает себя как фантаста, все равно его художественное воображение должно иметь цель всеобщего звучания и в его фантастическом искусстве общественно значимая потребность превращается в личностно-окрашенное, пусть даже фантастическое.

Полет воображения связан с интуицией. Природа интуиции кажется на первый взгляд загадочной и непостижимой. Тайна рождения интуиции заключается в предметно-практической деятельности человека, изменяющего природу и самого себя. В ходе предметной деятельности человека развиваются его творческие способности, в том числе и воображение, а интуиция есть следствие культурного развитого воображения. Она позволяет схватить целое раньше частей, предвидеть целое. Эстетически развитый глаз видит образ целостной жизненной ситуации еще до того, как она будет строго проанализирована логикой мышления. Интуитивное мышление является проявлением силы фантазии. Великий ученый Альберт Эйнштейн писал: «Я верю в интуицию и вдохновение. Временами я чувствую уверенность в своей правоте, хотя и не знаю причины этому. Что касается знания, то оно ограничено, в то время как воображение обнимает весь мир, стимулирует прогресс, рождая эволюцию. Оно, строго говоря, является реальным фактором в научном исследовании»¹.

Сила воображения, художественная фантазия, интуиция составляют специфические особенности сознания, как мы уже подчеркивали, человека художественного склада. Эти особенности художественного мышления способствуют формированию человека — субъекта художественного творчества — как актера, писателя, режиссера, композитора, живописца.

Но развитие художественной фантазии важно не только для людей искусства, формирование всесторонне развитого человека будущего предполагает формирование его как художника в широком смысле этого слова.

В сфере искусства развивается высокая культура человеческих чувств, обогащающая духовный мир человека. Этот процесс художественного освоения мира выражается также в формировании умной, содержательной эмоции. Четкость и сила идейной и художественного впечатления от сценического действия находится в непосредственной зависимости от творческой индивидуальности и мировоззренческих принци-

пов актера. Проблема формирования мировоззрения и творческой индивидуальности актера — одна из важнейших проблем становления творческой личности. Там, где царит хаос чувств и неопределенность мысли, актера подстерегает неудача. Наиболее современным является актер интеллектуального обаяния. Мысль актера вторгается в те области общественного и нравственного бытия, которые не всегда открыты для чувства. Актер-современник должен быть мыслителем. Одно мастерство — это еще далеко не все. Мировоззренческие и идейные принципы художника-актера своеобразно преломляются в его сценической деятельности.

Творческий метод актера — это целая система, включающая в себя выбор ролей, отбор жизненных фактов, явлений и характеров, эстетические и моральные оценки, воплощение жизненной ситуации в сценическом действии, сложную методологию перевоплощения. Перевоплощение — это не только умение спрятать свое «я», это нечто гораздо большее, чем найти тон, манеру, походку, грим образа. Суть перевоплощения — показать человека особенной судьбы, проникнуть в образ, дать ему жизнь и открыть через него самого себя. Но творческий метод актера, даже мастерски усвоенный, еще недостаточен для сложного сценического акта перевоплощения, степень которого определяется глубиной творческого поиска и мировоззрением актера.

В единстве мировоззрения, мастерства и таланта — сила творчества актера. Достижение высокого мастерства — процесс очень сложный. Он включает в себя не только способность к художественному восприятию, не только высокую культуру чувств, но и умение тонко мыслить, быть чутким к проблемам, стоящим перед обществом, в котором актер живет. Материалистическое мировоззрение помогает актеру разобраться в самых сложных явлениях жизни. Оно расширяет идейный и познавательный кругозор актера, правильно ориентирует его в сложной и тончайшей сфере человеческого духа.

Художественная искренность игры актера определяется не только темпераментом и мастерством, но и философским проникновением в глубинную мировоззренческую сущность изображаемого образа.

Отсутствие мировоззренческой концепции приводит актера иногда к грубому натурализму. Идеалистическое мировоззрение не только ограничивает видение мира, но и затемняет сознание художника, создавая превратное убеждение в абсолютной власти только идеальных сил, в непознаваемости законов развития природного и общественного

¹ «Problems of science» Eg. Wels. G. New-York, 1965, p. 43.

мира, противостоящего якобы человеческой личности как страшная, чуждая и враждебная сила. Такое видение мира приводит к пассивности, безыдейности актера как личности. Образ, создаваемый актером, — это не только результат его чувственного познания, но и создание мышления, обогащенного проникновением в сущность явлений жизни и духовный мир человека. Поэтому единство мировоззренческих принципов и художественного мироощущения необходимо для целостности и глубины сценического действия. Основу мировоззрения актера составляет представление о месте и назначении человека в жизни. В актах театрального действия актер раскрывает зрителю его высокое назначение, как человека, его общественную роль, идеологическую и практическую значимость его устремлений. Активизация зрительного воображения создается в условиях сопереживания, которое создает творческую атмосферу для формирования психологии как зрителя, так и актера. На сцене решаются те же проблемы, что и в реальной жизни, поэтому только актер, вооруженный марксистско-ленинской теорией, может глубоко и правильно понять, оценить и указать путь разрешения жизненных конфликтов и самых сложных противоречий человеческой психики, возникающих в процессе созидания коммунистического общества.

Ориентация актера только на самовыражение в образе освобождает его от эстетического исследования человеческих характеров и судеб. Нельзя отрицать, конечно, что формирование личности актера требует углубления в свое творческое «я», но наполнение «я» происходит не только на основе богатства внутреннего мира актера, но главным образом за счет реалистического отражения жизни и моральных оценок жизненных фактов в свете материалистического мировоззрения.

Единство мировоззрения отнюдь не предполагает нивелировку индивидуальностей. Всякая унификация творчества противоречит искусству социалистического реализма. Не может быть единообразного формального канона творчества, потому что богатство эстетических потребностей советских людей, индивидуальность художественных запросов требует разнообразия и простора для проявления творческой инициативы, требует многообразия творческих форм, стилевых течений и жанров. Творческое многообразие нисколько не снимает проблему воспитания единого материалистического мировоззрения. Актер сосредоточивает свое внимание на тех сторонах жизни, которые его непосредственно интересуют, а этот интерес диктуется определенным мировоззрением, опреде-

ленной идеологической направленностью. Оценка жизненных фактов и ситуаций, поступков людей также формируется на основе определенных мировоззренческих принципов, но воплощение их на сцене предполагает богатство и разнообразие форм художественной выразительности. Не нужно смешивать оригинальность творчества с произволом. Художественное своеобразие выступает как своеобразие самого реального предмета или явления. Оригинальность творчества — это не причуда и не просто игра воображения, это скорее умение видеть особенное, своеобразное содержание жизненного явления или неповторимость человеческой природы. Актер не копирует жизнь, характеры и индивидуальность своих героев, он силой своего воображения создает новые образы, которые непохожи на реально существующие прообразы. Воображение актера не просто воспоминание о действительно существующих людях, актер в своем художественном воображении соединяет в вымышленном герое качественные характеристики нескольких реальных лиц. Оригинальность воображения — это источник жизненности и поэтичности образа. Самый оригинальный замысел, если он лишен самостоятельно найденных актером выразительных средств, становится штампом и банальностью. Актер стремится перевоплотиться в сценический образ в своей индивидуальной определенности, и в то же время он воспроизводит в образе типическое, лежащее в основе многообразия его оригиналов.

Образ рождается у актера в сложном творческом процессе. Это и поиск нового, и отбор и осмысление жизненных наблюдений, и изучение характеров и психологии людей с позиций определенного мировоззрения. Но все жизненные явления только тогда становятся фактом настоящего, подлинного искусства, когда они преломляются через индивидуальное конкретно чувственное восприятие актера, объединяющее свое видение жизни в целостную картину.

Сценическое действие только тогда захватывает сознание зрителей, когда оно представлено на уровне современного строя чувств и созвучно нравственным, политическим и интеллектуальным представлениям нашего современника. Наш советский театр стоит на позиции злободневности, политической активности и коммунистической убежденности. Мировоззрение актера, его гражданская чуткость и идейная убежденность обеспечивают силу эмоционального воздействия на зрителей, объединяют их волю, чувства и желания. Сценические образы, создаваемые актером, должны быть не только эмоционально волнующими и глубоко поэтич-

ными, но и глубоко философскими, революционно-гражданскими.

Многовариантность образного художественного выражения героя должна содержать в себе идейно-художественный отклик на волнующие проблемы современности. Актер — царь сцены, и значение его как художника, мыслителя и гражданина неизмеримо велико.

Формировавшаяся личность актера как художника отличается неподражаемой индивидуальностью своего творческого облика, обладает богатством художественной фантазии, виртуозностью перевоплощения в образ и впечатляющей эмоциональной силой воздействия на зрителя.

Личность актера как мыслителя видит мир с мировоззренческих позиций материалиста-диалектика, глубоко проникает в философский смысл человеческих переживаний. Правдоподобие переживаний актера предполагает глубоко интеллектуальное осмысление им своих ощущений. Согласно глубокому замечанию Дидро, «слезы актера должны падать из его головы»¹.

Перед личностью актера как гражданина возникает грандиозная сверхзадача нести к зрителю коммунистический эстетический идеал. Никогда еще театральное искусство не достигало такого гражданского пафоса, как в современных условиях выявления, раскрытия и формирования способностей и возможностей человека прекрасного в своей гармонической целостности. Актер-гражданин воплощает в образно-художественную форму идеи, потребности и интересы нашего общества; образы, обретающие реальную выразительность на сцене, убеждают зрителя. Победить эмоционально — это значит убедить идейно. Сверхзадача формирования новой всесторонней гармонической личности определяет активную политическую позицию актера как гражданина.

Формирование социалистической культуры неизбежно активизирует в широких массах потребность к творческому восприятию жизни, стремление строить мир своих отношений свободно и целеустремленно. Сама жизнь тре-

бует, чтобы каждый человек в своей трудовой деятельности был художником, работал вдохновенно, творчески. Актер в этих условиях становится непосредственным участником духовного роста людей.

Рассматривая проблему формирования личности актера, мы не можем ограничиться анализом становления творческой личности только в условиях социалистического общества, в котором искусство развивается в гармонии с действительностью и актер опирается на реальные тенденции в жизни, совпадающие с требованиями высоко развитого нравственного чувства. Настоящее социалистическое общество практически разрешает классическое противоречие отношения искусства к действительности, которое исторически было присуще развитию искусства и которое особенно ярко проявляется в кризисе современного зарубежного искусства. В условиях социалистической действительности различные сферы деятельности людей наполнены эстетическим содержанием и огромные массы людей вовлечены в творческую деятельность, что пробуждает в людях способность «творить». Это создает гармонию развития искусства и жизни.

В условиях капиталистического общества деятели театрального искусства — актер, режиссер, драматург — сталкиваются в процессе художественного освоения действительности с бесчеловечностью и жестокостью всего жизненного уклада, с пассивностью человека перед непреодолимыми внешними силами, подавляющими его творческую сущность.

Распад разумных общественных связей, резкое противоречие между богатством предметных форм и бедностью творческих потенций личности, искалеченной капиталистическими условиями труда, неизбежно приводят к тому, что театральное искусство с его целостной синтетической творческой культурой не находит контакта с действительностью, что повергает его в состояние кризиса. Личность актера зарубежного театра переживает глубокую драму распада своей гармонической целостности как художника, гражданина и гуманиста.

¹ Дидро. Парадокс об актере.

МАТЕРИАЛЫ ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ А. С. ГРИНА

В рукописях А. С. Грина сохранилось много набросков и отрывков из неосуществленных произведений. Материалы эти значительно расширяют представление о творчестве этого самобытного писателя и во многом отражают процесс его работы над сюжетами, идеями и стилем произведений. Они проливают свет на пути, которыми шел писатель-романтик к выработке своей проблематики, к воплощению своих тем. Рукописи Грина также позволяют яснее представить историю создания и некоторых опубликованных произведений, увидеть, как развивались эти замыслы или как происходило отклонение от них.

НЕОСУЩЕСТВЛЕННАЯ ПОВЕСТЬ
А. С. ГРИНА О КРЫМЕ

В двадцатые годы в записных книжках А. С. Грина зафиксированы наброски, сопровождаемые заглавиями «Пещера голубых глаз», «Два письма», «Хранитель морских камней»¹. Их объединяет одна тема — рассказ о восточном берегу Крыма района Коктебеля, Огуз, Биостанции, Нового света, суровую красоту которых Грин любил гораздо больше, чем районы Ялты. Более того, по воспоминаниям супруги писателя Н. Н. Грин, эти места были излюбленным местом его отдыха. Он их исходил и извездил вдоль и поперек, поднимался на Кара-Даг, любил собирать морские камни.

События должны были происходить летом 1925 года в дачном поселке Акманай.

Эта неосуществленная повесть интересна вдвойне тем, что в ней впервые в романтическом плане Грин собирался рассказать о Крыме. Кроме того, события должны были развернуться в послереволюционный период, а известно, что советскую действительность Грин успел изобразить лишь в единичных произведениях.

По сохранившимся фрагментам можно восстановить ряд моментов произведения, например, поэтический рассказ

о скалах Кара-Дага — жемчужины Крыма, с его бухтами и скалами.

С присущим его романтическому стилю юмором и сатирой Грин изобразил пляжную публику и массовое увлечение сбором гальки.

Повествование велось от лица автора, но одним из главных героев произведения должен был стать загадочный человек, приехавший в Крым из какой-то далекой страны, изучивший русский язык кабинетным способом. Его основное занятие — изыскания по истории древних европейских колоний, а цель приезда в Крым — осмотр музеев Севастополя, Феодосии, Керчи и коллекционирование камней.

С автором он случайно знакомится на пляже, и их беседа показывает, что Ван Б. должен был воплотить в себе многие характерные черты положительных героев.

Завязка сюжета по замыслу Грина была связана с тем, что в скалах Кара-Дага найдено забытое письмо, посланное вымышленному лицу и по вымышленному адресу в несуществующий город. На этом сюжет обрывался. Насколько занимательно Грин предполагал осуществить данный замысел, видно из его рукописи под названием «Два письма». Грин успел написать лишь часть одного письма, и, видимо, именно оно должно было принадлежать Ван Б.

«Дорогой брат! Спешу сообщить Вам слух, который, вероятно, расстроит Вашу печень и вызовет возмущение. Я очень рад, что могу влить в Ваш равномерный пульс и в жилы добрую порцию яда, но не бойтесь... это не дианитный калий и не синильная кислота.

Мой яд изыскан, как запах жасмина, цветы которого пахнут так тяжело, так значительно и тревожно. Но оставим эту метафору. Вам, вивисектору, относящемуся ко мне с меньшей иронией, чем я к Вам, нужен один яд: нежная рука и добрые голубые глаза.

Уже по вступлению моему Вы видите, что я расположен говорить с Вами не торопясь, что у меня есть сильная козырная карта, которую я медлю показать, представляю Вам, пока что, делать

¹ ЦГАЛИ, фонд 127, л. 1.

мысленные ходы, напевая. Как вы знаете, нас всегда тянуло друг к другу немного оттого, что мы несхожи, что мы так страшно удалены друг от друга разницей в объяснениях. Не вымощу ли я, на сей раз, это расстояние подробным изложением случая с Д., моим знакомым на южном берегу Тавриды?

Приехал в Гель-Аней, я снял комнату на холме, несколько в стороне от дач, и, достаточно изучив Феодосийский музей, запасся кое-каким новым материалом по истории древних европейских колоний. У меня была работа, мой дневник, прогулки, и я не искал общества, но познакомился совершенно случайно с тем самым Д., о котором буду говорить далее. Я встретился с ним на морском берегу, в то время как солнце лишь начало всходить над далекой скалой заливом.

Солнечный свет стлался по воде и потому снизу заглядывал в глаза. Было отрадно чувствовать на развеселившемся теле прохладное, свежее полотно костюма и подставить лицо теплему морскому ветру, так благотворно действующему на настроение в первые и самые лучшие утренние часы. Я шел к самой воде, смотря, как перекатываются мелкие камни, то относимые, то увлекаемые обратно легкой волной. Так задумался, что почти наступил на чью-то, вдруг бросившуюся к моей ноге руку. Человек, которому принадлежала эта рука, полулежал на песке. Он был в парусиновых брюках и голубой рубашке, его шляпа и башмаки лежали рядом. Он посмотрел на меня с упреком и вздохом. «Вы врыли его каблуком в гравий», — сказал он, — а это очень недурная лягушка».

Это была досада охотника, которому в момент прицела закрыли дуло рукой. Поспешно разрыв рукой гравий, искатель камней пересыпал часть его из ладони в ладонь и, счастливо захватив лягушку, показал ее мне, говоря: — На чало удачно. Сегодня ночью был прибой, и занесло много новых камней.

Я понимал, что говорит этот человек, но прежде чем продолжать о нем, расскажу о камнях в Гель-Анее и о массовом увлечении приезжих, которые, по приблизительному моему подсчету, вывезли за лето 1925 года из Гель-Анея в северную Россию не менее двухсот пудов отборного гравия. Его разыскивают по линии воды, роясь в песке, смешанном с измельченными ракушками и простой галькой. Ценимый гравий называется «фернампикс». Есть небольшая, но устойчивая классификация этих камней, нередко прекрасных по сложности рисунка и цвета. Я назову то, что запомнил. «Лягушка» — прозрачный камень, покрытый узором из отдельных зубчатых концентрических

кругов, большей частью серо-зеленоватого цвета. Но есть непрозрачно-белые или голубоватые лягушки, есть также лягушки сердоликовые с зеленым узором по камню цвета красного вина.

В отрывке под названием «Хранитель морских камней» А. С. Грин подробнее рассказывает о камнях и их собирателях.

«Собирателю камней в Гель-Анее придется собрать некоторые предварительные сведения у местных и приезжих дам, основательно знакомых с правилами и классификацией. Там он узнает, что не все камушки побережья достойны быть помещенными в изысканную коллекцию.

Ему покажут таинственные стеклянные банки, мешочки, коробки и баулы, наполненные доверху сокровищами моря, и он узнает их имена: фернампикс, лягушка, сердолик, халцедон, слезки и прочее, а также, познакомится с некоторыми легендами.

Ему скажут, что, по слухам, в море, где-то под водой, скрыта огромная сердоликовая скала, осколки которой после шторма можно найти в песке. Прозрачные, цвета красного вина, эти кусочки минерала составляют одну из наиболее лакомых добыч коллекционеров и, хотя, по К. Марксу, имеют лишь цену усилия, затраченного на их поиски, вызывают больше восторга, чем алмазная выставка Фаберже.

Еще узнает он (собиратель), что по линии скал Хар-Дагага¹ существуют Аметистовая, Сердоликовая и Лягушачья бухты, что один из старожилов Гель-Анея собирал разные такие камни лет тридцать и теперь живет тем, что продает их любителям. Если он будет так доверчив, жаден и ленив, что поручит розыски сих редкостей местным подросткам, ожидающим, нельзя ли сорвать что-нибудь с приезжего, — они нанесут ему всякой дряни и назначат превысокие цены. Пройдя садом мимо греческой столовой Папандопуло, человек этот увидит простую степенного вида женщину в платке, сидящую у ограды перед стеклянными балконами с камешками по цене от 5 коп. до 1 рубля и выше.

Эта женщина продает — слезки, фернампиксы и редкую красивую гальку, причем некоторые экземпляры прекрасны.

Ее муж — дворник, умер, завещав вдове Варве это красивое морское наследство. — подобие клада.

Так как я по натуре — собиратель, охотник, то меня очень быстро потянуло к разысканию камней. Однажды, лежа на песке и повернувшись затылком к набережной, я начал разгребать

¹ Видоизмененное название Кара-Дага.

песок, причем со счастливой быстротой нашел сердоликовую лягушку — прозрачный красный камень с узором из глазастых зеленых кружков. Это было начало, и я превратился в запойного, берегового крота.

Такое увлечение явилось весьма, кстати, потому что жизнь в Гель-Анее была очень однообразна. Отсутствовали музыка, лодка, сносный ресторан; не слышно было ни смеха, ни песен. Приехавшие отбывали повинность, состоящую в том, чтобы прибавиться в весе, истратить ассигнованные на поездку деньги, сколько возможно «загореть», посмотреть на голых женщин или на так же мало одетых мужчин...

Меня крайне раздражали некоторые особенности морского курорта — как я наблюдал их, в особенности, «загораемость» и «оголяемость». Женщины, от младых лет до весьма почтенного возраста, столь же мало стеснялись голых мужчин и наоборот, как стадо коров. Почти не было видно купальных костюмов, на улицах, даже, было обычным явлением видеть здоровенных молодцов с волосатыми, кривыми ногами и слабым подобием разумемого прикрывтия, что надо отнести, если только не в большей мере, к женщинам, бюстгальтер и поясик которых имели скорее значение знаков препинания к двусмысленной фразе, чем подобие одежды. Не будучи праведным в том смысле, какой, естественно, вызывает улыбку, я не видел цели этого выставления напоказ всех слабостей неуклюжих тел, имеющих к тому же не то демонстративный, не то религиозный вид несения чего-то «принципиального» или неуместного озорства, с расчетом на крикливый эффект. Любители «загорать» так же скорбно потешали меня, как и карикатура аркадских счастливых; надо думать, должную роль сыграла литература, а главное, желание иметь выжженное солнцем удостоверение в том, что побыл на юге; загорелость, удалость, здоровье — стали синонимами. «Его мужественное, загорелое лицо» или «ее гибкий смуглый стан» — эти старопечатные фразы на протяжении ста лет дали сознанию известный тон, действующий гипнотически. Не знают, что есть случан, когда загар определенно некрасив, то есть не соответствует типу, внешности; эти люди валялись на солнце, посыпая себя песком в самые жаркие, вредные часы дня, терпя ожоги, пузыри на коже; погружаясь в воду и дав, таким образом, сжаться артериям, они вновь брыкались на песок, рассматриваясь друг другом, сравнивая жедтизну рук, спин, шей и щек. Они лежали длинными рядами, как человекоподобные шкафы, в молчании и мрачности, как бы терпя соседст-

во соревнователей по жестокой и несправедливой необходимости. Можно было наблюдать все оттенки едкого действия солнца — от противно-розового след первого ожога до блестяще-розового...

По многим причинам, как такого, так и иного характера, я, начав собирать камни, уходил или по направлению к скалам Хар-Датага, или к мысу Дикой Козы.

Сгрести кучи гравия и пересматривать его, испытывая острое утолнение охотничьей страсти, когда среди белых, черных, розовых, серых, зеленых мелькнет прозрачный, как опал, фернамникс или затерянная лет пятьсот назад итальянская бирюзовая буса — само по себе может наполнить день, как охота на дупелей или собиране грибов, но лучше разуться и идти вдоль берега по колену в воде, смотря вниз. Прихлестывающая волна холодит кожу под сгибом колена и двигает по усеянному галькой дну сетку тени, вода шевелит камни, перекатывая их из стороны в сторону, и вот тут, когда они все очень ярки и чисты и так искрятся под водой, внезапно видишь голубовато-белый цвет халцедона, узор лягушки, карминовый сердолик. Вдруг нечто необычайное останавливает внимание. Оно мечется по дну в такт прибоя, и кажется, что его унесет волна. Зеленое, золотое, розовое блесит в этом цветке моря. Постепенно схватив целую горсть камней, чтобы заодно вернее словить вместе с ними ускользящий из пальцев чудесный камень, искатель, смочив руку до плеча, извлекает находку и через минуту швырнет его с досадой. Быстро ускользнув, камень оказывается обыкновенной галькой, потускнев, она теряет все краски, какие были ей сообщены влагой.

Так, с разочарованием и успехами происходит охота. Иногда бродить в воде мешают медузы, живые стеклянные блюдечки среди этих цветов из слизи, несмотря на то, что их узор правилен, как узор снежинок, и чрезвычайно разнообразен. Иногда мешал также резкий прибой.

Мне приходилось разговаривать с другими собирателями камней, которых встречал я на берегу, и после нескольких таких встреч я убедился, что в основе нашей общей страсти к коллекционированию редкой гальки лежит неясная нам самим надежда разыскать неведомый камень, чрезвычайно венчающий все усилия, красоты. Если б это было не так, мы были бы удовлетворены тем, что нашли. Быть может, женщины грезили о бриллиантах и сапфирах, рубинах и изумрудах. Женщины, не знающие минералогии и естественной среды горных пород, вероятно, они были пра-

вы в своем неведении. Что касается мужчин, то среди них были люди мелких и больших челей, от «соберу интересных камышков на память» до неясной и растрavляющей жажды находить все лучше, великолепнее, совершеннее.

II ЧАСТЬ

Я жил на холме, несколько выше крыши Гель-Анея, между виноградником и невысоким обрывом. В моем распоряжении были две комнаты, выходящие на веранду, возле которой росли чахлые кипарисы, а неподалеку была мусорная яма. Цветов не было. Кое-где торчали обломки розовых кустов да краснели ягоды. Это было жаркое время лета, с высохшей, жесткой травой, пылящей не хуже проезжей дороги. Выйдя на веранду, я мог видеть слева, через залив, мыс Дикой Козы, а справа — утесы Хар-Датага, где, по слухам, таились бухты Сердоликовая и Лягушачья. Восьмиверстая стена скал была недоступна с моря иначе, как посредством лодки, так как в Гель-Анее их не было, за исключением двух неизвестного назначения, которые нельзя было ни нанять, ни купить. Я неоднократно размышлял о том, что следует мне совершить немую одинокую экспедицию и посмотреть на месте, не одолимы ли эти скалы со стороны материка благодаря каким-нибудь внутренним их трещинам или спускам. Проезжая на паровом катере Тридцать Дворов, где находится Биологическая станция, я замечал по подножию этих хаотических, мрачных скал и узкие, прерывающиеся отвесами отмели и пещеры. Пробраться туда явилось отличным упражнением. Я сшил холстовую сумку и наполнил ее провизией, захватил литр пресной воды, табак, чай, и, встав рано утром, в очень хороший день, начал всходить на возвышение со стороны Гель-Анея.

Едва я одолел первые крутые холмы, как начала развстрываться страна молчания. Она была залита солнцем, покраята трещинами и оврагами. За подымающимися по склону зарослями пыльного дубняка виднелись первые зубцы вершин скалистого побережья Хар-Датага. Они были слева и казались очень близко благодаря прозрачности воздуха, на самом же деле надо было одолеть версты две, двигаясь в обход кустарника и глубоких расселин. Медленно, но неуклонно я подымался на высоту тысяч фут. В это время года не было полевых цветов. Я шел по колючим горным травам, шалфею и полыни, изредка разнообразящихся кустами дрока и терна. Мысли — если называть мыслями сознание сухой остроты дыхания и свободы бродить по яркому, безлюдному пространству — определялись тем, что видели

глаза и нащупывала нога. Не было ни птиц, ни мотыльков, лишь шелест ящерицы да хруст жесткой травы нарушали полдневную тишину.

Я достиг трещин, окружающих высокие мосты скал и, перебравшись через одну из них по острому ребру громадного камня, ступил в узкий коридор из неровных отвесных стен, ведущих зигзагами вверх. Здесь подъем был узок и крут, так что приходилось хвататься за рощий меж камней кустарник, иногда скользя ногами и оступаясь.

Этот подъем был высотой не менее пяти сажен и утомил меня. Поднявшись на окруженную зубцами площадку, я сел отдохнуть и выкурил папиросу, разглядывая внизу пейзаж.

Лишь в стороне Гель-Анея, лежавшего на береговой плоскости и казавшегося белым планом, раскрашенным зеленой краской, не было скал, вокруг же везде, куда я смотрел, вместе со мной поднимались на высоту взгляда белые и серые скалы, с взбегающими по их склонам лесами. Песок был неяркий и чист, как акварельный рисунок. Пройдя каменную площадку по направлению к морю, синевшему за амбатурами верхних зубцов, я увидел, что главные трудности впереди! Передо мной были рискованные воздушные переходы и глубокие трещины. Эти отдельно расположенные гребни, с провалами между них, были доступны стрижку, но не человеку». В этом месте и было найдено письмо. После чего рукопись оборвалась.

НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЮЖЕТЫ В ВАРИАНТАХ «БЛИСТАЮЩЕГО МИРА»

В романе «Блiстающий мир» А. С. Грина этическая и философская концепция в своих контрастных проявлениях были выражены наиболее ярко. Главный герой произведения Друд наделен необыкновенным даром — способностью летать. Этот прием Грин использует не для создания фантастического романа, а прежде всего для воплощения своего писательского кредо, для утверждения величия всесторонне прекрасного и духовно развитого человека. Друдом утверждается представление писателя о могуществе человеческого духа, могуществе, которое направлено не во вред человечеству, не для завоевания и покорения мира, а прежде всего к тому, чтобы повести «человечество... все разом в страну Цветущих Лучей», то есть к счастью. С другой стороны, противопоставляя себя завоевателям всех мастей, он говорит: «У меня нет честолюбия. Вы спросите — что мне заменяет его? Улыбка. Но страстно я привязан к цветам, морю, путешествиям, животным и птицам; красивым тканям, аромату, музыке и причудам. ...Я люблю все. Мне

ли тасовать ту старую, истрепанную колду, что именуется человечеством? Не нравится мне эта игра» (III, 120).

В романе Друд несколько раз поражает и в основном пугает окружающих своим даром, вначале полетом в цирке, а позже участием в полетах, устроенных Клубом воздухоплателей. В окончательном варианте произведения каждый раз после того, как массы становились свидетелями загадочного события, редакциям «рассылался секретный формуляр, предписывающий «забыть» необыкновенное происшествие; упоминать о нем запрещалось под страхом закрытия; никаких объяснений не было дано по этому поводу, и редакторы возвратили авторам длиннейшие статьи, плоды бессонной ночи, украшенные самыми заманчивыми заголовками. Одновременно с этим были предприняты все меры, чтобы арестовать и уничтожить летающего человека, сочтя его дар опасным для общественного покоя» (III, 82).

О личности Друда распространяются самые невероятные слухи.

Более конкретно о действиях Друда сказано мало, например: «Никто не подзревает, кто он; одно, другое, третье, десятое имя открывают ему доверчивые двери и уши. Он бродит по мастерским молодых пьяниц, внушая им или обольщая их пейзажами неведомых нам планет, насвистывает поэтам оратории и симфонии, тогда как жизнь вопит о неудобоваримейшей простоте, поддакивает изобретателям, тревожит сны и вмешивается в судьбу» (там же).

В одном из вариантов к «Блестящему миру» Грин еще более конкретизировал действия Друда, и это выразилось в нескольких историях, рассказанных прессой, то есть в этом варианте газеты бурно откликнулись на подвиги загадочного человека. Появлялись статьи под названиями «Очеловеченный воздух», «Воздушная легенда», «Чудесные посещения» и т. п. Более того, большинство корреспондентов в этот период разрабатывало в прессе одну тему, одно явление, и это порождало недоверие читателей. «Казалось, свежую сенсацию постигнет обычная судьба двухголового детей или открытия, как превращать в золото — что время от времени подается в виде свежего кушанья. Казалось, сами редакторы, в тонкости изучив душу читателя, расценивают... материал свой не выше «переплетения Ниагары в бочонке» или «Воскрешения замурованной христианки времен Калигулы», печатая материал в сборнике отдыха, с заголовками «Человек-загадка», «Чудо или галлюцинации», «Невероятные происшествия» и другими, более или менее такими же, набившими оскомину ярлыками, чем, как бы хотели сказать: «Вот, мы умываем руки, кушайте что дают».

Однако, как сказал некто — «не у всех... рыжих одинаковая судьба». Это с точностью оправдалось в ряде событий, дальнейшее, печатное развертывание которых взял на себя такой солидный орган, как «Рефрактор», вскоре к нему присоединился «Луч» и другие, взявшие тот же тон серьезных полу (уверенный) — полуутверждения». В этих газетах материал делился на два разряда: на письма тех, кто мог сообщить что-то новое о необычных явлениях, связанных с полетами Друда, и на статьи журналистов, которые пытались по-своему дать объяснение этому чуду.

Среди этих материалов Грин выделяет три истории, каждая, особенно одна из них, представляет собой интересные самостоятельные сюжеты, которые никогда ни до появления «Блестящего мира», ни после его опубликования не были оформлены в самостоятельные произведения. В каждом из них остались в виде сырого материала многие словесные и сюжетные находки писателя, вроде «газетное тело истории распалось на свои составные части».

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

«Учитель с толпой маленьких детей, школьников отправился на пикник, где, после завтрака, уснащенного назидательными повествованиями о пользе для человека растений, деревьев и насекомых, а также муравьев... учитель сладко вздремнул, а дети занялись играми и естественной в их возрасте дракой. Удаляясь от шума и забав, маленький человек шести лет, покинул лужайку. В первобытном созерцании он находил больше прелести. Так прошло часа два — пока учитель не выспался. Очнувшись, он стал собирать свою паству, но, перекликнув все имена, заметил, что не хватает... мальчика. Тотчас его стали разыскивать, но время шло, солнце садилось, а лес был велик и глух.

...Он исчез бесследно и незаметно. Перепуганный учитель, видя, что поиски напрасны, отправился домой и объявил горестную весть родителям... Те заявили в полицию и, проведя бессонную ночь, несказанно счастливы были утром, увидев мальчика, стоящего около кухонной плиты с довольным лицом человека, достигшего цели жизни, и с большим пирогом, только что, но жадно закушенным. (Он) взял пирог из шкафа, объявив, что сильно проголодался, хотя и ел уже в гостях у одного человека, родителей же будить не посмел.

— Где ты был? — как часто на вопрос этот, словно проснувшись, человек улыбается безмолвно и тихо, не зная, сумеет ли ответить понятно.

— Где ты был? — спросили расцелованного (мальчика).

— Я был везде — я летал по воздуху, — сказал мальчик, и ему тотчас же стали щупать пульс, но из дальнейшего выяснилось, что... здоров.

Он рассказал, как соскучась бросать мяч, отправился он к ручью посмотреть рыб, (затем) погнался за стрекозой и увидел человека, который спросил, боится ли он его. (Оказалось), что не боится решительно ничего, кроме колдунов, змей, мертвецов и драконов.

Тогда у них завязался приятельский разговор, во время которого неизвестный предложил — взять его на руки. «Это был летающий человек. Друд поднял мальчика в воздух, и их совместный полет доставил ребенку большое удовольствие. Во время полета они обратили внимание на изуродованность железнодорожного пути... На паровоз... шедший с экспрессом в Б. ночью на полном ходу, вскочил неизвестный человек, сказав, что в полумиле сняты рельсы, и приказал остановить поезд: машинист повиновался — и действительно, на указанном месте рельсы оказались снятыми. Происшествие длилось меньше минуты, неизвестный исчез мгновенно, как привидение. Таким образом тысяча человек была спасена, но машинист по-седел».

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

«Некто О'Гнейс, скульптор, человек бездарный, но самонадеянный, на выставке отважно приглашал посетителей смотреть... лишь его статуэтку, изображавшую кузнеца. Эта тенденциозная и крикливая статуя была вылеплена из глины; О'Гнейс чуть-чуть не тянул публику за рукав, твердя, что его творение достойно быть зримым всенародно, так оно хорошо. Через несколько дней глиняный кузнец пропал, исчез бесследно из запертого на ночь зала, а день спустя О'Гнейс с ужасом показывал своим знакомым письмо, подписанное «Сочувствующий». Автор приглашал скульптора полюбоваться своим творением на площади.

Кто украл кузнеца? Кто водрузил его на самом высоком шпиле церкви св. Иосифа, откуда был виден он темным и смутным камнем, пока с великим трудом не был возвращен (на землю)... Загадка превращалась в тайну.

Благодаря этому случаю О'Гнейс сделался знаменитым на четыре месяца — то есть популярен... был напечатан даже его портрет, интервью с ним. И о нем скоро забыли».

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

«В тюрьме Гавра, драматург Шевр, приговоренный за убийство любовника

жены к пятилетнему заключению, был вынужден по донесению сторожа отдать тюремной администрации рисунок цветов, сделанный им на заглавном листе Библии, рисунок этот висел против постели узника. Суррэ, начальник тюрьмы, сказал Шевру, что в камере, по уставу, недопустимы никакие украшения. — Я бессилин... — ответил ему Шевр, — но в камере моей цветут вам невидимые растения божественной красоты, и их отнять вы не в состоянии. — Очевидно, намекал он на внутренний мир свой...

— Так, — язвительно ответил Суррэ, — ростки ваших растений еще так малы, что незаметны, завтра я зайду к вам полюбоваться вашими редкими цветами, и вы не откажете мне, конечно, в небольшом красивом подарке. — На том Суррэ ушел, в ту же ночь тюремный сторож услышал, что Шевр с кем-то разговаривает в своей камере. Сторож приложил глаз к дверному отверстию, но, само собой, кроме узника, в помещении никого не было.

Утром Шевр заявил сторожу, что должен сделать Суррэ важное заявление.

Когда явился Суррэ и дверь камеры распахнулась, он отступил с криком, в испуге и гнев. Камера превратилась в сад.

Шевр не отвечал на вопросы, он улыбался. Однако следствию не удалось открыть подкупа служащих, сам же заключенный, безусловно, не мог за ночь покинуть пределов тюрьмы, ни получить цветы со стороны, так чтобы подавляющее количество их осталось незамеченным при доставке. Но наружный часовой этой ночи Антеп показал, что видел над собой, во мраке тихую неясную тень, чему Антеп, человек с крепкими нервами, не придал никакого значения.

Через три месяца окончивался срок заключения Шевра. Он вышел, и скоро Суррэ получил от него письмо, две строчки которого стоит привести здесь: «Цветы, что три месяца назад по приказанию вашему были вынесены от меня охапками, я получил через решетку окна: как вам известно, камера моя находилась в четвертом этаже. Есть человек, умеющий переноситься по воздуху, и я ночью два раза говорил с ним».

Мы отбросим конец истории, напоминая лишь о ядре... ибо недосказать всегда лучше, чем незаметно и глупо перейти к обычному дню.

Итак, мы оставляем как Шевра, так и Суррэ на странном месте их жизни, не интересуясь тем, что делает музыкант, опустив смычок».

КНИГА О НАШЕМ ЗЕМЛЯКЕ

Появление монографии И. Г. Мямлина о заслуженном художнике Грузинской ССР Василии Ивановиче Шухаеве, изданной ленинградским издательством «Художник РСФСР»¹, вызвало большой интерес.

Писать о художнике, о нашем современнике, творческий путь которого начался задолго до Октябрьской революции, чьи произведения находятся в собраниях крупнейших музеев мира, охватить все его творчество, проследить творческую эволюцию и становление мастерства — задача благородная, но и безмерно трудная.

Бесспорно, что И. Г. Мямлин проделал огромную и кропотливую работу: собраны воедино многочисленные разрозненные сведения о выставках, в которых принимал участие художник, и отзывы о нем критиков, обнаружен ряд произведений художника, находящихся так в фондах некоторых музеев, так и в частных собраниях. Однако им использованы далеко не все из имеющихся материалов о художнике.

Это относится к французскому периоду творчества художника, интересному именно тем, что Шухаев «нашел» себя, свой стиль, свои образы.

Увлеченный монументальным искусством, искусством больших форм, Шухаев в этот период «открывает» для себя и такие жанры, как портрет, пейзаж, натюрморт, ставшие затем основными в его творчестве. В монографии не проиллюстрировано это обращение к искусству малых форм, хотя в архиве Шухаева сохранились фотографии большинства работ, особенно тех, которые были приобретены музеями Австралии, США, Франции, Бельгии и тем самым стали недоступными для советских зрителей.

«Портрет Анны Павловой» (1924 г., Музей изящных искусств в Брюсселе), натюрморт «Труба и солонка» (1929 г.), находящийся сейчас в собрании Государственного музея искусств Грузии, «Портрет В. Ф. Шухаевой» (1921 г., частное собрание, г. Лондон), «Нормандцы» (1927 г., Музей живописи и скульптуры, Гренобль), «Портрет А. М. Меликовой»

(Музей изящных искусств, г. Белград) — все эти произведения остались за пределами книги, хотя некоторые из них и упоминаются И. Г. Мямлиным.

Возможно, этим и объясняется, что характеристика французского периода творчества В. И. Шухаева оказалась неполной.

Говоря о деятельности художника в области книжной графики, И. Г. Мямлин верно оценивает иллюстрации к «Шиковой даме» и «Борису Годунову» А. С. Пушкина, как одно из достижений В. Шухаева. Правда, хотелось бы получить более подробные сведения о деятельности издательства «Плеяды», которое под редакцией французского писателя Андре Жида выпускало книги русских классиков. Издания эти, казалось, предназначались для библиофилов — ограниченный тираж (не более пяти сот экземпляров), дорогая бумага, — поэтому и оформление было соответствующим. Так, иллюстрации воспроизводились в технике гелиографуры с последующей раскраской их от руки по трафарету.

Как нам кажется, И. Г. Мямлин недооценил оформление В. И. Шухаевым в 1928 г. романа А. де Мюссе «Две любовницы», изданного тем же издательством «Плеяды». Отмечая, что «оформление отличается романтико-сентиментальной утонченностью», И. Г. Мямлин говорит далее о «кукольности» и «фарфоровидности» этих рисунков, подчеркивая одновременно соответствие их духу романа и не замечая противоречия, содержащегося в этом утверждении, ибо «кукольность» и «фарфоровидность», ассоциирующиеся обычно с манерностью и жеманством, не могут соответствовать утонченному романтическому настрою произведения Мюссе.

Исполненные с глубочайшим постижением стиля эпохи, эти тончайшие иллюстрации В. И. Шухаева воспринимаются как грациозная стилизация в духе того времени, когда был создан литературный оригинал. Вряд ли когда-нибудь еще произведения Мюссе имели столь изящное и столь проникновенное изображение.

Большая заслуга И. Г. Мямлина в том, что он первый попытался обобщить

¹ Мямлин И. Г., В. И. Шухаев, «Художник РСФСР», Л., 1972.

некоторые особенности педагогического метода В. И. Шухаева, хотя вопрос о преподавании рисунка Шухаевым требует особого исследования. Шухаевские рисунки еще в бытность его учеником Академии художеств отличались как стилистическим разнообразием, так и тем новым пониманием роли рисунка, которое только-только утвердилось в русском искусстве начала века. По выражению А. Н. Савинова, рисунок «стал широко применяемой самостоятельной формой изображения, дающей богатые возможности для воплощения творческой индивидуальности каждого автора»¹.

Это отношение к рисунку художник сохранил и поныне, этому он учит и своих учеников.

Однако неоднократно подчеркивая, что В. И. Шухаев является «верным учеником Кардовского», автор монографии нигде не отмечает, что Шухаев усвоил метод преподавания Кардовским рисунка, но не его манеру рисовать, что очень существенно. Ибо, следуя Кардовскому в основном понимании рисунка как большой формы, Шухаев расхохотался с ним как во взглядах на стилистическое разнообразие рисунка, так и в вопросах использования тех или иных технических средств.

Скептически воспринял Кардовский его увлечение сангиной, хотя именно в ее применении Шухаев оказался новатором, как верно отмечает И. Г. Мямлин.

На наш взгляд, одним из больших недостатков монографии является и то, что в ней совсем не раскрыты взаимоотношения В. И. Шухаева и А. Е. Яковлева. Писать о Шухаеве, не касаясь творчества Яковлева, и наоборот — невозможно. Эти «два Аякса», как их называли за неразлучную дружбу, во многом развивались одинаково, влияя друг на друга. Поэтому невозможно постичь и объяснить те или иные особенности творческой индивидуальности В. И. Шухаева, не проводя каких-то параллелей с творчеством А. Е. Яковлева.

Надо отдать должное И. Г. Мямлину, он старался с наибольшей полнотой осветить большой творческий путь художника. Однако, не побывав в Тбилиси, в мастерской художника, он лишился возможности увидеть ряд работ, которые по тем или иным причинам не попали на персональные выставки. Этим же незнанием места, обстановки, в которой живет и творит художник, объясняются и некоторые несуровности. Так, на странице 121 монографии читаем: «Покоренный красотой Западной Грузии, он

(Шухаев. — Н. Э.) пишет летом 1950 / 1953 годов многочисленные пейзажи» («В Натанеби», «Цихис-Диварис», «Греми», «Ацкурская крепость», «Итиси»). За исключением Натанеби, которое, кстати, не является горным селением, как пишется в монографии, ни один из названных пейзажей не имеет отношения к Западной Грузии.

В заключение хотелось бы сказать о приводимом в книге «Списке основных произведений». Отмечая неточности в датировках и размерах, которыми отличались ранее изданные каталоги, автор монографии не избежал тех же самых ошибок. «Список» оказался далеко неполным, к тому же он изобилует рядом неточностей в указании местонахождения работ. Так, «Женщина с тазом» (1927 г., х. м.), «Портрет Я. Шифрина», (1925 г., б., сангина), «Обнаженная на балконе» (1928 г., х., м.) являются собственностью художника и находятся у него в мастерской, хотя в «Списке» они значатся среди произведений, местонахождение которых неизвестно. «Портрет И. Ф. Стравинского» (1933 г., х., м.) указан в собрании С. Рихтера, хотя он является собственностью художника. Не включены в «Список» целый ряд пейзажей, написанных во Франции и приобретенных Музеем искусств Сиднея, а также такие интересные и важные работы французского периода, как «Портрет С. Н. Андреевой-Гальперн» (б., сангина), являющийся эскизом к ее же портрету, написанному маслом в 1922 году, «Портрет Н. Ф. Балиева» (1924 г., б., сангина), натюрморт «Щетка» (1921 г., х., м.), «Фрукты» (1929 г., х., м.) и некоторые другие.

Хочется упрекнуть издательство и Ленинградскую типографию № 3 имени Ивана Федорова за низкое качество цветных репродукций, помещенных в книге. Это относится к репродукциям с «Портрета Е. Н. Шухаевой» и с картины «Арлекин и Пьеро». Случаен и сам подбор иллюстративного материала: отсутствуют многие произведения, имеющие наиболее важное значение для понимания особенностей становления и развития мастера в тот или иной творческий период, и воспроизводятся в цвете работы проходные, ничего не добавляющие нового к тому, что уже известно о художнике (эскиз костюма Панталона, 1919 г.).

Несмотря на все эти недостатки и недоработки, монография о творчестве В. И. Шухаева оказалась очень своевременной и нужной. Об этом свидетельствуют многочисленные письма почитателей таланта художника, в которых они благодарят его за искусство, доставляющее радость.

¹ Вл. Милашевский, Вчера и позавчера, «Художник РСФСР», Л., 1972, стр. 226.

Укрепляя научную базу русского литературоведения в Грузии

Грузия известна богатыми традициями научного изучения и популяризации многовековой русской литературы. Не говоря уже о XVII—XVIII веках, достаточно назвать таких выдающихся писателей, ученых и общественных деятелей XIX и XX столетий, как Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Нико Николадзе, Георгий Церетели, Александр Хаханашвили, Иван Гомартели, Александр Цулукидзе, Кита Абашидзе и других, которые много сделали для изучения русской литературы и ее популяризации среди грузинских читателей.

Традиции эти успешно развиваются советскими исследователями, решающими различные важные проблемы истории русской литературы. Об этом, в частности, свидетельствует изданная недавно на грузинском языке Тбилисским государственным университетом первая книга фундаментального четырехтомного труда профессора Т. П. Буачидзе «Древняя русская литература», касающаяся основных вопросов возникновения и развития русского летописания (редакторы В. Шадури и Р. Мишиношвили).

Как справедливо отмечается в «Предисловии» к книге, на протяжении 50 лет Советской власти в Грузии русское литературоведение в республике базировалось и базируется на твердой научной основе, созданной многими поколениями русских ученых. Современные грузинские литературоведы по-новому ставят и решают многочисленные вопросы как русско-грузинских литературных взаимосвязей, так и русской литературы в целом. Созданы учебные курсы истории русской литературы для вузов и школ, а также целый ряд монографий и отдельных исследований.

Несмотря на это, перед грузинскими исследователями, как справедливо отмечает Т. П. Буачидзе, и по сей день со всей актуальностью стоят те сложные задачи, без решения которых невозможно полное и всестороннее освоение богатейшего литературного наследия русского народа. Это от-

носится прежде всего к древней русской литературе. Действительно, мы до сих пор не можем сказать, что имеем на грузинском языке более или менее обширный материал, посвященный научному и учебному осмыслению древнерусской литературы. В частности, не переведены и не изданы памятники древнерусской литературы, не разработаны узловые моменты ее развития в непосредственной связи и в сопоставлении с грузинской литературой и грузинской действительностью.

Именно этим актуальным вопросам и посвящена рецензируемая книга. Непосредственным объектом изучения в ней является древнейшая русская летопись «Повесть временных лет», вошедшая в сокровищницу духовной культуры русского народа.

Ее можно условно разбить на три основные части. Первая из них включает научное исследование, состоящее из 12 глав; в них последовательно рассматриваются такие важные вопросы, как история изучения русских летописей, развитие древнейшего русского летописания, историко-культурная обстановка в Древней Руси, Киево-Печерский монастырь и русское летописание, информаторы первых русских летописцев, летописец Нестор и создание «Повести временных лет», анализ этого памятника древнерусской литературы, редакционная работа летописца Сильвестра, пути дальнейшего развития русского летописания, взаимоотношения грузинских и русских летописей, сведения об основных списках русских летописей и другие.

Уже один этот перечень свидетельствует о том, что автор подверг широкому и всестороннему исследованию избранную им проблему. Особо следует подчеркнуть, что книга эта опирается на богатейший научный материал, посвященный летописям и, в частности, «Повести временных лет». Автор использует работы К. Бестужева-Рюмина, Е. Голубинского, А. Шахматова, В. Истрина, А. Пылина, Д. Абрамо-

вича, И. Срезневского, В. Ключевского, А. Соболевского, М. Сперанского, А. Преснякова, Н. Никольского, С. Обнорского, А. Орлова, Н. Гудзия, Б. Грекова, Д. Лихачева, И. Еремина, Л. Черепнина, Б. Рыбакова, А. Насонова и многих других, а также грузинских ученых — И. Джавахишвили, С. Каухчишвили, Я. Цинцадзе, В. Шадури, Т. Рухадзе и других. Это придает основным положениям работы научную фундаментальность.

Вторая часть первого тома «Древней русской литературы» содержит полный текст «Повести временных лет» в переводе Т. П. Буачидзе.

В своей известной монографии «Киевская Русь» академик Б. Греков писал: «Повесть временных лет» — это одно из произведений человеческого гения, произведение, которому судьба предназначила неувядаемый интерес на протяжении веков». Поэтому следует всячески приветствовать предоставленную наконец грузинскому читателю возможность познакомиться с этим памятником на родном языке.

Специалистам хорошо известна сложность работы над древнерусским текстом и те трудности, которые возникают перед его переводчиком, ибо отдельные места этого памятника вызвали и продолжают вызывать споры. Поэтому Т. П. Буачидзе поступил правильно, избрав для перевода одно из последних изданий «Повести временных лет», подготовленное к печати академиком АН СССР Д. С. Лихачевым. Вышло оно в свет в 1950 году под редакцией

члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц.

Сам Т. П. Буачидзе пишет: «... Мы читались сохранить общий колорит древнерусского текста и сознательно отказались от особой архаизации, передачи древнерусского синтаксического строя древнегрузинским синтаксисом» (стр. 70). И надо особо подчеркнуть, что с этими сложными языковыми задачами переводчик справился прекрасно. Замечательный стилист, тонкий знаток грузинского и русского языков, Т. П. Буачидзе создал перевод, который, по нашему глубокому убеждению, является немаловажным событием в современной грузинской литературе. Ему удалось сочетать образность и точность языка, своеобразное, умеренное использование синтаксических оборотов и лексика древнегрузинского языка с его современным звучанием.

Заключительная, третья часть книги — это обширный историко-литературный комментарий, а также объемистый «Библиографический справочник», содержащий свыше 130 названий, и ценные «Указатели» (именной, географических названий, наименований сочинений).

Судя по первому тому, выход в свет последующих, надо полагать, еще больше укрепит научную базу русского литературоведения в Грузии и даст возможность студентам гуманитарных факультетов и читателям, интересующимся вопросами древнерусской литературы, еще глубже осмыслить духовную сокровищницу братского русского народа.

Игорь БОГОМОЛОВ,
доктор филологических наук

Сдано в производство 11 апреля 1973 г. Подписано к печати 28 мая 1973 г.
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆.

Цена 40 коп.

И Н Д Е К С
76117

Дорогие читатели!

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ЖУРНАЛ

*„Литературная
Грузия“!*

СТАТЬ НАШИМ ПОДПИСЧИКОМ ВЫ
МОЖЕТЕ С ЛЮБОГО МЕСЯЦА, ОБРА-
ТИВШИСЬ В БЛИЖАЙШЕЕ ОТДЕЛЕНИЕ
«СОЮЗПЕЧАТИ».

ПОМНИТЕ, ЧТО В РОЗНИЧНУЮ ПРО-
ДАЖУ «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ» ПО-
СТУПАЕТ В ОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕ-
СТВЕ!